

ВЛАДИМИР КОРЧАГИН

ИМЕНЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

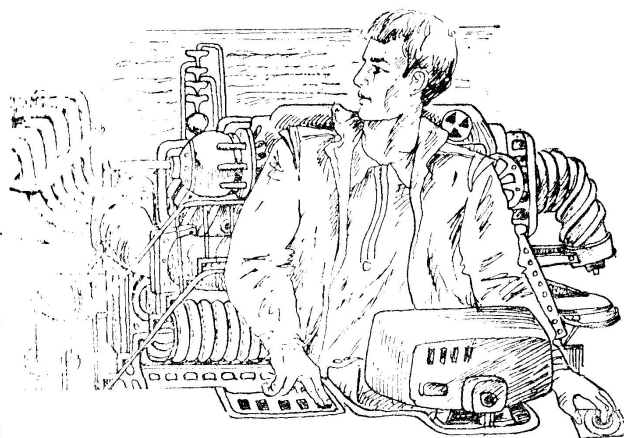

ВЛАДИМИР КОРЧАГИН

ИМЕНЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

ПРОЛОГ

Многие сотни лет высились развалины древнего замка на лесистом холме над Рейном. Много долгих веков безжалостное солнце и лютые морозы обрушивались на каменную громаду, стремясь стереть ее с лица земли. Но на так-то просто было справиться с гигантскими глыбами кварцита, намертво спаянными в глухие зубчатые стены. Лишь бурые пятна ржавчины да седые космы лишайников расползлись кое-где по каменным уступам. Зато на самом верху их, на тонком слое невесть откуда взявшейся земли, взметнулись в небо целые заросли орешника и кленов. И эти корявые, судорожно вцепившиеся в камень деревца словно подчеркивали дикость и неприступность древних развалин. Казалось, давным-давно уже нога человека не ступала под своды полуобрушившихся башен, и мало найдется смельчаков, которые решились бы проникнуть сквозь покосившиеся створки кованых ворот.

Так думал по крайней мере старый бакенщик Ганс Мюллер, из года в год провожавший солнце за черную громаду замка. Нет, он не верил в рассказы о привидениях баронов фон Цвишен, бывших владельцев здешних земель, о которых так любили поговорить его отец и дед. Война отучила бояться мертвецов. И тем не менее за все семьдесят с лишним лет, что прожил Ганс на свете, он ни разу не заставил себя подняться к подножию мрачных стен. Зачем дразнить судьбу? Людская молва не вырастает на пустом месте.

Впрочем, дело было не только в молве. Не раз и не два случалось так, что, объезжая ночью свои бакены, Ганс в сам слышал, как со стороны замка, будто из-под земли, доносились какие-то странные скрежещущие звуки. А с месяц назад он вдруг ясно увидел в бойницах одной из башен яркую вспышку света, точно красная ракета прочертила черный зев проемов, как бывало там, на войне...

Словом, недобрым местом был этот замок фон Цвишен, и каждый раз, особенно после захода солнца, старый Мюллер старался как можно скорее миновать жуткий холм, чтобы не видеть угрюмых стен.

Вот и сегодняшней ночью, осмотрев дальний бакен за поворотом реки, изо всех сил налег на весла и уже выгреб на ровный плес, как там, в развалинах, что-то щелкнуло, а в следующий момент тонкий, прямой, как натянутая струна, фиолетово-красный луч вырвался из-за темных башен и скользнул ввысь, навстречу поднявшейся луне.

Ганс перестал грести, не в силах оторвать глаз от непонятного зрелища. Это была уж не ракета. И вообще не походило ни на что, когда-либо виденное Гансом. Такое возможно лишь во сне. Уж не спит ли он в самом деле? Ганс провел ладонью по лицу, даже протер глаза. Но луч не исчез. Вот он чуть дрогнул, качнулся из стороны в сторону, стал уже, отчетливей. Будто тонкая раскаленная игла нацелилась на луну.

Ганс привстал с места, стараясь рассмотреть невиданное зрелище. Но тут в лицо ему ударила вспышка, жгучая, ослепляющая. Резкий звук выстрела прокатился над водой. Острая боль пронзила грудь. Весла выпали из рук старика, ноги подкосились, и он почувствовал, что летит в страшную бездонную пропасть...

У военного министра

Генерал Колли, глава военного ведомства одной из стран Запада, эффектным жестом обвел карту восточного полушария, спроецированную на светящийся экран, и торжественно произнес:

– Как видите, господа, мы замкнули кольцо военных баз вокруг нашего противника. Они в мешке! И стоит нажать на известную вам кнопку, как десятки тысяч атомных боезарядов не оставят камня на камне от империи большевиков.

– А если они тоже нажмут на кнопку? – раздалось из задних рядов, от двери.

– Это не будет иметь никакого значения. Система нашей Глобальной космической обороны, которая вот-вот войдет в строй, не даст подняться в стратосферу ни одной советской ракете.

– А они не подготовили нечто подобное? – не унимался тот же скептический голос.

– Ничего подобного у них нет и быть не может, Сегодня я могу сообщить вам, что рентгеновский лазер огромной мощности, о котором вы уже знаете, прошел последние испытания на секретной базе нашего европейского союзника. Результаты превзошли все ожидания.

– Но почему, черт возьми, вы уверены, что они не изготовят такой же лазер или что-нибудь похлеще?

Колли многозначительно усмехнулся:

– Лазер изготовить можно. Да ведь нужен еще и отражатель на очаровательном лице Царицы ночи. А вот этим располагаем только мы. Да-с, господа, мы не даром вложили свою лепту в программу «Аполлон». И, как видите, пришла пора получать дивиденды. Русские не высадутся на Луне и через десяток лет. И было бы по меньшей мере глупо не воспользоваться этим обстоятельством. Сам господь бог дает нам последний шанс.

В зале воцарилась напряженная тишина.

– Значит ли это, что мы готовы начать ядерную войну? – нарушил ее наконец один из начальников штабов.

Колли выразительно пожал плечами:

– Ну, такой вопрос решают только Конгресс и Президент. Мы можем лишь доложить им, что через год, максимум – два, будет исключена всякая возможность ответного удара.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Андрей Николаевич Зорин, главный врач крупного кардиологического санатория, впервые ясно осознал, что жизнь прошла зенит и стремительно покатилась вниз. Нет, дело было не в сердце, оно пошаливало давно. Дело было в другом. Зорин стал все чаще замечать, что подавляющее большинство людей: коллег, сослуживцев, пациентов, просто знакомых, – несравненно моложе, сильнее его, а главное, живет какой-то другой, непонятной ему жизнью. Он вдруг почувствовал себя в роли постороннего, никому не нужного пассажира на стремительно несущемся экспедиционном или военном судне, где все, кроме него, знают свое место, свои обязанности, заняты чрезвычайно нужным, чрезвычайно важным делом и просто не замечают его, случайно затесавшегося в этот дружный, давно сработавшийся экипаж. Даже новая работа в санатории, назначение на которую он сначала воспринял как повышение по службе, теперь выглядела тихой мутной заводью, в какой он оказался именно потому, что стал слишком стар, слишком никому не нужен, слишком не такой, как все эти окружающие его молодые энергичные люди.

В памяти снова и снова всплывали скупые вехи промелькнувшей жизни: годы учебы, небольшая сельская больница, фронтовой госпиталь, последняя кардиологическая клиника. И вот теперь – этот кабинет, где он превратился в самого заурядного администратора. И даже не администратора, а скорее – инспектора по разбору жалоб.

И сегодня, час назад, молодая интеллигентная дама со слезами на глазах пожаловалась на нетактичность, даже грубость лечащего врача.

А ведь во всем этом надо разбираться, принимать какие-то меры. Вот и с этой дамой... Он тяжело вздохнул и вызвал секретаря:

– Попросите ко мне, пожалуйста, врача Тропинину.

– Татьяну Аркадьевну?

– Да, если она не очень занята...

Секретарь прикрыла за собой дверь. И тотчас привычно защемило под грудиной.

– Вот, снова... – он торопливо достал из стола коробочку с валидолом, но не успел положить таблетку в рот, как дверь распахнулась, и в кабинет стремительно вошла Тропинина.

– Я слушаю вас, Андрей Николаевич.

Зорин окинул взглядом молодого кардиолога. Красивая, стройная, с пышным ворохом темно-каштановых волос, в безукоризненно белом, тщательно отглаженном халате, в подчеркнуто независимым выражении лица, она была воплощением той молодой силы, которая так пугала главного врача.

«А вот с больными ладить не умеет!» – придиричливо подумал он, соображая, с чего начать неприятный разговор. Однако Тропинина опередила его.

– Вам, очевидно, пожаловались на меня? – спросила она, глядя прямо в глаза Зорину.

– Да, вы угадали. Час назад у меня была ваша больная Клячкина...

– Простите, Андрей Николаевич, небольшое уточнение: не больная Клячкина, а симулянтка Клячкина.

Зорин даже привстал от неожиданности:

– Ну, знаете!..

– Да, знаю. Я обследовала Клячкину самым тщательным образом и установила, что сердце у нее абсолютно в норме. Нужно иметь поистине гипертрофированную мнительность и еще более гипертрофированную наглость, чтобы ехать с таким сердцем в наш санаторий, в то время как сотни действительно больных людей годами ждут такой возможности.

– Но вы могли ошибиться, могли что-то недоучесть. Ведь у Клячкиной курортная карта, электрокардиограмма, у нее путевка, наконец!

– Вот это и поражает меня больше всего. Что же касается ошибки с моей стороны, то... Я готова на любые консилиумы. – Она снова посмотрела прямо в глаза Зорину. – То, что сердце Клячкиной абсолютно в норме, так же точно, как и то, что у вас, Андрей Николаевич, в эту самую минуту – жестокий спазм коронарных сосудов, и вам, как врачу-кардиологу, должно быть известно, что спазм этот нужно немедленно снять.

Зорин покраснел, как пойманный врасплох мальчишка:

– Вы правы, я как раз собирался принять валидол. Но как вы догадались?.. – он поспешно потянулся за лекарством. Однако Тропинина остановила его движением руки:

– Нет, теперь не нужно. Раз я здесь, то... Расстегните, пожалуйста, ворот рубашки.

И не успел Зорин нащупать верхнюю пуговицу, как Тропинина точным быстрым движением обнажила его грудь и начала осторожно, едва касаясь кожи маленькой прохладной ладонью, поглаживать область сердца.

И произошло чудо: жестокая боль, только что терзавшая его, вмиг исчезла, точно он проглотил таблетку нитроглицерина. Но вместо обычного в таких случаях головокружения пришло ощущение давно забытого чувства свежести и бодрости.

– Теперь лучше? – участливо спросила Тропинина.

– Да... – растерянно признался Зорин, все еще ощущая на груди легкий холодок женской ладони. – Но как вам это удалось?

– Я врач, – коротко ответила Тропинина с загадочной улыбкой.

– Я тоже врач и не менее опытный, чем вы, – возразил немного задетый за живое Зорин, – однако...

– Не казните себя. Мне известны кое-какие приемы, не применяемые в обычной медицинской практике.

– Вот как? Где же вы научились таким приемам?

Тропинина почему-то вздохнула:

– Быть может, когда-нибудь расскажу вам об этом. А сейчас поверьте: с Клячкиной у меня нет никакого конфликта. И то, что она симулянтка, я объяснила ей в самых изысканных выражениях.

– Представляю себе...

– Да, это так. А вот ваше собственное сердце... Андрей Николаевич, зайдите как-нибудь на досуге ко мне в кабинет, я обследую вас.

– Спасибо. Но меня уже столько раз обследовали...

– Я не задержу вас долго. И потом – главному врачу следует знать, как работают его подчиненные.

– Даже на собственной шкуре?

– По крайней мере – на собственном сердце. – Тропинина снова улыбнулась и вышла так же стремительно, как вошла.

Зорин застегнул рубашку, мельком взглянул на склоненные к самому окну ветки цветущего терна, перевел глаза на только что закрывшуюся дверь. По груди все еще бежал холодок, оставленный руками этой удивительной женщины.

– Невероятно... – он встал, прошелся по кабинету. Его по-прежнему не покидало чувство поразительной легкости и какой-то щемящей душевной приподнятости. Кажется, так уже было когда-то. Давно-давно...

2

Через два дня он уже посмеивался над этим «милым происшествием». Но когда ему пришлось проходить мимо кабинета молодого врача, он невольно замедлил шаги. И в тот же миг дверь, словно по волшебству, раскрылась. Перед ним стояла Тропинина.

– Я жду вас, Андрей Николаевич, – сказала она, будто продолжая недавно начатый разговор. – Кстати, сейчас я свободна. Заходите, пожалуйста.

Пришлось зайти. Впрочем, что тут особенного. Он действительно обязан знать, как работают его подчиненные. А у Тропининой и таблички с часами приема на дверях не видно, и стулья без белых чехлов.

Но не успел он сделать эти первые замечания, как Тропинина мягко, но решительно произнесла:

– Раздевайтесь, Андрей Николаевич!

– Вы что, серьезно собираетесь меня обследовать? – деланно рассмеялся Зорин. – Может, и данные анализов потребуете, и на рентген пошлете?

– Нет, я только послушаю ваше сердце. Сядьте вот сюда, снимите халат и расстегните рубашку.

Он пожал плечами, но повиновался. Тропинина откинула свои волосы и приложила к его груди ухо.

– Дышать или не дышать? – продолжал Зорин в шутливом тоне.

Она молча продолжала слушать. Потом поднялась, медленно прошла по кабинету, обратила к нему явно озабоченное лицо:

– Вы не откажетесь принять пять-семь сеансов по моей собственной методике?

Он откровенно усмехнулся:

– Я начал лечить свое сердце, уважаемая Татьяна Аркадьевна, по самым разным методикам, когда вы еще только-только начинали ходить. А сейчас... Мы оба с вами врачи и оба понимаем, что медицина – увы! – не всесильна.

– В таком случае я просто настаиваю на своем предложении. Нет-нет, не возражайте! Сейчас и начнем. Разденьтесь до пояса и лягте вот сюда, на кушетку.

Тропинина раскрыла небольшую металлическую коробочку и, обмакнув в нее ватный тампон, тщательно припудрила руки каким-то белым порошком.

– Что это, если не секрет? – поинтересовался Зорин.

– Для вас – не секрет. Это самый обычный тальк с небольшой примесью солей радия,

– Солей радия?!

– Не бойтесь, примесь настолько ничтожна, что ваш организм ее даже не почувствует. Радий необходим для возбуждения моих биотоков.

– Так вот как вы собираетесь меня лечить?... Любопытно... А для вас это не опасно?

– Для меня это не опасно, – коротко ответила Тропинина. Она склонилась над ним и, как в прошлый раз, начала осторожно, едва касаясь ладонями кожи, поглаживать область сердца. Руки ее все время оставались прохладными. Но Зорин не мог отделаться от ощущения, что с них стекают какие-то слабые щекочущие токи.

Наконец она выпрямилась:

– Все. Послезавтра, в среду, я приглашаю вас в это же время на следующий сеанс.

Он поднял на нее глаза. Лицо Тропининой было сосредоточенным и строгим, как подобает быть лицу врача. Но это почему-то задело Зорина:

– Благодарю вас, доктор.

– На доброе здоровье. И, пожалуйста, не забывайте, что вы не только врач, но и просто человек. Я слышала, вы совсем не бываете на воздухе... Разве эти горные тропинки не для вас? – кивнула она на проглядывающие сквозь листву парка красноватые кручи.

Теперь в ее голосе слышалось нечто большее, чем сухая врачебная этика, и в душе Зорина вновь затеплился огонек давно забытого чувства. Он с трудом оторвал взгляд от ее лучистых глаз:

– Спасибо, Татьяна Аркадьевна. Я действительно засиделся в четырех стенах. Но эти горные тропинки... Скажу вам честно, в последнее время я стал побаиваться их.

– Придется забыть эти страхи. Впрочем, скоро вы сами убедитесь в этом, – добавила она все с той же загадочной улыбкой.

– Если бы так...

– А иначе что стоила бы моя методика. Всего доброго, Андрей Николаевич.

Он вышел в коридор и в растерянности направился в сторону солярия, откуда только что пришел. В голове его был полнейший сумбур.

Что это, в самом деле: шарлатанство, игра в оригинальность или самый обыкновенный розыгрыш? Но он давно не чувствовал себя таким сильным и бодрым, а грудь словно продули мощным вентилятором – так легко и свободно теперь дышалось.

Нет, если это и просто гипноз, внушение, – все равно Тропинина творит чудеса. Он круто повернулся и, выйдя в вестибюль, поднялся к себе в кабинет. Обычно на этот подъем со второго на четвертый этаж он затрачивал несколько минут, останавливаясь на каждой лестничной площадке, сегодня же поднялся без единой остановки, без малейшего затруднения в дыхании и первое, что сделал, это раскрыл календарь на следующей среде и жирно обвел число красным карандашом.

3

Потом были пятница, понедельник и снова среда. И в каждый из этих дней он еще с утра не находил себе места, беспрестанно поглядывая на часы и торопясь поскорее справиться с неотложными делами, чтобы не опоздать к назначенному часу. А когда наступал этот час, то бросал все дела и, волнуясь, как мальчишка, заранее чувствуя на груди холодок нежных женских ладоней, спешил на второй этаж. С минуту стоял перед закрытой дверью, стараясь придать себе мало-мальски подобающий его возрасту и положению вид. А потом легонько, как самый почтительный пациент, стучал в эту дверь, где так и не появилась табличка с часами приема, и уже не шутил и не острил, а только заглядывал не без робости в огромные, темно-карие глаза «своего» врача, надеясь увидеть в них нечто большее, чем просто внимание и профессиональный интерес.

Но глаза Тропининой были неизменно сосредоточенными и строгими. И только руки, удивительно нежные, ласковые руки будто тянулись к нему, звали его в тот молодой счастливый мир, к которому принадлежала она сама.

Во время сеансов они почти не разговаривали друг с другом. Но он успел узнать стороной, что в Кисловодск она приехала недавно, неизвестно откуда, живет лишь с маленьким семилетним сыном, со всеми ровна, приветлива, но близких знакомых у нее нет, и к себе она никого не приглашает.

И узнать обо всем этом было почему-то приятно. Но еще приятнее было сознавать, что эта очаровательная женщина действительно владеет секретом какого-то совершенно нового, чрезвычайно эффективного метода врачевания сердца и со всей щедростью, на какую способна лишь самая богатая, самая бескорыстная душа, приносит этот секрет в дар ему, Зорину – по сути, абсолютно постороннему для нее человеку.

Долгое время он боялся во все это поверить. Но уже после третьего сеанса мучившие его не меньше полутора десятков лет боли совершенно прекратились, одышка исчезла, а главное – вернулось чувство уверенности в своих силах. И это было так неожиданно и ново, будто он проснулся от тяжелого долгого сна. Ему доставляло несказанное удовольствие быстро, без остановки пройти от дома до работы, подняться на четвертый этаж, перепрыгнуть через какую-нибудь рытвину или канаву. Он снова с радостным

волнением встречал восход солнца, рождение нового дня, его не раздражали больше дождь, ветер или спустившийся с гор туман; даже его работа, которую он всего несколько дней назад клял как совершенно бесполезное, никому не нужное времяпрепровождение, обрела теперь вполне определенный смысл, он увидел, что приносит людям пользу.

Впрочем, где-то в самых сокровенных уголках души все больше пробивалось сознание, что дело здесь не только в неожиданном выздоровлении. Тропинина постепенно завладевала всеми его мыслями. Он думал теперь о ней и днем и ночью, и дома и на работе. И думал отнюдь не только как о прекрасном враче, избавившем его от тяжелого недуга. Услужливая память беспрестанно рисовала перед ним то бездонные, чуть затененные ресницами глаза, то мягкий изгиб тонкой, будто просвечивающей шеи, то узкую полоску груди, что, подобно лучику утренней зари, иногда мелькала в разрезе белоснежного халата. Да, дело было не только в избавлении от болезни...

Но вот наступил день последнего сеанса. В это утро он принес ей букет белых роз и коробку «ассорти». Она улыбнулась:

– Андрей Николаевич, не вы ли говорили, что врачу следует отказываться от подарков пациентов?

– Да, говорил, но... Я не просто пациент. И вы, Татьяна Аркадьевна... Вы не просто врач... Брови ее удивленно приподнялись:

– Кто же я еще, по-вашему?

– Вы – женщина, Татьяна Аркадьевна. Удивительная женщина!

– Вот как! – она искренне рассмеялась. – Теперь я вижу, вы действительно подлечились.

– Да, к сожалению...

– То есть?

– Так больше у меня не будет необходимости заходить в этот кабинет.

– Ну и прекрасно, Андрей Николаевич! Я рада за вас. А в этот кабинет могут заходить и здоровые люди. Даже без всякой необходимости.

– Спасибо, Татьяна Аркадьевна. Вы понимаете, что главный врач далеко не всегда может позволить себе такую роскошь. А вот если вы будете настолько добры, что согласитесь подняться со мной в воскресенье в горы, я буду очень признателен.

– Что же, – просто ответила Тропинина. – Я почти каждый выходной выбираюсь в горы и с удовольствием составлю вам компанию. Тем более я должна еще понаблюдать за вами.

– Ну, это, положим, лишнее. Ваша методика сработала безукоризненно. А кстати, Татьяна Аркадьевна, почему бы вам не поделиться ею с другими врачами, выступить, скажем, на совещании кардиологов?

– К сожалению, это совершенно исключено. Методика не имеет никакого теоретического обоснования. В меня просто вложили способность генерировать биотоки. Понимаете, вложили без всякого моего участия. Вложили... другие люди. Они же снабдили меня небольшим количеством радиоактивного вещества. Я чисто машинально сказала в прошлый раз, что это соли радия. В действительности это какой-то другой радиоактивный элемент. Что-то из трансуранов. Только с большим периодом полураспада.

– Вы так хорошо разбираетесь в этом?

– Немного...

– Но ваша методика...

– Теперь вы видите, что это за «методика». По существующим законам я даже не имею права пользоваться ею.

– Однако вы применяете ее.

– Лишь в исключительных случаях.

– Но дело ведь не только в методике лечения. А ваши приемы диагностики?

– И здесь я ничем не могу помочь. Просто мое ухо слышит больше, чем чье-либо другое.

– И это тоже заслуга тех «других людей»?

– Да.

– Но кто они, эти люди? Как их найти? Она лишь покачала головой:

- К сожалению, я не могу ответить на ваши вопросы, Я связана словом.
- Очень жаль. Вы понимаете, что это могло бы значить для массы больных?
- Да, но... Это все, что я могу вам сказать, – ответила Тропинина с глубокой грустью, и он понял, что больше не вправе расспрашивать ее ни о чем,

4

Они стояли в небольшой беседке на краю обрыва, откуда был виден и их санаторий, и весь город, уютно раскинувшийся в чаше гор, и даже белые шапки Главного Кавказского хребта. Все кругом было пронизано ярким весенним солнцем. Внизу, под обрывом, густо зеленела молодая поросль сосняка, дальше, уже в пределах курортной зоны, угадывались аллеи парков, а еще дальше, ближе к городу, глаз различал пестрые ленты цветников, голубые пятна бассейнов, блески фонтанов и прудов.

- Среди какой красоты мы, оказывается, живем, – нарушил молчание Зорин.
- Да, здесь красиво, – ответила Тропинина, занятая какими-то своими мыслями.
- А я мог бы и не увидеть всего этого. Удивительное дело: тридцать лет лечу людей и только сейчас, вот в эту минуту, по-настоящему осознал, каким благородным и нужным делом заняты врачи,
- Благородным, да. А вот нужным ли? – вздохнула Тропинина.
- Как это, нужным ли? – удивился Зорин.
- А вам не кажется, что все мы, врачи, в какой-то мере подобны муравьям?
- Не понимаю...
- Разве вам не приходилось видеть где-нибудь в лесу разоренный муравейник?
- Допустим.
- И вы не ощущали чувства боли за этих маленьких безобидных тружеников?
- Как вам сказать...
- А я в детстве плакала при виде такой бессмысленной жестокости. Ведь вы подумайте: многие годы, день за днем, по крупице, по травинке собирают они свой дом. Но вот приходит в лес какой-нибудь негодяй и, взяв палку, а то и просто носком сапога в одну минуту сводит на нет всю их многолетнюю работу.
- Согласен, это варварство. Но при чем здесь мы, врачи?
- А разве не так же, по крупице, по капельке, затрачивая иногда невероятные усилия, возвращаем мы здоровье больным людям, стараемся продлить их жизнь хотя бы на год, на месяц, на день. А потом появляется такой же варвар, только в ранге главы государства, и одним мановением руки посылает на смерть миллионы самых молодых, самых здоровых, самых цветущих мужчин и юношей. Так чего стоят все наши усилия? Какой прок от них человечеству?
- Подождите, Татьяна Аркадьевна. Я разделяю ваше искреннее негодование. Но вы не совсем точны. Потому что, делая такие вот глобальные обобщения, оперируете не конкретными фактами, а абстрактными понятиями. Кто он, этот ваш «глава государства»? Какое государство вы имеете в виду? Глава какого-нибудь полуфашистского режима действительно может ввергнуть мир в пучину войны. А главы истинно народных государств делают все возможное, чтобы войны не было.
- Не все делают, – покачала головой Тропинина.
- А что бы сделали вы?
- Я? А вот что. Представьте, что живут два человека: хороший и плохой. Плохой сделал пистолет, чтобы убить Хорошего. Хороший тоже сделал пистолет, чтобы плохой не смог его убить. Тогда плохой сделал пушку. Хороший тоже сделал пушку. И так без конца. А я посоветовала бы хорошему сделать не пистолет, а нечто такое, что не позволило бы пистолету плохого стрелять, и не пушку, а такое устройство, которое не дало бы возможности плохому пустить в ход свое оружие.
- Любопытно. Ну, а более конкретно, учитывая современную технику?

– Все точно так же. Создали американцы свою атомную бомбу, мы сделали то же самое. Появилось у них водородное оружие. Наши физики опять не остались в долгу. Но ведь можно было поставить перед ними совсем другую задачу.

– Сделать так, чтобы американские бомбы не могли взрываться?

– Вот именно!

– А если эта задача неразрешима?

– Не может быть!

– Вы так уверены в этом?

– Я знаю, что в свое время и задачу высвобождения внутриядерной энергии считали неразрешимой. А вот, пожалуйста...

– Н-да... В общем-то, логично: всякому процессу должен соответствовать какой-то контрпроцесс, и когда-нибудь людям, возможно, удастся набросить узду и на столь грозные силы природы. Но, к сожалению, я всего лишь врач, и проблемы физики...

– А я и говорю с вами, как с врачом. Умным, опытным, добрым врачом. И не случайно начала с бедных муравьев. Не кажется ли вам, Андрей Николаевич, что именно мы, врачи, все врачи, должны потребовать от физиков, всех физиков, взяться за решение этой проблемы, отвести от человечества угрозу атомной смерти? Хотя бы из уважения к нашему нелегкому труду.

– Полностью с вами согласен, дорогая Татьяна Аркадьевна. Кто, как не мы, больше всего должны беспокоиться о жизни людей! Впрочем, что касается меня, то мне, как говорится, и ходить далеко не надо. Скоро должен приехать мой сын. Он работает на ускорителях...

– Ваш сын – физик?!

– Даже физик-атомщик. Вот с него мы и начнем.

– Во всяком случае, мне было бы интересно поговорить с ним. Он у вас один?

– Один-единственный, и тот глаз не кажет. Обещал приехать еще в конце зимы. И до сих пор вот жду.

– У него семья?

– Если бы так! Никого у него нет. А парню уже за тридцать. Сначала говорил: вот кончу институт – женюсь. Потом: вот напишу диссертацию... Теперь не знаю уж, что еще придумает.

– А ваша жена, простите?

– Жену я похоронил семь лет назад.

– И с тех пор совсем-совсем один?

– Таков, видимо, удел стариков.

– Сейчас и среди молодежи много одиноких.

– Но почему?

– Не знаю... Может, слишком требовательны мы стали. Может, что-то другое...

– А может, стало больше индивидуализма, меньше снисходительности, готовности идти на компромисс?

– Молодежь всегда отличалась этим.

– В какой-то мере. Но главное – отсутствие умения встать на место другого человека, умения понять его боль, увидеть внутренний мир, почувствовать сокровенные движения души, научиться уважать его «я», словом – отсутствие того, что когда-то считалось признаком истинной порядочности или, лучше сказать, истинной интеллигентности,

– Отсутствие истинной порядочности, истинной интеллигентности? Вот оно что... А ведь вы, кажется, заставите меня по-новому взглянуть на некоторые стороны жизни. И вообще... – она с нескрываемым интересом задержала взгляд на его умном выразительном лице. – Однако пора спускаться, Андрей Николаевич, – вечер.

«Радиоактивный распад... – Зорин в задумчивости закрыл книгу, забарабанил пальцами по столу. – Слишком много еще здесь неясного, и, по-видимому, не только для меня, неспециалиста. Люди оседлали такого конька, о каком знают не больше, чем о каких-

нибудь квазарах. На первый взгляд кажется все просто: распадаются ядра атомов, неустойчивые по самой своей природе, распадаются самопроизвольно, независимо ни от каких внешних обстоятельств. Следовательно, сама структура этих ядер как будто «нежизнеспособна», не позволяет им существовать Длительное время. Но взять тот же уран-235. Почему одни ядра его распадаются сейчас, другие будут жить еще многие миллиарды лет? Почему часть их разрушается в результате альфа- и бета-распада, а часть – путем спонтанного деления? И откуда при бета-распаде берутся еще и нейтрино, которых нет ни в первичных ядрах, ни в ядрах продуктов распада? Нет, радиоактивный распад – не просто фатальное, неизбежное разрушение чего-то обреченного. Тут нечто иное...»

Он взял другую книгу, открыл замеченную закладкой страницу:

«Радиоактивный распад является следствием фундаментальных взаимодействий микромира...» Вот это, пожалуй, ближе к истине. Фундаментальные взаимодействия... Да, ядра не просто разрушаются. В них происходят какие-то сложные процессы, подчиняющиеся неизвестным людям законам. А если познать эти законы? Затормозить идущие в ядрах процессы? Прекратить их полностью? Но это и значит сделать так, чтобы атомные бомбы не могли взрываться. Вот о чем мечтает Татьяна Аркадьевна. Какая прекрасная благородная мечта! Если бы она действительно овладела всеми физиками Земли! Надо будет поговорить с сыном...»

Он подошел к окну, раскрыл тяжелые створки рам. В комнату ворвался аромат цветущего жасмина. Утро разгоралось. Солнце, только что выкатившееся из-за гор, сверкало в каждой капле росы, в каждой пылинке, поднявшейся с подоконника. Последние космы тумана таяли в низинах. Шустрая стайка птиц взметнулась в небо. Легкий ветерок прошелся по верхушкам старых лип и замер в конце парка. На миг там мелькнуло светлое женское платье, и счастливый детский смех звонко рассыпался в прозрачной тишине.

«И все это может погибнуть лишь оттого, что люди не в состоянии понять, что происходит в крохотном ядре атома? Нет, не может быть! Человеческий разум справится и с этой задачей. Спасет Землю, спасет эту бесценную красоту», – он с улыбкой проводил глазами мелькавшую меж деревьями женскую фигурку и прошел на кухню: пора было готовить завтрак. Но в это время в прихожей резко зазвонил телефон.

«Кто там в такую рань?»

Зорин взял трубку.

– Алло! Товарищ Зорин? – раздался в трубке незнакомый мужской голос.

– Да...

– Скажите, у вас в санатории работала гражданка Тропинина Татьяна Аркадьевна?

– Как это работала? Она и сейчас работает.

– Я понимаю. Но тут такое дело... Это из милиции звонят. Вчера вечером ее сбила тяжелая грузовая машина.

И так как, по имеющимся у нас сведениям, в городе нет никого из ее родственников, то вам, как руководителю предприятия...

У Зорина остановилось дыхание.

– Где она? Каково ее состояние? – перебил он срывающимся голосом.

– Вы дослушайте сначала, Я говорю, что вам, как главному врачу санатория...

– Да где она? Что с ней? Скажите, наконец, ради всего святого!

– Где она? Пока в городской больнице...

– Что значит – пока? Да что вы замолчали?!

– Вы сами не даете мне сказать ни слова. Я говорю, пока она в городской больнице. Но медики говорят, надежды практически нет. И вы, как главный врач...

Трубка запрыгала в руках у Зорина. Не в силах больше слушать сверхпунктуального блюстителя порядка, он бросил ее на рычаг и выскочил из двери...

Генерал Колли не мог подавить в себе дурного настроения. Ему, генералу, в руках которого находились все рычаги гигантской военной машины, только что доложили, что

представители Управления Космических Исследований располагают какими-то сенсационными сведениями, способными изменить не только основные стратегические концепции страны, но и подвергнуть пересмотру саму военную доктрину, созданию которой он отдал весь свой опыт, все лучшие годы жизни.

Изменить военную доктрину государства! Что за вздор! И что это за сведения, полученные Управлением Космических Исследований? Почему о них ничего не известно ни армейской разведке, ни ЦРУ, ни ФБР? Не иначе, какой-то блеф! И все-таки...

Дверь приоткрылась.

– Они прибыли, господин генерал, – доложил дежурный офицер.

– Прибыли? Гм... Пусть войдут.

В кабинет вошли двое мужчин в черных костюмах:

– Доброе утро, господин генерал.

– С кем имею честь? – сухо осведомился Колли, не отвечая на приветствие.

– Доктор Браун, – быстро проговорил один из вошедших.

– И доктор... – начал было второй. Но генерал нетерпеливо махнул рукой:

– Слушаю вас, мистер Браун. Только покороче.

– Я понимаю, господин генерал. Так вот, вы знаете, конечно, что траектория движения спутников Земли очень чутко реагирует на гравитационные поля, создаваемые любым материальным объектом...

– Нельзя ли только факты? – недовольно поморщился генерал.

– Факты?... Ну, что же, факты заключаются в том, что траектории наших спутников, как показали прецезионные расчеты, до недавнего времени испытывали возмущающее действие какого-то массивного тела,двигающегося по круговой орбите примерно в двадцати тысячах километров от поверхности Земли...

– Что значит – массивного тела? Вы имеете в виду русский спутник?

– Нет, это абсолютно исключено, господин генерал. Масса тела, по нашим расчетам, совершенно фантастична, порядка нескольких миллионов тонн.

– Значит, вторая Луна?

– Это тоже исключено. Время от времени тело совершало такие маневры на орбите, какие может производить только искусственный объект. И потом, как бы это вам объяснить... оно абсолютно не отражало солнечных лучей, и потому ни один телескоп...

– А радиолокаторы?

– Вот это самое загадочное, господин генерал. Оно не отражало и радиоволн. Оно поглощало их. Полностью. Целиком!

– Так что же это за объект?

– Трудно сказать что-либо определенное. Но все имеющиеся в нашем распоряжении сведения наводят на мысль, что мы имеем дело с чем-то похожим на внеземной космический корабль...

– Что-о-о?! – загремел генерал.

– Нет, мы еще не выработали окончательного мнения. Но ничего другого...

Колли вытер платком вдруг вспотевшую лысину.

– Та-ак... А русским известно обо всем этом?

– Как вам сказать... Никаких официальных заявлений на этот счет не появлялось. Нет ничего и в их научной периодике. Но мы знаем профессиональный уровень советских баллистов. Едва ли от них ускользнул такой феномен.

– Но почему об этом ничего не знаю я? Почему вы только сейчас удосужились уведомить меня?

– Мы полагали, что еще недостаточно изучили все стороны загадочного явления, не установили истинной природы феномена. А теперь...

– А теперь вам известна эта истинная природа? – перебил Колли.

– А теперь феномен исчез.

– Как исчез?

– Исчез совершенно. Вот данные последних измерений. – Браун поспешно извлек из портфеля объемистую пачку бумаг. Но Колли, не глядя, отодвинул их в сторону:

– К чему мне все это? И вообще – если объект исчез, то о чем разговор?

– Но сам факт, что орбиты всех спутников вдруг одновременно обрели устойчивость, как нельзя лучше подтверждает нашу гипотезу...

– Подтверждает их гипотезу! Да что проку во всех этих гипотезах, если объект исчез?

– Но он может вернуться, господин генерал.

– Может вернуться? Гм...

– Да. И не исключена возможность, что они... те, кто пилотирует этот корабль, сочтут необходимым вмешаться в дела Земли, в частности, в систему нашей Глобальной космической обороны.

– Вмешаться в систему Глобальной космической обороны?! При нашем-то уровне военной технологии, наших рентгеновских лазерах!

– Но, господин генерал, мы позволим себе напомнить, что это не обычный корабль. Внеземная цивилизация может располагать и более совершенной технологией, более мощным оружием...

– Гм... Более мощным оружием! Что же вы пришли мне предложить? Вам известен способ уничтожить этот корабль?

– Что вы, господин генерал, совсем наоборот! Мы хотели бы предостеречь вас от возможного опрометчивого шага. Ведь при том уровне компьютеризации системы Глобальной космической обороны, которая почти исключила вмешательство человека, достаточно одного неосторожного шага со стороны тех, кто прибыл на Землю, чтобы произошло непоправимое. Может быть, в столь деликатной обстановке было бы целесообразнее отказаться...

– Что-о! – загремел Колли. – Вы осмеливаетесь ставить под сомнение нашу готовность нанести превентивный удар по любому враждебному объекту? Предлагаете отказаться от наконец-то достигнутой возможности противостоять ответной ядерной акции Советов? Нет уж, господа ученые, позвольте мне решать, что целесообразно и что нецелесообразно для безопасности страны. А ваше дело – следить за каждым шагом этого, как вы выразились, «тела». И докладывать мне в любой час дня и ночи. Все! Честь имею.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Очнулся Максим на больничной койке, при свете ночника. Во рту было странно сухо. Сильно хотелось пить. Он протянул руку к тумбочке. Но тут же из полумрака возникло лицо молодой девушки, санитарки или медсестры.

– Проснулись! – воскликнула она почему-то в сильном волнении. – Лежите, лежите, не вставайте!

– Я хочу пить.

– Пить? Не знаю... Подождите минутку, я позову врача.

– Да напоите меня сначала. И потом – где я, что со мной случилось?

– Одну минутку, одну минутку! – сестра выскользнула из палаты. И вскоре вернулась в сопровождении врача.

– Так-с, – протянул тот приятным баском, беря Максима за руку, – значит, проснулись? И хотите пить? Ну, что же, пульс хороший... А попить можно, отчего не попить. Тоня, принесите, ему не очень горячего чая.

– Но что со мной? Почему я в больнице?

– Не все сразу, молодой человек, не все сразу! Во всяком случае, ничего страшного, – ответил врач по-прежнему нараспев. – Однако мне нужно немного понаблюдать за вами. Вы слишком долго спали... Э-э... Находились в состоянии, так сказать, летаргического сна.

– Как долго? Неделю, месяц?

– Не могу сказать точно. У нас здесь вы спите пятые сутки. А до этого... Вас доставил к нам один местный охотник, человек э-э... очень пожилой, по-видимому, с провалами памяти. Он мало что смог объяснить. Да вы не волнуйтесь, мы это выясним. Главное – с вами все в порядке.

– Но я смогу увидеть этого охотника, поговорить с ним?

– Отчего же нет, он каждый день навещается.

– А как фамилия его, не скажете? Как зовут?

– Право, не помню...

– Силкин. Степан Силкин, – подсказала сестра, ставя на тумбочку стакан с чаем.

– Дядя Степан! – обрадовался Максим. – Так, значит, я в Вормалее?!

– Конечно, где же еще?

– Ну, мало ли... И он, дядя Степан, не сказал, как я попал к нему?

– Говорят вам, он ничего не помнит.

– Вот оно что! Так вы сразу, как он придет, проводите его ко мне.

– Не беспокойтесь, он себя ждать не заставит. Пейте вот!

Максим выпил чай и снова откинулся на подушку. Спать больше не хотелось. Голова была ясной, свежей. Но тело казалось чужим, он с трудом повернулся на бок.

Что могло все это значить: дядя Степан, летаргический сон, больница в Вормалее? Он постарался восстановить в памяти события последних недель, вспомнить, что снова привело его в этот крохотный, затерянный в тайге поселок. Но все тонуло в бессвязных обрывках каких-то странных фантастических видений. Зато с поразительной ясностью вставали картины давно минувших дней.

Кордон Вормалей... Здесь прошло его детство, юность, здесь научился он любить тайгу и дал себе слово стать настоящим человеком, здесь загорелся мечтой раскрыть тайну необычных находок, какие случались в обрывах Студеной, и встретился с таинственной «Нефертити» – невеста откуда взявшейся и вновь исчезнувшей девчонкой, которую он 'спас на лесном озере и которая почему-то снова и снова являлась в его воображении всякий раз, когда он попадал в какой-нибудь особо сложный переплет. А сколько их было, таких переплетов! Он живо вспомнил, как еле спасся однажды от голодных волков, как едва выбрался из топкого болота, как набрел, теряя последние силы в пургу, на лесную охотничью избушку. Но ярче всего врезался в память Зуб Шайтана.

Зуб Шайтана... Он стоял, точно вонзаясь в небо, этот останец кварцита, поднявшийся на высоту двадцатизэтажного дома и действительно напоминавший клык зверя. Узкий, гладкий, с белой, как снег, поверхностью и острой верхушкой, чуть запрокинутой на север, он будто вспарывал заросли кедровника, сплошь покрывавшие сопку над Студеной.

Скала считалась неприступной. И, может быть, именно поэтому Максим решил подняться на нее. А все началось с пустяка. На Первое мая они всем классом отправились в лес, на сопку. Забредли чуть не к самой вершине, бегали там за бурундуками, пугали белок, потом расселись на кучах сухого валежника, на пригреве и, как это не раз бывало, заговорили о Зубе Шайтана.

Кто-то из ребят прослышал от стариков, будто лет пятнадцать назад гостил здесь городской парень. Был он альпинистом и решил покорить никому не дававшуюся скалу. Смелчак поднялся на самую вершину Зуба, хотел даже пристроить там какой-то знак, да вдруг увидел такое, что чуть не умер от страха. Спустился вниз. Стали его расспрашивать, но он словом ни с кем не обмолвился. Так и уехал обратно в город.

Рассказчику верили и не верили, больше сходились на том, что все это сплошная брехня. А Марина сказала:

– А все-таки бывают же настоящие ребята!

Максим ничего тогда не ответил, однако дал себе слово: непременно забраться на скалу.

И вот, поднявшись однажды с восходом солнца, он без единой остановки добрался до вершины сопки и, не тратя времени на отдых, стал прикидывать, как лучше подступиться к чертовой горе. Снизу, от кордона, Зуб выглядел чуть больше охотничьего ножа, а тут

высился такой громадой, что не было, казалось, никакой возможности добраться даже до середины скалы. С трех сторон стены ее были совершенно отвесны, кое-где даже с обратными углами. Только с южной по узкому ребру лепилось некое подобие гребня, да и тот начинался где-то на высоте десяти-двенадцати метров.

Долго ходил Максим вокруг скалы, примериваясь, как лучше выполнить свой замысел. Наконец догадался закинуть снизу веревку с петлей. После нескольких безуспешных попыток удалось захлестнуть конец бечевы за нижний выступ гребня и с ее помощью вскарабкаться на цокольную часть скалы.

Теперь вверх по гребню! Он оказался нагромождением больших замшелых глыб, тянувшихся почти до самой вершины, где вздымалась голая отвесная стена. Осторожно, перебираясь с глыбы на глыбу, Максим поднялся до небольшого уступа и, выбрав площадку поровнее, вытянулся на теплом камне. Здесь можно было передохнуть. Но дальше подъем оказался значительно труднее. Гребень еле держался на крутом склоне. Приходилось ощупывать каждую глыбу, каждый камень. Максим то и дело останавливался, чтобы перевести дыхание. Однако склон становился все круче и опаснее. Камни обрушивались при каждом неверном движении. А впереди была еще голая стена.

Но вот и она. Максим примостился на верхнем конце гребня и глянул вверх. Стена уходила прямо в небо. Но отступать было поздно. Отыскав глазами трещину пошире, он уцепился за нее руками и подтянулся выше. Нога встретила небольшую выбоинку. Хорошо, что он полез босиком. С выбоины можно перебраться к расселине. Потом сюда, на этот выступ. А дальше? Неужели тянуться к той, верхней трещине? Нет, за нее не ухватиться! Ни за что! Правая рука уже задеревенела. Лучше левее, там карниз. Только дать отдых руке. Так... А ногу? Куда поставить ногу! Вот тут, вроде, держит?.. Нет, осыпается, скользит. Проклятье! А если так? Держит! Теперь ухватиться за карниз. Только бы не сорвалась нога. Только бы не сорвалась!..

Время для Максима остановилось. Вернее, он потерял всякое представление о времени, лихорадочно цепляясь за малейшие шероховатости стены. Это было на грани человеческих возможностей. Пот заливал лицо, разъедал веки. Мышцы ломило от чудовищного перенапряжения. Силы почти оставили его, когда он последним отчаянным рывком ухватился за верхнюю кромку скалы и, извиваясь всем телом, взобрался на узкую площадку вершины.

Зато какой вид открылся с высоты! Вершина Зуба господствовала над всей местностью, с нее отлично просматривались и серый пятачок кордона, зажатый кольцом леса, и крохотные домики соседнего Отрадного со всеми его (улицами и переулками, и черный прерывистый пунктир дороги, и тонкая петляющая ниточка Студеной.

А когда он осторожно, боясь оторваться от поверхности узкой, как гладильная доска, площадки, повернулся лицом к северу, то увидел Гнилую Падь, Лысую Гриву, Даже часть котловины с загадочным озером, на котором он побывал несколько лет назад и где впервые услышал таинственную музыку, преследовавшую его потом всю жизнь. Казалось, это было совсем рядом. Только Грива белела теперь маленьким, будто игрушечным, уступчиком, а озерная котловина выглядела чуть больше птичьего гнезда.

Сколько воспоминаний было связано с этими местами! Максим привстал, устраиваясь поудобнее, и вдруг заметил под самым подбородком два тонких металлических кольца. Что это может быть? Гладкие, идеально закругленные скобы, цветом похожие на когда-то найденную в обрыве шестерню, торчали на самом краю площадки по линии, идущей прямо к озерной котловине. Он попробовал вырвать их из скалы. Не тут-то было! Кольца оказались намертво ввинченными в камень.

Значит, тот парень все-таки поднимался на Зуб! И вбил эти крюки, с помощью которых, видимо, спустился вниз. Как жаль, что Максиму не пришлось в голову захватить с собой еще одну веревку. Но тут его мысли приняли совсем другой оборот: если парень действительно был, значит, было и то страшное, что он увидел отсюда. И сразу стало

жутко. Максим инстинктивно прижался всем телом к скале, руки его невольно вцепились в камень, подбородок коснулся холодного кольца. И вдруг...

Нет, это ему не почудилось. Он ясно услышал музыку, точно такую, какая доносилась той ночью из котловины. И еле ощутимый аромат неведомых цветов точно так же вплетался в мелодию. Он поднял голову – и все исчезло, снова коснулся подбородком кольца – снова музыка. Временами ему казалось даже, что он видит нечто вроде голубого луча, бегущего к Лысой Гриве. Впрочем, день стоял настолько ясный, что весь воздух был пронизан сверкающими лучами. Однако звук и запах ощущались несомненно.

Потом подул ветер, стало холодно, и сразу зачесалась за ухом родинка, появившаяся в то утро, когда он спас таинственную незнакомку. Максим очнулся. Солнце уже клонилось на закат. Пора было возвращаться. Он тщательно изучил глазами обрывающуюся под ним стену и, наметив примерный маршрут спуска, свесил ноги вниз.

И тут произошло то, что долго потом не могло изгладиться из памяти. Несмотря на все старания, ему не удалось нащупать ногами никакой опоры. Пальцы скользили по гладкому, точно отполированному камню, не встречая ни малейшего выступа или впадины. А руки уже занемели. Еще минута – и он сорвется вниз. Холодный пот разом покрыл все тело. Смертельный ужас заставил снова вскарабкаться на вершину.

Что же делать? Что делать?! И почему он не взял с собой веревку? Он чувствовал, что ничто на свете не заставит его еще раз спустить ноги вниз. Но в спину ударил резкий ветер, и ему показалось, что в шум его вплетается неясный шепот:

– Спускайся, ветер поможет... ветер поможет... Собрав всю волю, Максим снова повис на руках. И снова ноги заскользили по отвесной стене. Страх отнимал последние силы. Руки еле удерживались на гладкой поверхности площадки. Но тут ураганный порыв ветра крепко прижал его к стене, он соскользнул чуть ниже и вдруг нащупал ногой трещину. Теперь можно было перенести руки вниз. А ветер по-прежнему вдавливал его в скалу. Он опустил другую ногу и вновь встретил упор, надежный, крепкий. С него можно было хоть глянуть вниз. Вот и еще трещинка, а под ней уступчик. Страх начал проходить. Максим передохнул и, смахнув заливающий глаза пот, спустился ниже, еще ниже... Вот и знакомый карниз, который так помог ему при подъеме. Ветер, как на руках, опустил его на эту прочную плиту. Он выли и свистел в ушах на тысячу голосов. И Максиму тоже захотелось кричать и петь от восторга. Гребень был почти рядом. Однако то ли Максим поторопился, то ли не рассчитал своих движений, но руки его на какой-то миг оторвались от узкой, еле прощупывавшейся трещины, и, потеряв равновесие, он полетел вниз.

К счастью, это случилось уже над самым гребнем. Он лишь ободрал ладони и зашиб ногу. И все-таки какого труда стоило теперь спуститься по острым глыбам кварцита к месту, где закреплена веревка.

Было почти совсем темно, когда его разбитые в крошечные ступни коснулись наконец земли, и он, окончательно обессиленный, свалился на мягкий ковер сухой хвои. Страшная скала терялась уже в синих сумерках. Ветер стих. Яркая звездочка вспыхнула над еле видимым острием Зуба. И можно было лежать и лежать, ни о чем не думая, наслаждаясь тишиной и сознанием одержанной победы. Но в голове Максима билась одна мысль: откуда взялся этот ураганный ветер, внезапно стихший, как только он спустился со скалы? И будто в ответ на это где-то в глубине сознания, словно наяву, возник образ таинственной Нефертити, – как это было и в ревущей снежной мгле, когда загадочный огонек вывел его к лесной избушке, и на Узкой таежной тропе, где неожиданный удар молнии сразил волчью стаю, и во всех других случаях, когда будто ?ама природа помогала ему выбраться из, казалось бы безвыходных положений. Но он догадывался, чувствовал, был почти уверен, что за всем этим всегда стояла она, спасенная им в детстве незнакомка – его тайна, его мечта, его Судьба...

Максим тяжело вздохнул. Теперь он вспомнил все. И то, как вскоре все-таки увидел прекрасную Нефертити и снова потерял ее, надолго, на многие годы; и то, как искал ее с тех пор повсюду, наталкиваясь на упорное противодействие каких-то грозных сил; и то,

как наконец встретился с ней на борту Ао Тэо Ларра, инопланетного звездолета, прибывшего к Земле из глубин Галактики.

Быстро, как свет упавшей звезды, пронеслись в памяти месяцы, проведенные в кругу двух женщин – матери и дочери, Этаны и Мионы – единственных оставшихся в живых из многочисленного экипажа галактического корабля системы Агно; месяцы, заполненные титаническим трудом по овладению знаниями инопланетян и бесконечной дуэлью с Этаной, долго не желавшей видеть ничего достойного в цивилизации Земли; месяцы, вместившие в себя несказанное счастье любви к Мионе и безмерную печаль от сознания неизбежного расставания с ней, когда кораблю пришло время покинуть систему Солнца, а Максиму стало ясно, что все гигантские знания, приобретенные на Ао Тэо Ларра, окажутся абсолютно бессмысленными, если он не передаст их людям.

А они так нуждались в этих знаниях, люди Земли, особенно теперь, когда над ними нависла угроза ядерной катастрофы. И Максим решил вернуться на Родину, как ни тяжело было расстаться с Мионой, как ни умоляла его Этана, также полюбившая землянина большой трудной любовью.

В памяти всплыл последний разговор с инопланетянкой:

– Прибор, который я дарю тебе, Максим, – сказала Этана, передавая ему небольшой металлический диск, – содержит почти полный объем наших знаний, включая теорию гравитации и все данные по стабилизации радиоактивных изотопов. Я надеюсь, верю: ты используешь все это только на благо своей цивилизации, которая стала мне так же дорога, как ты сам. Я уже говорила, что только ваш пример, пример Земли, сможет вывести нас из тупика, в который завело чрезмерное преклонение перед культом разума, и только ваша цивилизация с ее могучей эмоционально-духовной сферой сможет сыграть роль нового ас-тийского эдельвейса – ингрезио, «надежды на счастье» на вашем языке – для одряхлевшей цивилизации Агно. И мы не хотим остаться в долгу. Пусть этот сгусток нашей информации поможет восполнить то, чего еще так недостает людям Земли, – истинные знания о строении вещества и Вселенной. Но, передавая тебе столь большие и в какой-то мере опасные знания, я не могу не обусловить это одним естественным ограничением. Да ты и сам прекрасно отдаешь себе отчет, что далеко не всем на Земле можно доверить такую информацию. Поэтому напоминаю еще раз: общаться с диском сможешь только ты, через твой элемент связи. Выход его из строя, как и твоя смерть, приведут к мгновенному самоуничтожению прибора. Не забывай об этом, Максим. Не забывай об Ао Тэо Ларро, как не забудут здесь тебя. Ты раскрыл нам с Мионой тайну величайшего счастья, тайну любви, и мы сохраним ее до конца жизни. Помни о нас, Максим!

И он ясно, до мельчайших подробностей вспомнил все последние дни, проведенные на Ао Тэо Ларра. Вспомнил, какого труда стоило ему оторваться от прозрачного саркофага, в котором была заключена находящаяся в анабиозе Миона, вспомнил, с какой грустью простилась с ним Этана, вспомнил, как защемило сердце, когда сомкнулись массивные створки шлюза и он занял место в последнем отправлявшемся на Землю челночном корабле. Но дальше... Дальше сознание его, видимо, отключилось. Все остальное сделали автоматы Этаны. Сделали так, чтобы его появление на Земле не вызвало никаких подозрений. Они высадили его в Вормалее, поместили в стоящую на отшибе, у самого леса избенку Силкина и ввергли в летаргический сон. Сколько он проспал таким образом, не знает никто. Не знает, наверное, и дядя Степан. Недаром врач говорит о каких-то провалах его памяти. Автоматы позаботились и об этом. К тому же длительный сон был необходим, очевидно, и ему, Максиму, чтобы адаптироваться в ставших непривычными условиях Земли. Словом, Этана предусмотрела все. Что же, такой легенды придется пока и придерживаться. Но как же диск?! Он снова обернулся к сестре. Она по-прежнему сидела неподалеку от его кровати, листая свежий номер какого-то вжурнала.

Максим окликнул ее:

– Сестричка, скажите, а этот охотник, доставивший Меня сюда, принес что-нибудь из моих вещей?

– Не знаю, надо будет выяснить в приемном покое. Да завтра спросите у него самого: я говорю, он каждое утро приходит.

Максим повернулся на спину. Но тут мозг обожгла новая мысль. Он опять окликнул сестру:

– Девушка, а какой сейчас год?

– Что?! Вы хотите сказать, сколько сейчас времени? – она взглянула на часы.

– Нет, я хотел бы знать, какой сейчас год? – повторил Максим.

– Не разыгрывайте меня. Вы что, думаете, проспали сто лет?

– Ну, сто не сто, а... Можно взглянуть на ваш журнальчик?

– Тише, вы мешаете спать другим.

– Ну, пожалуйста! Я так давно ничего не читал. Да и скучно так лежать...

– Вот неугомонный! Уж лучше бы вы подольше спали! – деланно нахмурилась сестра. Но подала ему журнал и пододвинула светильник.

Максим с бьющимся сердцем взглянул на обложку. Не может быть!! Он поднес журнал ближе к свету. Но в этом не было уже никакой нужды: взгляд его случайно упал на температурный лист, прикрепленный к спинке кровати. Там тоже был поставлен год. И все будто поплыло перед глазами Максима: с того дня, как он покинул Землю и оказался на звездолете Этаны, прошло семь лет...

Семь лет! Значит, время на звездолете шло совсем не так, как на Земле. Как же все изменилось здесь за эти годы! Он выронил журнал из рук.

Сестра поспешно подняла его, снова протянула Максиму. Он покачал головой:

– Нет, не надо...

2

Силкин, действительно, не заставил себя ждать. Уже в начале десятого, едва больных успели накормить завтраком, Максим услышал в коридоре его знакомый хрипловатый голос, а вслед за тем и сам дядя Степан ввалился в палату, неловко сутулясь под наброшенным на плечи халатом.

– Проснулся? Здоров? – шумно подскочил он к Максиму. – Ну, слава богу! А я уж не знал, что и делать. Напугал ты меня, старика. И то сказать: ночь спишь, день спишь...

– А сколько всего-то я проспал, дядя Степан? Как оказался у тебя?

– Да тут такое дело... Я, понимаешь, Максим... – Старик опустился на стул, перешел на шепот, – понимаешь, что-то с головой у меня стало не того... Вроде как память отшибло. Сколько ни стараюсь, никак не могу припомнить, когда ты пришел ко мне, и как это вдруг случилось, что заснул у меня в боковушке. Что-то копошится в голове, вроде как с похмелья. А как начну прикидывать, что к чему, – ничего не получается.

– Ну хоть весной это случилось, в половодье, или еще по снегу? – попробовал оживить его память Максим.

– Да снегу-то, вроде, уж не было... А может, и был... Нет, все перепуталось. Все, как есть! – махнул рукой старик.

– Но ты ведь, наверное, поил, кормил меня? – сделал последнюю попытку Максим.

– А как же! – оживился Силкин. – И молочком, и мед ком, и...

– Так вот, сколько же ты так ходил за мной?

– Кто его знает. Может, с неделю, может, с месяц, а может... Нет, не припомню... А ты сам-то? нешто не помнишь? Ну, хоть когда приехал ко мне?

– Не помню, дядя Степан, ничего не помню. Только вот.., была у меня, кажется, одна вещица, тонкий металлический диск... ну, кругляшок такой, блестящий, размером с эту вот тарелку...

– А-а, это есть! Как же, это я схоронил, понял, что вещь стоящая. И потом бумаги... Целый сверток. Их я тоже прибрал в надежное местечко.

– Спасибо, дядя Степан, – с облегчением вздохнул Максим. – Этому диску и бумагам цены нет. Сбереги их, пожалуйста. А как я выпишусь отсюда...

– Ну что, все не наговоритесь? – перебила их вынырнувшая из-за соседней койки санитарка. – Давай, Степан, проваливай! Проваливай, проваливай, видишь, уборка. Сейчас обход начнется, а я тут из-за вас...

– Да что ты, Клавдия, сдурела? Дай поговорить с человеком. Чего убирать-то, и так все чисто, – развел руками старик. – Так ты не беспокойся, Владимирыч. Раз Силкин сказал...

– А я сказала, вытряхайся отседова! – вновь напустилась на него санитарка, сердито размахивая шваброй.

– Вот язва-баба! – не удержался Силкин от крепкого Словца, поспешно вскакивая со стула и пятясь к двери. – Ну, я пойду, Владимирыч.

– Да, иди, дядя Степан. До завтра. Оказывается, мешаем мы тут, – улыбнулся Максим. – Вы уж простите нас мамаша.

– Я-то прощу. А что врачи скажут...

3

Врач пожурил Максима за то, что тот «долго держал в палате посетителя», затем тщательно осмотрел его, про» слушал, простукал пальцами и сказал:

– Ну, что же, на мой взгляд, вы абсолютно здоровы, молодой человек. Послушаем, что скажет психоневропатолог, – он кивнул сестре, и та, выйдя из палаты, через мбнуту вернулась с высокой седой женщиной, показавшейся Максиму чем-то знакомой.

В самом деле, где он видел это худое, сильно удлиненное лицо с отчетливой тенью усов над верхней губой. Ну, конечно! Он же лечился у нее много лет назад, после памятного случая на озере. Вот так встреча!

Женщина-невропатолог подошла к его кровати, скользнула глазами по температурному листу, внимательно вгляделась в лицо Максима:

– Та-ак... Это и есть наш «Спящий»?

– Да, наш уэллсовский герой, – весело отозвался врач, отходя чуть в сторону.

– Как вы себя чувствуете? – обратилась она к Максиму.

– Спасибо, вполне удовлетворительно.

– У вас есть здесь какие-нибудь родственники?

– Нет, ни здесь, ни в каком другом месте.

– А с этим старичком Силкиным вы давно знакомы?

– С раннего детства, если это можно считать началом знакомства.

– Закройте глаза. Максим зажмурился.

Потом она просила его вытягивать руки, следить за кончиком ее пальца, била молоточком по коленям. Наконец сказала:

– Состоянию вашей нервной системы можно только позавидовать, – и заглянула ему в глаза. – Скажите, а вы прежде не лечились у меня?

– Лечился.

– Значит, с памятью у вас тоже все в порядке. Максим насторожился: так можно в два счета разру*:

шить всю легенду, которой он решил придерживаться.

– Я помню все, за исключением того, откуда прибыл сюда и как оказался в доме Силкина, – ответил он как можно спокойнее.

– Не помните, откуда прибыли?! А где вы работаете? Где живете? – не отступала невропатолог.

– Я работал в Сибирском филиале Политеха. Там же, естественно, и жил. Потом ушел оттуда. И после этого... – Максим беспомощно развел руками. – Что было после этого, – не помню.

– Но есть же какие-то документы, люди, которые помнят вас...

– Я не знаю даже, где мои личные документы, – не дал ей закончить Максим, – не могу назвать ни одного человека, с кем встречался после ухода из Политеха.

– Однако должны быть какие-то причины, приведшие вас в столь необычное состояние?

– Возможно, были. Они не сохранились в моей памяти.

– Странно... Впрочем, учитывая ваше прошлое заболевание... Да, теперь я вспомнила, с чем вы лежали у меня в психоневрологическом отделении. – Она что-то быстро сказала врачу по латыни. Тот согласно кивнул.

– Спасибо, Софья Львовна, я так и думал. Ну-с, молодой человек, попробуем встать.

Максим рывком поднялся и тут же снова упал на подушку от сильного головокружения.

– Не так, не так, – рассмеялся врач. – Не забывайте; вы слишком долго находились в горизонтальном положении. Ну-ка, давайте вместе, – он подхватил Максима за плечи и медленно приподнял его с подушки. – Вот так- Теперь спустите ноги на пол и выпрямляйтесь.

Максим попытался встать с кровати, но тело не слушалось его, ноги сгибались в коленях, были точно ватные.

– Не отчаивайтесь, молодой человек. Начнем учиться ходить заново. Тетя Клава, помогите ему. Завтра он у нас танцевать начнет.

Созывая это совещание, директор Центрального Разведывательного Управления Майкл Хант не ставил какой-то особо важной цели и уж, во всяком случае, даже предположить не мог, как далеко заведет и какой катастрофой кончится, казалось бы, самая ordinaria операция, которую он намерен был обсудить сегодня со своими ближайшими помощниками.

Поводом для нее послужило обычное сообщение одного из экспертов о том, что в научной периодике русских перестали появляться публикации, касающиеся нейтрино и антинейтрино. Это могло означать' одно: работы русских физиков, связанные с нейтрино, отныне засекречены. А раз так, то напрашивался вывод, в России этим неуловимым элементарным частицам отводится важная роль в создании каких-то новых видов оружия.

Каких же? Вот это и нужно было выяснить.

К сожалению, вызванные на совещание эксперты-физики ничего определенного сказать не смогли. Ничего вразумительного не смог доложить и заведующий отделом Центральных районов России, в подчинении которого находилась резидентура, ведущая наблюдение за Институтом ядерной физики в одном из городов Подмосковья.

– Ну, хоть фамилии ученых, работающих с нейтрино, вам известны? – спросил, не скрывая раздражения, Хант.

– Да, это мы знаем, – оживился руководитель отдела. – Вот, к примеру, заведующий лабораторией института профессор Саакян...

– Какой именно лабораторией? – прервал его Хант.

– Лабораторией... – руководитель отдела заглянул в свой блокнот, – лабораторией слабых взаимодействий. Так вот, три года назад вышла его статья о бета-распаде, где главное внимание было уделено именно нейтрино и антинейтрино.

– Три года назад?! – усмехнулся Хант,

– Да. Но в этом году его аспирант, ныне старший научный сотрудник института Дмитрий Зорин защитил диссертацию, в которой значительное место занимает как раз проблема нейтрино. Кстати, мы знаем также, что на днях Зорин уходит в отпуск и едет к себе на родину в Кисловодск. Затем еще один сотрудник лаборатории... – руководитель отдела порылся в своем блокноте. – Кандидат наук Хлопин. В его статьях тоже...

– Стойте. В самом институте, как вы сказали, ваших людей нет?

– Нет, к сожалению...

– Значит, Саакян и этот... Хлопин нам пока недоступны. А вот едущим в Кисловодск Зориным можно будет заняться. Кто там у нас сейчас, на Кавказе? – Хант обернулся к руководителю отдела Юго-Западных районов России.

- Наш резидент по городам минеральных вод обосновался, как вы знаете, в Пятигорске...
- Вы имеете в виду Джона Снайдерса?
- Да, агента номер четыре. Кстати, в Кисловодске у него есть парочка очень опытных людей. Я говорю об «Учительнице» и «Толкаче».
- А-а, это те, что помогли нам установить местоположение Кавказских урановых рудников.
- Так точно.
- Да, ценные работники. – Хант на минуту задумался. – Что же, пусть Снайдерс даст им задания; все о Зорине и о его работе с нейтрино. Его лично и всего института в целом. Главное – конечная цель этих работ. Далее – достигнутый уровень. По возможности – теоретическое обоснование и конкретные практические разработки. Ну и, пожалуй, пока достаточно. Что же касается Саакяна, то дорожку к нему мы проложим позднее. Может быть, через того же Зорина. Кстати, как назовем наших новых подопечных? Для Саакяна подойдет, я думаю, кличка Доктор. Ну, а для Зорина... Кто там еще значится у них в научной иерархии рангом пониже?
- Кандидат наук, доцент... – начали вспоминать эксперты по России.
- Вот-вот, Кандидат. Отлично, пусть будет Кандидатом. Дайте указание Снайдерсу, чтобы он заранее уведомил об этом своих агентов. На сегодня все, господи. Желаю успеха.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Фирменный поезд «Кавказ» миновал кубанские степи словно утомившись, резко сбавил скорость. Вдали показались горы. Молодой кандидат наук, три года не бывавший дома, да к тому же только что получивший два таких подарка судьбы, как назначение на должность старшего научного сотрудника и согласие своей возлюбленной стать *еной, потерял последнее терпение. Он то выскакивал в Коридор и до пояса высовывался в окно, то выхватывал из портфеля карманный атлас железных дорог, стараясь отыскать там только что промелькнувшее в окне название станции, то бежал к расписанию и в пятый или шестой раз сверял по своим часам, не опаздывает ли поезд.

– Слушай, Дмитрий, угомонись! – окликнул его сосед по купе. – А то, помнишь, как в том рассказе у Чехова, где такой же вот счастливчик возвращался к своим жене и детям, так же места себе не находил, с каждой станции слал телеграммы, ну и...

– Во-первых, Витенька, это рассказ не Чехова, а Куприна, во-вторых, меня не ждут ни жена, ни дети, и, в-третьих, я не только не послал ни одной телеграммы, я даже в письме не написал, что еду в отпуск. Потрясающий сюрприз для старика! Как и с моим новым назначением и с уведомлением ВАКа...

– И с твоей женитьбой?

– Ну, до женитьбы еще далеко. Аленка должна с матерью поговорить, специально к ней поехала, я тоже посоветуюсь с отцом...

– Скажи, какие почтительные детки! Как в нравоучительном романе прошлого века. А если мать Алены не согласится, чтобы ее дочка вышла замуж, а твой отец не посоветует тебе жениться?

– Тогда... Тогда мы все равно поженимся! Для нас это вопрос решенный. Ты не представляешь, какая это замечательная девушка! Да вот, взгляни! – Дмитрий полез в карман за фотографией, но Виктор остановил его:

– Видел я твою Аленку. Вчера показывал и ее фото, и свой диплом кандидата. Расскажи лучше, за что тебе присвоили эту степень, что за открытие ты сделал?

– Ну, это в двух словах не скажешь. Тема поисковая, связанная с фундаментальными исследованиями. Я – физик-атомщик, занимаюсь слабыми взаимодействиями. Понимаешь?

– Да нет, не совсем. Слабыми взаимодействиями чего с чем?

– Я имею в виду взаимодействия элементарных частиц. Их, как известно, четыре типа: электромагнитные, сильные, слабые и гравитационные. Так вот, я занимаюсь именно слабыми взаимодействиями.

– Постой, постой! Это уж из той оперы, где поется: «Это мы не проходили, это нам не задавали...» Тебе бы с моей сестрой потолковать, она тоже физик. А мне все эти слабые взаимодействия... Ты лучше приведи пример, где они встречаются. Тогда я, может быть, пойму...

– Пример? Сколько угодно! Да вот хоть бета-распад радиоактивных ядер...

– Опять чистейшая физика!

– Хорошенькое дело – чистейшая физика! Да не будь бета-распада, погасло бы Солнце, прекратилась эволюция звезд, остановились атомные электростанции... Процессы слабого взаимодействия с испусканием нейтрино играют, по-видимому, исключительнейшую роль во всей Вселенной...

– Да ведь о них, этих нейтрино, вроде до сих спорят, есть они или нет.

– Ну, почему же! Существование нейтрино давно не вызывает сомнений. Известны все их свойства, измерена даже масса покоя. Правда, свойства нейтрино действительно уникальны. Достаточно сказать, что их масса покоя чуть больше нуля, а так как они не несут никакого заряда и способны лишь к слабым взаимодействиям, то проникающая способность их поистине фантастична: они могут пройти, к примеру, через всю толщу Земного шара, ни на йоту не изменив направления движения, не потеряв ни грана энергии!

– Как через всю толщу Земного шара? Это же твердое тело! Неисчислимая масса атомов со всеми их ядрами, электронами...

– Неисчислимая масса атомов? А ты представляешь строение атома?

– Более или менее...

– Видимо, более менее, чем более, – рассмеялся Дмитрий. – А я вот нарисую сейчас такую картину. Представь, что размеры атома увеличились до размера нашего вагона. Представил?

– Ну?

– Тогда ядро его со всеми протонами и нейтронами окажется крупинкой размером в десять раз меньше, чем маковое зерно. И вокруг такого ядрышка будут вращаться несколько еле видимых пылинок – электронов. И это все!

– Не может быть!

– Именно так, Витенька! Атом – это почти абсолютная пустота. И что стоит нейтрино пройти сквозь эту пустоту! Но главное не в свойствах нейтрино. Главное, что рождаются они именно в результате радиоактивного распада. Распад как-то связан с ними. А следовательно, изучая свойства нейтрино, изучая природу слабых взаимодействий, Можно надеяться расшифровать сам механизм радиоактивности, найти пути управления ею. Не говоря уже о том, что без этого просто невозможно дальнейшее продвижение по пути познания строения вещества.

– Мудреными делами ты занимаешься! Так что, неужели весь ваш институт сидит над этими... взаимодействиями?

– В основном, да.

– Но что это дает людям, государству? Ведь вы, наверное, тьму денег тратите на эти ваши синхрофазотроны, реакторы, а результат? Практический выход? Американские физики, те хоть без конца новое оружие против нас изобретают. А вы? Неужели не можете сделать что-нибудь похлеще их? Чтобы они и пикнуть не смели. Или для народа что-нибудь такое... Ну, скажем, топливо какое-нибудь из камня, жранию без всякого там сельского хозяйства, будь оно неладно.

Дмитрий рассмеялся:

– Нельзя так потребительски относиться к фундаментальным исследованиям. Когда ученые начали изучать структуру атома, никому и в голову не приходило, что это

приведет к открытию атомной энергии. Так и здесь, Трудно даже представить, во что выльется проникновение в тайну нейтрино, кварков, бозонов. Вполне возможно, это внесет определенный вклад и в обороноспособность страны. Но все это, так сказать, в перспективе...

– Так ты, наверное, представляешь эту перспективу, хотя бы в области вооружений?

– Ну, это уже тема не для вагонного разговора.

– Конечно, конечно! Да и вообще для меня все эти физические проблемы... Я сказал, тебе бы с сестрой потолковать...

– А она, говоришь, тоже физик? В какой области?

– Как тебе сказать... Кончила физмат. С отличием. А теперь вот... учит детишек в школе. Жалко мне ее...

– Почему?

– Так ведь умная, талантливая девчонка. И красавица, каких поискать. А до сих пор даже замуж не вышла.

– Что же так?

– Все ждет такого принца, как ты. А откуда он возьмется в нашем городишке? Там и поговорить-то не с кем. Одна сфера услуг. Сам знаешь, что это такое. Словом, горе от ума!

– И правильно делает ваша сестра, что не выходит замуж, – вмешалась в разговор пожилая женщина, соседка по купе. – Какое сейчас замужество, какая семья, когда того и гляди война грянет, посыплются эти самые атомные бомбы.

– О какой войне вы, мамаша, говорите? – рассмеялся Виктор. – Никакой войны не будет. И именно потому, что на земле появились атомные бомбы.

– Как это понимать?

– Очень просто. Всякому сейчас ясно, что любая большая война превратится в атомную. А какой военный или политический деятель пойдет на самоубийство? Ядерное оружие всегда было лишь оружием устрашения. И наше счастье... «

– Нашел счастье! – буркнул из своего угла четвертый попутчик, похоже, бывший военный. – Если бы это было просто оружие устрашения, так его давно перестали бы производить. И так этих бомб наделали столько, что хватит пять-десять раз уничтожить все живое. А американцам все мало. Теперь вон в космос полезли. И уже не об ужасах атомной войны говорят, а о том, что не такая это страшная вещь – атомная бомба. Вот вам и оружие устрашения!

– Потому я и говорю, – снова вмешалась их соседка.

– Вы говорите! А то, что вы говорите, это, простите, вообще бред сумасшедшего. Вы что, хотите, чтобы люди жить перестали? Перестали любить, иметь детей, радоваться солнцу?

– Так вы же сами сказали...

– Я сказал, не надо прятать голову под крыло, предаваться опасным иллюзиям, как это предлагает ваш сосед. Надо прямо смотреть опасности в глаза. Знать ее и бороться с ней!

– Бороться как? – полубопытствовал Дмитрий.

– А это уж вам, молодым, надо подумать, как. Вам жить, вам и думать! – он выглянул в окно. – Приехали, вокзал!

– В самом деле! – встрепнулся Дмитрий. – Вот заболтались!

2

Поезд остановился. Все шумно поднялись. Дмитрий схватил портфель, коротко кивнул соседям по купе:

– Ну, я помчался, всего доброго!

– Постой! – остановил его Виктор. – Две минуты погоды не сделают. Видишь, сестра пришла меня встречать, – показал он на окно. – Познакомься уж с ней. Она бредит такими людьми, как ты.

– А-а, я с удовольствием. Только в другой раз, сам Понимаешь...

– Вот чумной! Совсем ошалел от нетерпения. Алла, сюда! Я здесь, – крикнул он торопливо пробирающейся к ним навстречу блондинке с огромными серыми глазами.

– Здравствуй, Витя, – она чмокнула Виктора в щеку, вопросительно взглянула на Дмитрия.

– Здравствуй, сестричка! Вот, познакомься, наш земляк. Но такой человек, скажу тебе... Словом, настоящий ученый с большой буквы!

В глазах девушки вспыхнул неподдельный интерес:

– Очень рада вас видеть. Алла, – проговорила она мелодичным голосом, протягивая Дмитрию красивую руку с золотым перстеньком.

– Дмитрий, – пробормотал тот, порываясь уйти.

– Кандидат физико-математических наук и старший научный сотрудник НИИ! – добавил Виктор, значительно подняв вверх палец.

– Вот как! – лицо Аллы выражало теперь явное расположение к новому знакомому. – Надолго в родные края? – продолжала она с милой улыбкой, не спуская с Дмитрия восторженного взгляда.

– Надолго, надолго! – ответил за Дмитрия Виктор. – Можешь пригласить его в гости. Тебе он, надеюсь, не откажет.

– В самом деле, Дмитрий, мы с братом были бы очень рады...

– Спасибо, конечно, я загляну...

– Ну, это не разговор! – шумно возразил Виктор. – Что значит загляну? Куда заглянешь? На деревню к бабушке? Во-первых, запиши наш адрес и телефон. Где у тебя записная книжка? Аллочка, напиши ему своей рукой... Вот так... Теперь договоримся о времени. Сегодня, конечно, вы не наговоритесь с папочкой. Ну, а завтра... Завтра мы тебя ждем. Часов так... Когда тебе удобнее, сестричка?

– Завтра я свободна весь день. Но пусть Дима сам позвонит, когда ему удобнее.

– Верно. Так вот, ждем твоего звонка. Да, кстати, дай нам и свой телефон! Пиши, Аллочка!

Дмитрий назвал номер телефона и адрес:

– Ну, счастливо вам добраться!

– Так до площади-то нам по пути, – снова остановил его Виктор. – Тебе на «двойку»?

– Да, или на такси...

– Вот барин! А мы уж на своей «шестерочке». Пошли, сестричка.

Они поднялись на площадь, обогнули строй курортных машин.

– А вон и моя «двойка!» – обрадовался Дмитрий. – До свидания, друзья!

– До завтра! – кокетливо улыбнулась Алла.

– Да, да, – Дмитрий рванулся к остановке. Но не успел сделать и двух шагов, как за спиной раздался испуганный крик Аллы:

– Ой, Дима, подождите!

Он быстро обернулся и увидел, что Виктор, только что двинувшийся к своей «шестерке», вдруг пошатнулся и начал валиться прямо на тротуар. Дмитрий едва успел подскочить и подхватить его за плечи:

– Что с ним?

– Не знаю, – сказала Алла сквозь слезы. – Но это уже в третий раз. Какое счастье, что вы еще не ушли. Такси! Такси скорее!

Дмитрий замахал руками проезжавшей мимо машине. Та сразу подкатила к ним. Шофер помог Дмитрию втащить Виктора на заднее сиденье.

– В больницу?

– Нет, нет, домой! – Алла назвала адрес. – Дима, вы поможете довезти его?

– Конечно, о чем речь!

Через несколько минут машина затормозила у большого пятиэтажного дома. Виктор с трудом раскрыл глаза:

– Опять этот приступ... Ох!

– Ничего, Витя, потерпи немного, – склонилась над ним Алла. – Сейчас мы с Димой уложим тебя, и все пройдет. Поддержите его, Дима. Вот так... Спасибо вам огромное, – кивнула она водителю такси.

3

– Не знаю, как и благодарить вас, Дима, – сказала Алла, когда они уложили Виктора в постель. – Ведь если бы не вы... Но теперь он будет спать, я знаю. Когда это случилось в первый раз, я чуть не умерла со страха. Вызвала «скорую». А врач говорит: сон, и больше ничего. Так что теперь все в порядке, – она тщательно прикрыла дверь в спальню. – Я угощу вас чаем?

– Нет, зачем же... – попытался возразить Дмитрий.

– Пожалуйста, Дима! Я так благодарна вам. И так рада видеть у себя по-настоящему интеллигентного человека, можно сказать, коллегу. Ведь здесь, на Кавказе, сами знаете... Это счастье, что я познакомилась с вами! – взгляд Аллы наполнился нескрываемой радостью.

Дмитрий невольно отвел глаза:

– Ну, разве один стаканчик...

– Так я секундочку! – вспыхнула Алла от удовольствия. – Взгляните пока на нашу библиотеку, – она скрылась в кухне, загремела посудой.

Дмитрий подошел к шкафу с книгами:

– Вот это богатство! – такого обилия редчайших изданий он не видел даже в библиотеке своего шефа, профессора Саакяна. Глаза его жадно перебегали с полки на полку, с одного раритета на другой.

А Алла успела уже накрыть на стол и даже переодеться в легкий ситцевый халатик, который делал ее еще более привлекательной и как-то по-домашнему уютной.

– Садитесь, Дима. У меня, словно специально для такого радостного дня, оказалась бутылочка приличного вина, так мы с вами выпьем по рюмочке за знакомство... – она протянула ему искрящийся бокал, под села рядом.

– А как же Виктор? – растерянно оглянулся Дмитрий на закрытую дверь спальни.

Она тихо рассмеялась. Огромные, как небо, глаза приблизились к самому его лицу, заслонили собой весь мир.

– Вам так хочется, чтобы здесь был кто-то еще, кроме нас двоих? – произнесла она чуть слышно.

– Нет, я просто... – он сделал слабую попытку немного отодвинуться от нее. Но глаза Аллы тянули, как магнит, Зрачки в них неестественно расширились, превратились в зияющую бездну, губы раскрылись, горячие руки легли ему на плечи.

– Выпьем, как пили в недавнем прошлом, на брудершафт? – сказала она вполголоса.

Генерал Колли был человек дела. Его трудно было вовлечь в какую-либо сомнительную авантюру или сбить с толку дешевой сенсацией. И тем не менее сообщение, полученное от Управления Космических Исследований, заставило серьезно задуматься.

Нет, он, конечно, не принял просто так на веру болтовню этих звездочетов, что несколько дней назад заявили к нему в кабинет. Но его собственные эксперты, затребовавшие все материалы, относящиеся к необычному феномену, с большой степенью достоверности подтвердили, что до недавнего времени вокруг Земли действительно вращался какой-то очень массивный объект, по всей видимости, являющийся искусственным космическим телом, Искусственным космическим телом! Но ведь это, в самом деле, мог быть корабль какой-то внеземной цивилизации, и ему, конечно же, ничего не стоило нарушить все военно-стратегические планы, с такой тщательностью разработанные им, Колли. Кто знает, как поведут себя эти, неведь откуда взявшиеся существа, если их корабль вернется

к Земле, да если к тому же русские, не дай бог, сумеют связаться с ними? Нет, нет, надо что-то предпринимать. Немедленно! Сию минуту!

Генерал подошел к телефону прямой связи с ЦРУ и снял трубку. Говорить по этому аппарату мог только он, Колли. Поэтому ему незачем было называть себя, когда на другом конце провода послышался знакомый хрипловатый баритон.

– Алло, Майкл! – проговорил Колли, не повышая голоса. – На днях ко мне приходили эти яйцеголовые из Управления Космических Исследований и...

– И информировали тебя о «феномене икс»?

– Каком еще «феномене икс»?

– Да о том самом неопознанном объекте, что до недавнего времени болтался вокруг Земли и не поддавался никаким методам обнаружения. Мы называли его «феноменом икс».

– Так ты знаешь о нем?!

– Хорошо бы я был, если бы не знал. Для чего тогда нужно мое ведомство?

– Но почему ты до сих пор ничего не сказал мне?

– Всему свое время, Дик. Всему свое время.

– Ну, знаешь, черт возьми, если от меня будут скрывать информацию такого рода...

– Не чертыхайся, Дик, мои люди знают свое дело. Любую нужную тебе информацию ты получишь вовремя, ни минутой позже. А здесь надо еще разбираться и разбираться.

– А русские знают об этом?

– Не больше, чем ты. Впрочем...

– Ну, что ты замолчал?

– Да тут есть одна зацепочка. По имеющимся у меня сведениям, русские уже несколько лет засекают в окрестностях одного таежного селения непонятные НЛО и, насколько мне известно, связывают их с тем же, что мы называли «феноменом икс».

– Они связывают. А ты?

– Я говорю, это в такой таежной глухомани, что...

– И твоих агентов там, конечно, нет?

– Теперь есть.

– Ну и что ты имеешь от них?

– Агент только еще вживается. Ситуация не из простых. Работа в России имеет свою специфику.

– Я понимаю. Но игра стоит свеч. И всякое промедление...

– Спасибо за напоминание, дружище. Мои люди даром хлеба не едят.

– Я не сомневаюсь в этом. И надеюсь, ты будешь держать меня в курсе всех дел?

– Я же сказал, ты получишь всю нужную тебе информацию. И вовремя.

– Что значит, «нужную» мне информацию? – недовольно буркнул Колли. Но в ответ послышались лишь короткие гудки.

Колли бросил трубку на рычаг:

«Дутый индюк!»

На душе у генерала стало еще тревожнее,

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Петр Чалый, двадцатисемилетний водитель трелевочного трактора, ловко спрыгнул с подножки машины и, раскрыв пачку сигарет, подошел к толпе лесорубов, сгрудившихся возле конторы:

– Здорово, ребята! Кто огонька даст?

К нему сейчас же потянулось несколько рук. Чалый щелчком выбил из пачки чуть не целый ряд:

– Берите, берите! Сигареты, что надо! В магазине таких не купишь – импортные. Вчера какой-то парнишка на рынок вынес, так я три блока ухватил.

Ребята не заставили себя упрашивать. Чалый лишь месяц назад поступил к ним в леспромхоз. Но все поняли сразу – парень свойский. Всякий мог взять у него займы, всякому он готов был помочь латать их видавшую виды технику, за всякого не боялся вступить в споре с начальством. Вот и теперь, закулив сам и угостив товарищей, он не спрятал пачку в карман, кинул ее на крыльцо вагончика – кури, кто хочет!

Ребята дружно задымили. А Чалый сбросил с плеч промасленную куртку, растянулся прямо на земле;

– Хорошо тут у вас! И заработать можно. И в смысле харчей. Только вот со спиртным туговато.

– Да, – сразу отозвалось несколько голосов. – Вторую неделю на полках хоть шаром покати.

– А я вчера достал...- снова заговорил Чалый, потягиваясь. – Хотите, раздавим по случаю пятницы?

– Как, прямо здесь?

– Зачем здесь, пойдем ко мне в общежитие. Только вот с закуской...

– Нашел о чем говорить! Это мы мигом. Водка твоя – закуска наша. Вырин! Где Колька Вырин?

– Здесь я чего тебе? – выглянул из вагончика худой веснушчатый парень.

- Слышь, Николай, Петро угощает! Шпарь сейчас в магазин к своей матери: ей, я знаю, вчера колбасу завезли, возьми на всех. Ну и хлеба, еще чего-нибудь... Там посмотришь.

– Ясненько, Федя. А... это самое?

– Опять «это самое»! Весь в отца! На вот, – Федор вынул из кармана несколько смятых бумажек, сунул Николаю. – И прямо к Петру в общежитие!

2

Через полчаса в небольшой комнатухе общежития гул стоял от пьяных голосов. Ребята говорили все разом, перебивая друг друга, перескакивая с пятого на десятое. И только Чалый, тоже заметно захмелевший, упрямо цеплялся за одно и то же:

– А правду ли говорят, что у вас тут какие-то инженеры да ученые без конца что-то ищут?

– Какие инженеры? Какие ученые? Ха! Тут испокон веков одни работяги. Ты лучше вот что скажи... Получил, скажем, леспромхоз новый трактор...

– Плевать на трактор. Плевать... – протиснулся к Чалому другой шофер. – А вот баня... Почему, скажи пожалуйста, баб в ней моют три раза в неделю, а нас, мужиков, только два?

– Да бросьте вы: трактор, баня... – осадил обоих Чалый. – Черт знает, что вам в голову лезет! А того, что какие-то прохиндеи уж сколько лет у вас под ногами чего-то ищут, никто знать не знает.

– Чего у нас искать? Чего? Один лес кругом...

– Вот я и говорю: чего? А ведь ищут! У Гремячего Лога видал сколько ям нарыто? Да и вокруг озера...

– А-а, вон ты о чем! Так это Максимка Колесников приезжал. Он тут, в самом деле, чего-то искал. Так когда это было...

– Максим Колесников? – насторожился Чалый. – Кто он, этот Колесников?

– Максимка-то? Кореш наш, здешний, вормалеевский. Но теперь, говорят, бо-о-ольшой человек стал. То ли академик, то ли еще кто...

– Так что он искал, ваш академик?

– Кто его знает? Всяко болтали. Одни судачили – алмазы. Другие – мол, кости какие-то. Да говорю тебе, когда это было! Я его уж не помню, когда и видел. Годов так пять-семь...

– Годов пять-семь! Не знаешь, не брешь! – вступил в разговор Николай Вырин. – Колесников и сейчас здесь. Отец сказывал, дядя Степан с неделю назад привез его в больницу. Там он и по сей день.

– Колесников здесь, в больнице? А кто этот дядя Степан, родственничек его или, как вот мы с вами, – дружок по русской горькой? – залился Чалый пьяным смехом.

– Степан Силкин – старик-охотник, бывший сосед Максима, – пояснил Николай Вырин. – Кстати, он тоже копал эти ямы.

– Копал вместе с Колесниковым? Значит, он может рассказать...

– Дядя Степан расскажет, дожидайся! У него лишнего слова кирпичом не вышибешь. А ты бы с моим отцом потолковал. Он, помнится, одно лето тоже нанимался к Максиму. И сейчас, кажись, видел его. Или говорил о нем с Силкиным.

– Они что же, друзья?

– Друзья не друзья, а почти одногодки. Оба Максима с детства знают.

– Вот как! Ну, что же, понаведуюсь я к твоему отцу, потолкую с ним. Я, знаешь, люблю поболтать о старине с бывалыми людьми.

3

– Да, было дело, работал я одно лето с Колесниковым. Интересная была работа, и платили хорошо, – сказал отец Николая Кузьма Вырин, поглаживая рыжую бороденку и искоса поглядывая на неожиданного гостя. – Такие шурфы закладывали – дна не видать...

– Ну, а что вы искали, руду, алмазы? – нетерпеливо перебил Чалый.

– Нет, алмазы искали геологи, годами пятью-шестью раньше. Колесников сам работал у них мальчишкой. А тут совсем другое дело...

– Что же искал Колесников, что?!

– Не очень делился он с нами, рабочими, своими секретами, – хитро усмехнулся Вырин.

– Но я кое-что выведал тогда. Пригодится, думаю...

– Ну? – снова подтолкнул его Чалый, заполняя стаканы.

– Нет, мне хватит, – отодвинул Вырин водку. – А тебе все это к чему? – неожиданно спросил он.

– Интересно, знаешь...

– Ну, если ради простого интереса, то не к чему и время тратить.

– А если не ради простого интереса?

– Ну, коли так, то сам понимаешь... Доходы у меня не бог весть какие. Сына вот женить надо. А секрет, он секрет и есть.

– Понятно. Значит, мы с тобой столкнемся, старик, Вот тебе для начала, – Чалый вынул из бумажника пачку десятирублевых и положил их перед Выриным.

Глаза у того заблестели. Но он тут же спрятал радость под маской деланного равнодушия.

– Ну, разве для начала, – сказал он, небрежно пряча деньги в карман. – Дело-то ведь того... Деликатное, скажу я тебе, дело.

– Хватит темнить, выкладывай, что знаешь! Вырин многозначительно кашлянул:

– Так вот, подслушал я однажды, что прилетал сюда, к нам в Вормалей, какой-то корабль. Оттуда! – указал Вырин пальцем в небо. – И что люди, которые были на нем, прятали тут одну штуковину. А кто эту штуковину найдет...

– Ну, это, знаешь, сказки!

– Сказки, говоришь? И мы так думали по-мужицки, по глупости. А Колесников нашел ту штуковину – и поминай, как звали... Исчез парень!

– Как исчез?

– А вот так. Приезжал сюда года три назад сын Силкина. Он в том городе живет, где Колесников работал. Так он и сказывал – пропал Колесников, исчез бесследно, как в воду канул!

– Ну и что из того? Исчез человек! Мало ли что могло быть: просто уехал парень, ничего никому не сказав, сбежал, наконец, от жены, от долгов. Что ты мне голову морочишь!

– Сбежал? Уехал? Чтобы через семь лет снова у нас тут, в Вормалее, объявиться? И как объявился, знаешь?

– Слышал кое-что...

– Ничего ты не слышал. Я один это знаю. Потому что как раз в ночь перед тем, как объявиться ему у Силкина, одно дельце обделывал и видел, как над лесом, что за бывшим кордоном, стало быть, неподалеку от дома Силкина, спустилось с неба эдакое чудище, вроде как туча из голубого огня, и через малое время опять поднялось. Вот тебе и сказки! Оттуда он прибыл! – Вырин снова выразительно ткнул пальцем в небо. – Оттуда! И уж, конечно, не с пустыми руками.

– Ну, а дальше, дальше! – явно заинтересовался рассказом Чалый.

– Дальше! Дальше надо у Силкина выведать, что и как было. И что привез его постоялец. А выведать у него... Легче медведя из берлоги выкурить, чем заставить Силки» на разговориться. Он и врачам, говорят, сказал: не помню ничего, и все тут! Вот бестия!

– Интересно... А если я попрошу тебя все-таки расколоть этого Силкина?

– Так ведь... – Вырин выразительно хмыкнул. Чалый достал еще пачку десятирублевки:

– Вот, бери! И это тоже только для начала, понял?

– Премного благодарен. Попробую потрясти старика. А еще вот что. В больнице, где лежит этот Колесников, работает санитаркой одна моя знакомая, Клавдия Киреева. Так вот, если сделать ей хороший подарок...

– Ладно, санитаркой я займусь сам. Твое дело – Силкин. И тут уж надо костыли лечь, а узнать – точно узнать! – откуда появился Колесников в Вормале, ну и, само собой, с чем прибыл сюда, что собирается здесь делать?

– Понятно, а...

– А я в долгу не останусь, можешь не сомневаться. И чтобы о нашем разговоре...

– Что я, не понимаю!

– Ну, действуй! И как что разнюхаешь, дай знать через Николая.

От четвертого – первому

Контакт моих агентов с интересующей вас личностью установлен. Вполне заслуживает внимания. Типичный научный работник. Тридцати двух лет. Холост. Беспартийный.) Умен, интеллигентен, широко образован, не меркантилен, добр, честен, мягок, слабохарактерен, женолюбив. Алкоголем не злоупотребляет, к спорту равнодушен. Кандидат физико-математических наук. Работает в известном вам институте в должности старшего научного сотрудника. Область научных интересов: слабые взаимодействия, бета-распад нейтрино. Работой увлечен. Пользуется уважением начальства. Его непосредственный начальник – профессор Саакян, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией слабых взаимодействий. Предположительно – властолюбив, неразборчив в средствах, любит комфорт, мечтает о звании члена-корреспондента Академии наук.

Проблематика института (по предварительным данным) – слабые взаимодействия, механизм радиоактивного распада, нахождение путей управления бета-распадом с использованием нейтрино.

Четвертому от первого

Продолжайте изучение Кандидата. Как можно больше подробностей о научной работе института в целом. Главное – как мыслится управление радиоактивным распадом? Практическая значимость этой проблемы? Продумайте вопрос о возможности получения у Кандидата протекции для устройства одного из ваших агентов (лучше всего – Учительницы) на работу в лабораторию Доктора. Считайте это важнейшей задачей операции.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

«Вот миновал и еще один день «больших ожиданий»... – невесело усмехнулся Зорин, снимая в прихожей пиджак и развязывая галстук. Он прошел было в кабинет, чтобы поработать над книгой. Но потом передумал, решил подняться в горы.

Эти короткие прогулки утром, до работы, или вечером, после рабочего дня, стали привычкой, жизненной необходимостью. Чаще всего он выбирался в молодой соснячок, что раскинулся над самым санаторием, и не меньше часа бродил там по засыпанным хвоей дорожкам, слушая щебетанье птиц, глядя на прыгающих белок и вдыхая густой смолистый запах.

Он любил этот соснячок, этот запах, эти узкие тенистые дорожки, положим серпантинном избегающие к красным скалам. Час, проведенный здесь, давал заряд бодрости на целый день, а вечером снимал усталость и нервное напряжение, накопившееся за долгие часы работы. Но главное – здесь ничто не мешало думать о Тропининой. Здесь он мог вспоминать каждое ее слово, каждый жест, мог мысленно говорить с нею, мечтать о новых встречах. А они были так редки, эти встречи! И вообще, чем дальше, тем отношения их становились все сложнее и неопределенней.

Зорин давно понял, что полюбил Тропинину, полюбил так, как не любил никого в жизни. Он почувствовал это особенно ясно в то страшное утро, после звонка из милиции, когда бежал, задыхаясь, по едва просыпающимся улицам города, молил остановиться каждое такси, замирал от страха перед каждым мигающим светофором.

Все это было словно в страшном сне. Зорин плохо помнил, как добрался наконец до больницы. Она была закрыта. Он, не задумываясь, забыв про свой возраст, пробрался сквозь пролом в ограде сада, прошел служебным ходом в приемный покой, почти силой прорвался в хирургическое отделение. Благо, дежурный врач оказался знакомым. Он тут же подал ему халат, разыскал историю болезни, подробно познакомил с результатами первичного осмотра.

– Словом, положение тяжелейшее. В сознание не приходит. И... лучше бы ее не беспокоить.

– Я должен ее видеть, – твердо сказал Зорин. Врач пожал плечами:

– Пойдемте, я провожу вас.

Тропинина лежала в двухместной палате, у окна. Голова ее была забинтована, лицо казалось восковым, глаза глубоко ввалились, нос заострился. Одна рука – под одеялом, другая безжизненно упала на простыню. Рядом стонала пожилая женщина. Обе были без сознания.

Горячий комок подступил к горлу Зорина. Он судорожно глотнул воздух и, подойдя к кровати Тропининой, осторожно прикоснулся к ее запястью. Пульс был ровным, но слабым. Дыхание с трудом вырывалось из груди,

Он прикрыл руку одеялом, отвел со лба выбившуюся из-под повязки прядь волос. И вдруг веки больной дрогнули. Она раскрыла глаза:

– Андрей Николаевич?.. Я знала... что вы... придете...

Он поспешно приложил палец к губам:

– Ни слова больше! Вам нельзя говорить.

– Я понимаю это... Но надо... Только вы... сможете меня спасти... – она снова закрыла глаза, но через минуту, сделав над собой невероятное усилие, раскрыла опять. – Ту коробочку... помните... С белым порошком... Ее надо принести... Скорее... Иначе – смерть...

– Я все понял. Не говорите больше ничего. Я сейчас же еду в санаторий и привезу препарат сюда. Он по-прежнему в вашем рабочем столе?

Она слабо кивнула:

– И еще... мой сын... Вовка...

– Не беспокойтесь, Таня... Татьяна Аркадьевна. Я сегодня же заберу его к себе домой и... Словом, не беспокойтесь ни о чем!

– Спасибо вам... – глаза ее закрылись, и две крупные слезы скатились на смятую подушку.

Жгучее чувство сострадания сдавило сердце. Закрыв лицо рукой, Зорин вышел из палаты. А уже через час снова сидел здесь, сжимая в руках коробочку с радиоактивным

препаратом. Но Тропинина не приходила в сознание. Проходил час за часом. За окном сгустились сумерки. Над головой вспыхнул свет. Глаза больной оставались закрытыми, дыхание слабело, пульс прощупывался все хуже и хуже. Оставалось одно. Он сам прокипятит шприц. Сам сделал укол. Веки Тропининой медленно приподнялись. Он поспешно склонился над кроватью:

– Я все принес вам, попробуем начать. А сынишка ваш у меня дома. Ему хорошо там.

Она легко качнула ресницами, попыталась высвободить из-под одеяла руку. Он помог ей:

– Припудрить ладонь препаратом?

Она снова качнула ресницами. Попробовала приподнять руку с простыни. На лбу выступили капельки пота.

– Ничего не делайте сами. Я, кажется, знаю, что нужно предпринять. Если ошибусь, дайте знать глазами.

Зорин нанес препарат, осторожно откинул одеяло и начал легонько водить ее ладошкой по груди и плечам, едва касаясь вздрагивающего тела. Пальцы его чутко ловили малейшие толчки в запястье, и уже через минуту он ясно ощутил, что пульс становится отчетливее, сильнее. А еще через несколько минут с лица начала сходить мертвенная бледность, глаза раскрылись шире, губы чуть дрогнули:

– Спасибо вам... Пока хватит... Теперь завтра... в это же время... – Легкий вздох вырвался из ее груди. Слабая тень улыбки пробежала по губам. Он понял, что самое страшное позади. Безмерная радость переполнила душу. С отцовской нежностью коснулся он губами ее худой, тон кой, почти просвечивающей руки.

А уже через две недели они с Вовкой сидели внизу, в вестибюле, с большим букетом цветов и ждали, когда она переоденется в приемной. Она вышла к ним своей обычной стремительной походкой, расцеловала Вовку, тепло поблагодарила его, Зорина. Он усадил их в такси и медленно побрел к себе, в опустевшую квартиру...

И все пошло по-старому: мимолетные встречи в санатории, изредка – воскресные прогулки в горы, и бесконечная, непроходящая тоска, которая не оставляла его теперь ни на минуту. Он стал плохо спать по ночам, думы о Тропининой не давали сосредоточиться на работе, он забросил свое любимое детище – почти законченную книгу о терапии ишемических заболеваний. Все его чувства, весь смысл жизни сосредоточились в ней одной. И никакого просвета впереди. Не мог же он открыться в своей любви женщине, которая была моложе его на тридцать лет! То есть, может быть, он и решился бы сказать ей это, если бы заметил хоть искорку ответного чувства. Но вот об этом как раз и оставалось лишь мечтать.

Тропинина была неизменно приветлива с ним, сама приглашала время от времени на прогулку в горы, делилась всем, что касалось ее работы. Но и только. Напрасно он старался найти в ее глазах хоть тень надежды на что-то большее. Они по-прежнему были непроницаемы и строги.

Он страдал от этого. Здравый рассудок говорил ему, что так не может продолжаться до бесконечности, что чем дальше, тем труднее будет пережить потерю этой женщины. Но что мог он сделать, если одна минута, проведенная с ней, была для него дороже целой жизни.

Зорин невольно вздохнул и, надев спортивный костюм, начал шнуровать кеды.

Вдруг в дверь постучали.

«Неужели она?...» – пронеслось в голове.

– Сейчас, сейчас! – он быстро завязал шнурок и открыл дверь. Перед ним стоял, сияя улыбкой, его сын Дмитрий.

– Здравствуй, папка!

– Димка, сынок! Да как же ты так, даже не телеграфировал?

– Люблю сюрпризы! – счастливо рассмеялся Дмит-й, высвобождаясь из объятий отца. – А ты молодцом! Нмолодел лет на двадцать. И в спортивном костюме! В горы собрался?

- Да, еще минута – и пришлось бы тебе стучаться в запертую дверь со своими «сюрпризами». Ну, как ты, как твои дела?

- Дела отлично, папка! Неделию назад твой сын стал дипломированным кандидатом физматнаук и избран на должность старшего научного сотрудника.

- Утвердили, значит? Ну, поздравляю! Да что же ты и об этом не сообщил?

- Хотел лично тебя обрадовать.

- Бот чудачок! А на чем ты приехал? Или поезд так сильно опоздал?

- Да тут такое дело... – слегка покраснел Дмитрий. – Пришлось девушку одну проводить. Она тоже физик и такая симпатичная, знаешь. Ну, разговорились, то да се...

- Ладно, раздевайся, проходи. Есть, наверное, хочешь?

- Это – потом! – Дмитрий сбросил плащ, прошел в гостиную. – И как же давно я не видел этих комнатух! А это кто? – взял он со стола фотографию в рамке.

- А это... очень хорошая моя знакомая, врач Тропинина. Я познакомлю тебя с ней.

- Гм... Если оригинал соответствует фото...

- Да, Татьяна Аркадьевна замечательная женщина. Во всех отношениях. Я надеюсь, она понравится тебе.

- А это? Ты занялся физикой? – удивился Дмитрий, беря с кушетки раскрытую книгу.

- Немного. Заинтересовался радиоактивным распадом. И столько здесь, оказывается, еще неясного, таинственного...

- Неясного – да. Но таинственного... Сейчас это не звучит.

- Жаль, что не звучит.

- А ты что, все еще хочешь видеть жизнь в ореоле таинственности? В твои годы?!

- Да, мне уже шестьдесят. И тем не менее я готов повторить вслед за Эйнштейном... Как это у него? Вот, я Даже записал: «Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности окружающего мира, тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне если не мертвецом, то во всяком случае – слепым»

- Это сказал Альберт Эйнштейн?!

- Да, Альберт Эйнштейн, ваш коллега, и не из числа последних как будто.

- Значит, ты и до Эйнштейна добрался? Ну, папка, сегодня ты мне положительно нравишься! И твой спортивный вид, и Эйнштейн, и эта... Тропинина, – он снова взял со стола фотографию. – Гм... Неужели и в жизни бывают такие умные женские лица?.. А ты иди, иди! Горы любят дисциплинированных. Все равно мне еще надо помыться, побриться...

- Ну что ты! Столько времени не виделись...

- Насмотримся еще, впереди целый месяц. Да и се-, годня – вся ночь наша. Иди, проветрись!

- Ну, разве на полчаса. Ты тут все найдешь?

- Не беспокойся.

2

- Вот такие у меня дела, – закончил Дмитрий свой рассказ о работе в лаборатории. – Все, как видишь, о'кей! А теперь... Надо мне еще поговорить с тобой... Не знаю, как и начать. Вчера еще хотел, да как-то... Словом, решил я жениться, папка.

- Ну, что же... Пора, сынок. Кто же она, твоя невеста? Уж не эта ли симпатичная физичка, которую ты провожал вчера с поезда?

- Что ты, папаша Это так... Небольшой дорожный флирт, А невеста... Вот, смотри, – вынул Дмитрий из кармана фотографию. – Алена. Она в детском саду работает. Но такая девушка, скажу я тебе!

- Главное, чтобы тебе нравилась.

- Да я теперь без нее жить не смогу!

- Это хорошо, сын. Что же она с тобой не приехала?

– Она тоже поехала к своей матери, чтобы все, как говорится...
 – Понятно. И когда вы собираетесь... Когда решили оформить все это?
 – Вот приедем из отпусков и...
 – Значит, через месяц? А какое у нее образование, Дима?
 – Можно сказать, никакого. Да разве это имеет значение?
 – Вообще-то имеет...
 – Но не главное же? А, папка?
 – Как тебе сказать... Нет, не главное, конечно.
 – Вот и я думаю. А как ты?
 – Что я?
 – Ты не собираешься жениться на этой... Тропининой? Зорин невесело усмехнулся:
 – Разве я похож на жениха?
 – Да это я так, к слову. Чтобы знать, как мне держаться с ней, когда мы познакомимся.
 – Видишь ли, сын, интеллигентная женщина сама даст понять, как с ней держаться.
 – А она что, очень интеллигентная?
 – Очень, Дима.
 – Дай-ка я еще раз на нее взгляну, – Дмитрий взял со стола фотографию Тропининой, с минуту всматривался в ее лицо. – Да, похоже... Сколько ей лет?
 – Она чуть моложе тебя.
 – Моложе меня! А я думал... Когда же ты познакомишь нас?
 – Попробую пригласить ее к нам завтра, вот так же вечером, после работы. Только придется нам немного почистить свой ковчег. А то, сам видишь...
 – Она не была еще здесь?
 – Ни разу.
 – Будь покоен, папа, швабру держать в руках я еще не разучился. Все будет блеснуть. И вообще, я все организую так, что... Словом, покажем ей, что и мы не лыком шиты.
 – Димка, Димка... Какой ты еще ребенок! – Зорин привлек сына к себе и прижался щекой к его вихрастой Шевелюре. – Ну, ладно, иди отдыхай, а я поработаю немного.
 – Все сидишь над своей книгой?
 – Да. Интересные мысли пришли сегодня в голову, надо записать, пока не забыл. Прости, что оставляю тебя.
 – Работай, работай! Мне все равно надо сходить кое-куда.
 – Надолго?
 – Кто знает... Во всяком случае, не беспокойся, если задержусь немного. И дай мне, пожалуйста, ключ, чтобы не тревожить тебя ночью.
 – И все-таки, постарайся не очень допоздна, Дима.
 – Ну что ты, папа, я же в отпуске. И не такой ребенок, как ты думаешь, – рассмеялся Дмитрий. – Чао!
 Он запер за собой дверь и, дойдя до первого автомата, поспешно набрал номер:
 – Алла?
 – Да. Это ты, Дима? Боже, как я устала ждать! Весь день – ни одной живой души.
 – А Виктор?
 – Виктор! Он опять укатил в командировку.
 – И ты совсем одна?
 – С кем же мне быть? – капризно протянула Алла. – Я только тебя и жду. А ты не звонишь и не звонишь! Приходи скорее, Димочка!
 – Иду, Алла, иду! – он самодовольно подмигнул диску автомата и зашагал по пустеющей улице.

– Ну, не спи, поговори со мной, – горячо шептала Алла в самое ухо, осторожно перебирая пальцами его спутавшиеся волосы.

– Я не сплю, честное слово, не сплю, – отвечал Дмитрий, не размыкая век. Он действительно не спал. Но ему не хотелось больше видеть эти молящие глаза, эти влажно блестящие губы, эту полную обнаженную грудь, смутно белеющую в полутьме спальни. Он вообще не мог сейчас объяснить себе, зачем он здесь, в этой огромной жаркой постели, с этой чужой, почти незнакомой женщиной?

– Ну почему ты молчишь, Димочка? – продолжала шептать Алла, прижимаясь лицом к его груди. – Скажи что-нибудь еще...

«Нет, этак можно сойти с ума!»

– Ну, что еще тебе сказать? – отозвался он, еле сдерживая раздражение. – Я уже говорил, что мне хорошо с тобой, что я никогда не встречал такой женщины, что я рад нашему знакомству. Что еще?

– Нет, ты не любишь меня... Ну, хорошо, хорошо, – прервала она себя, уловив его протестующий жест. – Не будем больше об этом, поговорим о твоей работе, об институте, о науке. Ведь я так отстала от всего...

«Слава богу! Это все-таки лучше, чем клясться в несуществующих чувствах», – Дмитрий открыл глаза, коротко зевнул:

– Право, не знаю с чего начать...

– Я понимаю тебя, Димочка. Ведь ты на самом стержне большой науки. А я... Помню, как на одной лекции по атомной физике наш профессор – такой был душа! – цитировал одного американца: «Теория элементарных частиц, – будто бы говорил тот, – представляется мне пирамидой, стоящей на вершине. И один бог знает, как она не развалится». Смешно! А ведь мои знания так и остались на этом уровне. Скажи, Дима, что сейчас нового в теории элементарных частиц, в атомной физике вообще?

– Нового много. Ну, прежде всего, мы, кажется, окончательно поверили в кварки. Кстати, недавно был открыт и шестой кварк – кварк «t», составивший долгожданную пару кварку «v». Появились сообщения, что кое-где наблюдалось что-то вроде распада протона. Но самым впечатляющим, на мой взгляд, событием последних лет было, конечно же, открытие промежуточных бозонов...

– Промежуточных бозонов?

– Да, тяжелых промежуточных бозонов. Ты даже не слышала о них?! Ну, Аллочка, знания твои действительно пообветшали!

– Так я же говорила...

– Я понимаю, ты не виновата в этом. Но то, что переносчиками электромагнитного взаимодействия являются фотоны, а сильного – мезоны, ты, надеюсь, представляешь?

– Ну, ты уж совсем... Это я даже своим ученикам рассказываю.

– Так вот, а теперь и слабые взаимодействия обрели наконец свои обменные частицы – промежуточные бозоны. Оригинальные частички, скажу тебе. С массой в сто раз больше и размером в тысячу раз меньше протона! Представляешь, какая энергия потребовалась для их открытия? Свыше пятисот миллиардов электрон-вольт! И вот этим частицам, как оказалось, обязаны и бета-распад, и рассеяние нейтрино на нуклонах.

– Рассеяние нейтрино... Ведь это нечто противоположное бета-распаду, так я понимаю?

– Да, в какой-то мере...

– А с помощью этого процесса нельзя реконструировать ядра атомов? Скажем, сделать их более стабильными или, наоборот, более неустойчивыми? Получить новые радиоактивные изотопы? До этого вы еще не дошли?

– Вообще-то мы работаем и над этим, но... об этом я не могу рассказать тебе, Аллочка, – секрет фирмы.

– Что значит секрет фирмы?

– Ну, как ты не понимаешь? – замылся Дмитрий. – Закрыты эти работы, засекречены.

– А что сейчас не засекречено! – усмехнулась Алла. – Но раз засекречено, то засекречено, – не будем больше об этом говорить. Хотя, как бы это было соблазнительно – сделать

радиоактивным, предположим, весь азот, Понимаешь – топливо из воздуха! Какой неиссякаемый источник энергии открылся бы человеку!

– Ну, такой источник, положим, уже есть.

– Ты имеешь в виду тяжелые изотопы водорода?

– Конечно. Куда уж больше – весь мировой океан к услугам человека! А вот сделать стабильными ядра урана или плутония... – мечтательно протянул Дмитрий.

– Это зачем? Чтобы лишить нынешнее человечество последних запасов природного топлива?

– Если бы это было только топливо!

– Как только топливо? А-а-а... Ты имеешь в виду и бомбы? – Алла даже привстала на постели. – Ты имеешь в виду уничтожить атомные бомбы?! Милый, как это было бы замечательно! Да если бы в самом деле вы смогли этого добиться! Если бы в самом деле...

– она обхватила Дмитрия за плечи и покрыла его поцелуями. – Боже, как я хотела бы работать над этим вместе с тобой! Дима, родной мой, возьми меня отсюда! Возьми с собой, туда, в твой институт. Хотя бы самой простой лаборанткой, самым последним препаратом!

– Глупышка! Как и куда я возьму тебя? Я же не директор института и даже не завлаб. Институт закрытый, Каждое вакантное место заполняется в порядке конкурса,

– Ну, пусть дворником, техничкой, гардеробщицей, – кем угодно!

– Ты – гардеробщица? Физик с университетским дипломом...

– Но я не смогу больше жить без тебя. Ты мне стал дороже жизни. Стоит тебе уехать – и я не знаю, что со мною будет. Я умру от тоски. Я... Я... – она всхлинула и зарылась лицом в подушку.

Дмитрий в растерянности встал с кровати, включил свет, вновь склонился над плачущей Аллой. Этого он никак не ожидал. Да и жаль стало так доверчиво отдавшуюся ему девушку. Она действительно, кажется, полюбила его.

– Ну, зачем ты так, Аллочка? – ласково заговорил он, стараясь заглянуть ей в лицо. – Я никуда еще не уезжаю. Впереди у нас целый месяц. А там... Может быть, придумаем что-нибудь. Мало ли...

– Ничего мы не сможем придумать... ничего! Ты уедешь, а я... Я не проживу без тебя и дня, – она снова разрыдалась.

Это было свыше всяких сил.

– Ладно, я подумаю, напишу своему шефу и, может быть... А сейчас я пойду: поздно уже, старик мой, наверное, с ума сходит. Да и тебе пора уснуть. До завтра, Аллочка, – он поцеловал ее в плечо и начал одеваться.

Она еще раз всхлинула, но тут же встала, улыбнулась сквозь слезы, обхватила его за плечи:

– Прости меня, Димочка! Я сама не знаю, что со мной. Но вот представила, что снова останусь одна, и так страшно стало... Не сердись, милый. И приходи опять завтра вечером, пораньше приходи.

От семнадцатого – первому

В селениях Вормалей и Отрадное действительно ходят слухи о неких таинственных явлениях, связанных с непонятными силами (предположительно космического происхождения). В течение последних десяти лет здесь периодически работала экспедиция по выяснению природы этих сил. По некоторым (пока еще недостоверным) сведениям, работа экспедиции закончилась успешно, и ее руководитель Максим Колесников побывал на каком-то космическом объекте (возможно, инопланетном звездолете). В настоящее время он находится на излечении в местной больнице; Пытаюсь установить за ним наблюдение.

Непосредственное участие в экспедиции принимал местный старожил-охотник Степан Силкин, бывший сосед Колесникова. Именно у него поселился Колесников по

возвращении из космоса и прожил все время до поступления в больницу. Предполагаю, что старик также обладает определенной информацией по интересующему вас вопросу. Человек он скрытный, замкнутый, недоверчивый, похоже, фанатично преданный Колесникову. Тем не менее, делаю все возможное, чтобы найти пути к овладению имеющимися у него сведениями.

В ходе операции мной завербован другой местный житель – Кузьма Вырин, также бывший рабочий экспедиции, хорошо знавший Колесникова. Мужчина беспринципный, склонный к нечестным поступкам, падкий на деньги. Большой информацией он не обладает, но может помочь выйти на Силкина и Колесникова. Предполагаю использовать его в дальнейшей работе.

Третий козырь в игре – санитарка больницы, где находится Колесников, Клавдия Киреева, близкая знакомая Вырина, человек примерно такого же морального уровня. Постараюсь завербовать ее в ближайшее время.

Для успешного завершения операции потребуется значительная сумма денег. Понадобятся помощники.

Семнадцатому от первого

Благодарим за ценную информацию. План развертывания операции одобряем. Впредь в донесениях именовать: Колесникова – Странником, Силкина – Лесником, Вырина – Дельцом, Кирееву – Экономкой. Ваша задача на ближайшее будущее. Обязательно уточните, где побывал Странник? В чем выразился его контакт с представителями внеземной цивилизации? Какие сведения военного и технического характера получил он от них? Каковы намерения инопланетян в отношении Земли (в особенности нашего государства и России)? Каково отношение ко всему этому официальных русских властей? (Непонятно, почему Странник находится на излечении в местной больнице?) Какова – это главное – цель его пребывания в Отрадном в настоящее время? Что он собирается предпринять в ближайшие дни?

Деньги высылаем. Вам в помощники выделяются восемнадцатый и девятнадцатый. Пароль при встрече с ними прежний.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

В больницу Чалый пришел в самое «неподходящее» время, в тихий час, и встретившая его санитарка не дала ему даже переступить порог приемной. Но Чалый не стал с нею спорить.

– Нельзя так нельзя, – смиренно сказал он. – Хотелось бы только узнать, как там один мой знакомый, Максим Владимирович Колесников?

– Что «как»? Лежит и все! – отрезала санитарка. –? А если желаете повидать или передать что, так вон там все написано, – кивнула она на вывешенный распорядок дня.

– Понятно... Да что это я? – стукнул Чалый себя по лбу. – Вот, угощайтесь, пожалуйста, – он сунул руку в карман и высыпал перед ней целую пригоршню конфет.

– Спасибо тебе, – сразу растаяла санитарка. – Это <ц с чайком... Так ты, значит, к Колесникову? Да-а, лежит рока сердечный. Ноги, вишь, у него отнялись. Но врач говорит, ничего, все образуется...

– Хорошо, если бы так. А как звать-величать вас, мамаша?

– Меня-то? Клавдией кличут. Клавдией Никитичной.

– Доброе, видно, у вас сердце, Клавдия Никитична. Что же он, Колесников-то, совсем не встает?

– Начинает помаленьку. Бог даст, денька через два-три сам сюда спустится.

– Скорее бы уж. А то, наверное, замучили вас тут его друзья-приятели?

– Да кому мучить-то? Родственников у него здесь никаких. Один Степан Силкин ходит. Зато уж каждый день. И все не наговорятся.

– О чем же у них столько разговоров?

– О том, о сем. Все больше о болезнях. Да вот какие-то его вещи и бумаги Степан хранит. Так очень он о них беспокоится. Им, слышь, этим вещам, и цены нет.

– Что же это за вещи такие? – насторожился Чалый.

– А шут их знает! Как это Колесников-то сказывал?.. Да, диск, говорит, металлический...

– Диск?! Что за диск?

– А это, слышь, кругляшок такой блестящий, вроде тарелки...

– А-а, знаю. Откуда же он у него взялся? Раньше не было.

– Так, видно, привез откуда-то. Его ведь сколько времени здесь не было, Колесникова-то.

– Да, верно. Давненько я его не видал. Где он пропадал так долго?

– Чего не знаю – того не знаю. Только сдается мне, что-то тут не того... не чисто чего-то!

Кто ни спросит его, Колесникова, откуда, мол, ты появился, он одно – не помню да и все тут. Не помню! Уж на что доктор наш, Трофим Егорыч, и тот лишь головой качает. А Софья Львовна, из психического, та свое: при его болезни, дескать, так в быть должно. Да где это видано, чтобы человек начисто забыл, откуда он месяц назад приехал!

– Да, подозрительно, – согласился Чалый. – А что Силкин говорит? Он же к нему приехал.

– Степан-то? Что ты, не знаешь Степана? От него вообще путного слова не услышишь. Но я выужу у него...

– Вот, вот, Клавдия Никитична, я как раз хотел просить вас... Да, кстати, сколько еще продлится этот ваш тихий час?

Санитарка крунула головой:

– Ах ты, господи! Нет тут теперь часов-то. Перенесли на второй этаж.

– Как же вы без часов-то на такой работе? – удивился Чалый. – А я – вот потеха! – только что выиграл по лотерее дамские часики. Куда, думаю, их девать? Ни жены у меня, ни невесты. А тут, оказывается, хороший человек без часов. Берите их и носите на здоровье!

Санитарка даже попятилась от такого предложения:

– Как это, бери да носи! Это же часы! Чай, дорогие?

– Так они мне в тридцать копеек встали. Берите, берите! Тем более, у меня к вам просьба будет.

– А что за просьба? – насторожилась Клавдия.

– Да так, пустяк. Очень мне надо знать, откуда Колесников сюда приехал, что привез и что собирается делать со всеми этими дисками. Вы бы прислушались повнимательнее, о чем они с Силкиным будут говорить. А я в долгу не останусь. Честное слово! А, Клавдия Никитична?,

– Да ведь как-то не того... – замялась санитарка.

– Чего не того? Будто я бог знает что у вас прошу. Подумаешь, узнать, о чем будут трепаться два мужика от безделья. А я вот вам еще и на браслетик к часикам подброшу, – сунул Чалый ей в карман пачку десятирублевков.

– Ну, разве для хорошего человека...

– За мной не пропадет, Клавдия Никитична.

2

– Вот это по-нашему! По-охотничьи! – приветствовал Силкин Максима, когда тот спустился с помощью Клавдии в приемную. – Давай сюда вот, в уголок, Владимирыч! Здесь мы никому не помешаем. Здесь можно побалакать вволю. Так вот, вещички твои я снова перебрал, почистил, просушил на солнышке. А то бумаги-то проплесневели малость. Да и кругляк этот, что ты диском зовешь, поотсырел чуток. Теперь все в полном аккurate. Только хочу я тебя спросить: что это за диск, для чего он нужен? Да и бумаги тоже...

– Сложный вопрос ты задал, дядя Степан, нелегко на него ответить. Но я попробую, – Максим немного подумал. – Ты ведь газеты читаешь, радио слушаешь, знаешь* что американцы атомной войной грозят?.

– А как же! Почитай, нет места на Земле, где бы ни кляли их, иродов. А им все неймется. Только одного я не пойму: что, эти самые атомные бомбы у американцев-то, лучше наших, что ли?

– Нет, у нас не хуже.

– Так, может, побольше успели они их наготовить, что грозят пойти на нас?

– И тут они нас не обошли. Да и не важно, кто кого опередил. Дело в том, что бомб этих на Земле столько, что кто бы войну ни начал, как бы она ни повернулась, все равно никто из людей не уцелеет, ничего живого не останется. А война, она может начаться и по пустяку, скажем, по ошибке какой-нибудь. Значит, единственное, что может спасти мир, это сделать так, чтобы бомбы просто не могли взорваться. Все бомбы, сколько их ни есть на Земле.

– Да как это сделаешь? Кто такое сможет?

– А вот в моем диске и моих бумагах как раз и написано, как это сделать.

– Вон оно что! И ты, выходит, знаешь, как эти самые бомбы изничтожить?

– Знаю, дядя Степан. Все дело в одной крохотной частичке – «нейтринно». Стоит эти частички заставить работать как надо – и все бомбы выйдут из строя.

– Она что же, твоя нейтрина, вроде, значит, как вода для пороха?

– Да, пожалуй, ты верно сказал. Только очень не просто заставить работать такую «воду». Но мы сделаем это, Дядя Степан!

– Хорошо бы, Владимирыч...

– Ну вот, теперь они тут расселись! – снова послышался ворчливый голос Клавдии, с грохотом поставившей перед ними ведро с водой и тряпкой.

– Что, аль и здесь уборка? – нехотя поднялся Силкин.

– А то как же, везде чистота нужна. Да вы сидите, сидите! – спохватилась Клавдия. – Я и так помою, только ноги подберите.

– Что мы, кочета, чтобы ноги подбирать? – взъерился Силкин. – Вот дура-баба!

– Не надо, дядя Степан, – остановил его Максим. – Пойдем лучше на воздух. Там, кажется, совсем весна...

– Весна, весна, Максим! – кивнул Силкин, помогая ему встать. – Только того... набрось-ка мой пиджачишко, неровен час... Вот так... Теперь шагай, Ну вот, мы и на воле.

– Хорошо-о! – воскликнул Максим, вдыхая всей грудью сырой пахучий воздух проснувшейся тайги.

– Да, теперь здесь славно. А что я хотел еще сказать тебе, Владимирыч, – понизил голос Силкин, когда они спустились с крыльца и уселись под старым кедром. – Вчера вечером приходит ко мне Кузьма Вырин... Ты помнишь его?

– Кузьма Вырин? Тот, что одно лето у нас с Платовым работал?

– Вот, вот! Так приходит ко мне этот Вырин и ставит на стол пол-литра. У меня аж глаза на лоб! Чтоб Кузьма Вырин поставил бутылку! Ведь у него, бывало, зимой снегу не выпросишь. И вдруг такое! Ну, выпили мы. И начал он о тебе расспрашивать. И что у тебя за болезнь? И откуда ты ко мне пришел? И что вы с Платовым искали в те годы? Я, понятно, говорю: знать ничего обо всем этом не знаю. Так он свое: где ты работаешь, о чем балакаешь со мной в больнице? Аж зло меня взяло. Чуть не вытолкнул его из избы. А сам думаю, не подослал ли кто-нибудь его ко мне часом?

– Очень может быть, – задумался Максим. – Не нравится мне это...

– Да ты не беспокойся, я ему словом не обмолвился. Что ты, не знаешь меня?

– Знаю, дядя Степан, знаю. Да сам факт, что кто-то что-то вынюхивает...

– А мы им по носу, тем, кто вынюхивает! Только, в самом деле, Владимирыч, что вы искали тогда? Дело, конечно, прошлое. А что-то и мне интересно стало. Или того... Секрет какой?

– Нет, почему же, тебе я могу сказать. Искали мы тогда остатки космического корабля. Не нашего, с другой звезды.

– Так нешто в самом деле кто-то живет на звездах-то?

– Не на самих звездах. Звезды – это как наше солнце, И вокруг них так же, как и вокруг солнца, планеты ходят. На этих планетах и живут, отчего не жить?

– Ну, ясно. И нашли вы этот корабль?

– Нет, не нашли, засыпало его. Помнишь тот оползень, на пути к Лысой Гриве?

– Ну как же!

– Вот под ним он и захоронен. Старик помолчал:

– Так если они, энти, с другой звезды, прилетали к нам, так, может, и того... опять вернуться сюда?.

– А они прилетали еще раз. Совсем недавно. Я даже побывал у них на корабле.

– Ты видел их?

– Не только видел, жил с ними. И очень долго. Целых семь лет. Они и научили меня тому, что я тебе рассказывал. Это их подарок хранишь ты у себя.

– Ух ты... Батюшки-светы, опять она тут! – воскликнул Силкин, увидев санитарку, которая перебирала у них за спиной какое-то тряпье. – И что ты, Клавдия, липнешь к нам, как банный лист?

– А ты что за указ нашелся! Я на работе. Мне вон швабру обновить надо. Да и хватит вам прохлаждаться. Сколько можно? Давай, Степан, закругляйся, больному в палату надо! Вон уж сестра обедать кличет. – Клавдия собрала свои тряпки и, подобрав полы халата, затрусила к больничному крыльцу.

Силкин проводил ее недобрым взглядом:

– Настырная бабенка! Смолоду в каждую щель лезет. Ну, я пойду, Владимирыч. Там у вас в самом деле посудой гремят.

3

Генерал Звягин, начальник управления Комитета государственной безопасности, внимательно перечитал только что доставленные бумаги и, с минуту подумав, снял трубку телефона:

– Сергей Сергеевич, зайдите, пожалуйста, ко мне. Подполковник Левин тотчас поднялся в кабинет генерала.

– Слушаю вас, Денис Павлович.

– Да вы садитесь, садитесь! Тут такое дело... – кивнул Звягин на раскрытую папку. – С неделю назад в небольшом таежном селении Вормалей, вот примерно здесь, – ткнул он пальцем в еле приметную точку на висевшей у него за спиной карте, – был доставлен в районную больницу в состоянии летаргического сна некто Колесников Максим Владимирович. В больнице он проспал пять дней. Сколько продолжался его сон до этого, никому неизвестно.

– А при чем здесь мы? – удивленно пожал плечами Левин.

– Сейчас поймете, при чем, – продолжал Звягин, неторопливо закуривая. – Колесников этот далеко еще не старый, внешне вполне нормальный, интеллигентный человек, И несмотря на это, – никаких документов, никаких сведений о месте работы и постоянном месте жительства, никаких данных о причинах столь необычного заболевания. А на все вопросы врачей – один ответ: он якобы абсолютно не помнит, что с ним произошло, откуда он прибыл и как оказался в Вормалее. Точно так же ничего не может «припомнить» и доставивший его в больницу старик-охотник Степан Силкин, у которого неизвестно как появился и заснул Колесников. Между тем из некоторых доверительных разговоров Колесникова с Силкиным, случайно ставших достоянием больничного персонала, выясняется, что это не совсем так. Колесников действительно не помнит, как оказался в Вормалее. Но отлично помнит, откуда прибыл. А прибыл он, если верить его словам, чуть ли не с инопланетного космического корабля, где прожил целых семь лет...

– Что, что? С инопланетного космического корабля?! – не удержался от восклицания Левин. – Значит, не только летаргия, но еще и психическое расстройство?

– Очень может быть, – согласился Звягин. – И все-таки я постарался установить личность этого человека. И вот что оказалось. Колесников – кандидат наук. Долгое время работал в одном из институтов Сибири, где зарекомендовал себя как очень талантливый, плодотворно работающий исследователь, но, как говорят, с одним «пунктиком»: он утверждал, что может представить доказательства пребывания на Земле пришельцев из космоса. И с этой целью неоднократно выезжал в экспедицию в район Вормалея, где, по его мнению, и следовало искать следы этих пришельцев...

– Ну, вот вам и источник психического расстройства.

– Возможно, – все так же невозмутимо продолжал генерал. – А семь лет назад – именно семь лет! – он неожиданно исчез из института, и с тех пор следы его затерялись. Вплоть до того момента, пока он снова не появился в Вормалеевской больнице.

– Но что во всем этом особенного? – снова пожал плечами подполковник, – В институте, видимо, поставили крест на его сомнительных изысканиях...

– Да, так оно и было.

– Вот, вот! И окончательно свихнувшийся маньяк превратился в бродягу без рода и племени. Разве мало таких? А то, что затерялись все его следы... Так какие следы может оставить человек, забывший свое прошлое?

– «Забывший» лишь часть своего прошлого, – уточнил Звягин, – «Забывший» для всех, кроме упомянутого мной старика-охотника. «Забывший», на мой взгляд, с какой-то определенной целью. А вот с какой? Что, если он действительно побывал на некоем внеземном объекте и хочет сохранить это в тайне от всех, кроме своего приятеля или единомышленника Силкина?

– Но это же бред сумасшедшего! Идея фикс! Мистификация!

– А если не совсем мистификация? – задумчиво возразил генерал.

– С каких это пор, Денис Павлович, вы начали принимать всерьез расхожие байки о пришельцах? – усмехнулся Левин.

– С тех пор, – жестко ответил генерал, – как занял этот пост. Ибо он обязывает меня относиться серьезно ко всему, что связано с интересами государства. А в данном случае речь идет именно об этом.

– Но вы же сами говорите: нет ни одного факта, который подтвердил бы более чем сомнительные измышления Колесникова.

– Ну, почему же, есть и факты. Прежде всего я связался с Центром космических исследований и установил, что наши баллисты в течение многих лет отмечали отчетливо выраженную гравитационную аномалию в околоземном пространстве, которую можно интерпретировать как наличие очень крупного космического тела, обращающегося вокруг Земли где-то на высоте двадцати – двадцати пяти тысяч километров. Точной идентификации этот объект так и не получил. Но вот недавно, именно тогда, когда появился в Вормалее Колесников, загадочная аномалия исчезла: тело покинуло околоземное пространство. Далее, я обратился в специальный комитет по «НЯ». Слышали о таком?

– Созданный при Академии наук комитет по расшифровке так называемых неподдающихся научному объяснению явлений?

– Совершенно точно. И они сообщили, что именно семь лет назад и именно в районе Вормалея было отмечено особенно много случаев появления этих самых «необъяснимых с научной точки зрения объектов», которые и сейчас еще кое-кто пытается связать с недавно покинувшим Землю небесным гостем.

– Так... – задумался Левин. – И вы полагаете...

– Я полагаю, что вам надо немедленно выехать в Вормалей. И там на месте разобраться во всей этой истории.

Отпустив подполковника, Звягин снова придвинул к себе папку с материалами по Вормалею, в задумчивости потер седеющие виски. Профессиональная интуиция подсказывала ему, что сообщения, полученные из таежного поселка, могут иметь очень серьезные, далеко идущие последствия. И все-таки, стоили ли они того, чтобы отрывать от дела и направлять в далекую Сибирь одного из ведущих работников Управления? Достаточно ли было фактов, чтобы хоть в первом приближении принять версию Колесникова?

Взгляд генерала остановился на присланных из архива полевых дневниках, которые вел молодой ученый во время экспедиционных работ в Вормалее. Может быть, они что-то добавляют к официальным справкам, полученным из института?

Звягин снова и снова вчитывался в пожелтевшие, заполненные убористым почерком страницы и будто видел перед собой их автора, человека, безусловно, умного, предельно объективного, каждому слову которого хотелось верить. Нет, то был не пресловутый «пунктик», каким наградило его руководство института. То была твердая уверенность, опирающаяся на вполне достоверные факты, которые, судя по всему, были в руках Колесникова, но которые он не смог предъявить начальству по независящим от него обстоятельствам. Но что это были за обстоятельства?

И Звягин вновь углубился в чтение, пытаясь вместе с автором дневников разобраться в причинах гибели бесценного «рубила», якобы уничтоженного метеоритом, потери киноплетки, запечатлевшей таинственное свечение озера на Лысой Гриве и унесенной внезапным наводнением, невидимого катаклизма, напрочь перекрывшего загадочную круговину, в которую из года в год били молнии, и, наконец, совершенно необъяснимого исчезновения колец с вершины Зуба Шайтана. Эти кольца, служившие, возможно, элементом какой-то линии связи, Колесников видел сам, испытал их действие на себе, в дневнике был даже рисунок одного кольца. Кто же мог уничтожить их на абсолютно неприступной скале?

Ясно, человек вступил в единоборство с какими-то непонятными мощными силами, может быть, и неземного происхождения. И эти-то силы, по-видимому, позаботились об «исчезновении» Колесникова на все время – семь лет! – пока они находились в контакте с Землей. Почему?

Очень просто. Чтобы не была раскрыта тайна, к которой подбирался Колесников. Теперь же, с исчезновением «крупного массивного тела» с геоцентрической орбиты, необходимость в сохранении тайны исчезла, и Колесников, введенный в состояние летаргического сна, вновь оказался в Вормалее, безусловно, обладая уникальной информацией.

Нет, не зря он направил Левина в Вормалей. Отныне Колесников может стать источником исключительно ценных знаний, так необходимых Советскому государству, но „может оказаться и источником величайшей опасности, которую нужно суметь предвидеть и вовремя предотвратить.

5

– Ну, подивил ты меня, Владимирыч, прошлый раз, – сказал Силкин, когда, несколько дней спустя, они снова вышли на залитый солнцем больничный двор. – Теперь, что ни ночь, глаз не могу оторвать от звезд-то. Как подумаю, что там тоже кто-то живет и так же на меня смотрит, – аж сердце заходится. И все хочу у тебя спросить: а какие они из себя, энти, с другой звезды, к которым ты летал? Похожи на нас, али как звери какие?

– Так ты тоже их видел, дядя Степан. Помнишь, однажды писал мне, как на Лысой Гриве встретила тебе девушка, что расспрашивала обо мне?

– Как же, помню. Как сейчас ее вижу! Красавица писаная. Так неужто это...

– Да, дядя Степан, это была девушка с другой звезды. У нее в гостях я и провел все последние годы.

– Чудеса! Вот уж не думал тогда, что встретил такое диво. А девка была и впрямь, что надо. И лицом и статью. Так, может, ты и того... Женился там на ней?

- Да. Она стала моей женой.
- Чего же ты теперь без нее?
- Она улетела туда, к своей звезде. Им нельзя стало дальше оставаться у нашего Солнца.
- А ты?
- Я вернулся на Землю.
- Зачем?
- Так ведь Родина...
- Это верно. Родина, она тянет. А все-таки, уйти от такой жены...

Максим вздохнул:

– Я должен был вернуться. Понимаешь, должен! Что бы помочь людям избавиться от атомной бомбы. Чтобы сохранить нашу Землю.

– Ну, это, конечно, дело. Дело, Максим! Дай бог тебе справиться с ним. А жена... Жена опять прилетит к тебе. Не может не прилететь! Как ей там без тебя...

Максим снова вздохнул:

– Хороший ты человек, дядя Степан, только... – он долго смотрел в бездонное весеннее небо. – Только не вернется она сюда. Не сможет вернуться. Хоть и верно ты сказал. Как там ей без меня?... – он с минуту помолчал... – Ведь осталось на корабле всего две женщины. А лететь им... Страшно подумать, сколько времени им придется лететь! Не дни, не месяцы, а годы. Многие годы, дядя Степан! Что не случится за такой срок...

– Многие годы, говоришь? Срок, впрямь, немалый. Так, поди, и техника-то у них не то что в нашем леспромхозе.

– Техника техникой, а в самый ответственный момент все ложится на плечи астронавта. Был у меня там, на корабле, такой случай. Хочешь расскажу?

– А как же. Не всяк день услышишь, как живут на других-то звездах. – Силкин скрутил новую сигарку, поудобнее устроился на скамье. А Максим будто вновь увидел себя под зеленовато-голубым куполом Ао Тэо Ларра в то особенно трудное время, когда узнал, что Миона находится в состоянии анабиоза и он не сможет даже проститься с ней перед возвращением на Землю.

В те последние дни он почти не выходил из информатория, стараясь почерпнуть как можно больше знаний, накопленных цивилизацией Агно, избегал даже встреч с Этаной. Та же, напротив, стремилась делать все возможное, чтобы вывести его из подавленного состояния, знакомила с наиболее интересными механизмами звездолета, показывала в иллюзионории картины иных миров, пейзажи Луны и Марса, обширные панорамы других планет, заснятые челночными кораблями.

Так было и в тот день, едва не закончившийся гибелью Ао Тэо Ларра. Сразу после обеда Этана предложила познакомиться с энергетическими отсеками корабля. Максим с радостью согласился. Он давно мечтал увидеть, что движет эту космическую громаду. Но то, что предстало перед его глазами, не могло нарисовать никакое воображение.

Время близилось к вечеру, когда лифт вынес их из глубокой шахты после осмотра маршевых гравигенераторов звездолета,

– Сядем, отдохнем? – сказала Этана, направляясь к скамье в тени деревьев, что высились на краю небольшой поляны с озерком.

– Пожалуй... – рассеянно ответил Максим, послушно направляясь за инопланетянкой. Он был не просто поражен. Он был подавлен, потрясен картиной энергетической мощи, какая оказалась упрятанной в недрах корабля. Мозг отказывался верить, что эти циклопические машины сделаны кем-то подобным человеку Земли, как отказался бы представить муравья в роли создателя какого-нибудь земного супертанкера. Он не находил слов, не мог подобрать сравнений, чтобы поделиться увиденным. Молчала и Этана, занятая своими мыслями. Наконец она сказала:

– Видите, как это непросто – подчинить себе силы гравитации. Но это еще не все, мой друг. Завтра увидите кое-что поинтереснее. А сейчас, простите, мне пора.

– Всего вам доброго, Этана, – с минуту Максим стоял на месте и смотрел, как она легко и быстро, едва касаясь ногами земли, поднимается вверх по склону, и, только поймав себя на мысли, что любит ее, поспешил отвести глаза и направился к информаторию. Однако Этана успела обернуться к нему, обжечь зелеными сполохами. И вдруг лицо ее исказилось от ужаса:

– Максим! – крикнула она срывающимся голосом и бросилась назад. А он увидел, что вся поляна вместе с озерком и буйной зеленью вокруг него вдруг как-то странно накренилась и с тихим шуршанием пошла вниз.

Обвал! Максим ухватился за одну из лиан и прыгнул на край образовавшейся воронки. На миг показалось, что опасность позади. Но в следующее мгновение дерево, на котором он висел, стало также клониться вниз, а чуть выше, на тропинке, по которой бежала Этана, образовалась зияющая трещина. Она ширилась на глазах, вся очерченная ею часть террасы с растущими на ней деревьями-гигантами должна была вот-вот рухнуть в образовавшуюся бездну.

Но Этана, видимо, не замечала этого. Ее взгляд был прикован к Максиму и дереву, на котором он висел. Оно продолжало медленно клониться в сторону провала, и в глазах инопланетянки застыл смертельный ужас.

Но зачем она бежит к нему, что сможет сделать? Дерево пошло вниз быстрее. С треском ломались его корни. Гулко, со свистом лопались упругие стебли лиан. А трещина на тропе становилась все шире и шире. Может, Этана и успеет перепрыгнуть через нее. А дальше? Дальше оба рухнут с этой глыбой вниз. Что она, с ума сошла?

– Стой! Стой, Этана! Ни шагу дальше! – крикнул Максим, стараясь перекричать грохот обвала.

Инопланетянка продолжала бежать, видимо, гэвсем потеряв голову от страха.

– Стой! Я приказываю, черт возьми! – закричал Максим что было мочи. – Стой, безумная!

Это последнее слово точно ударило ее по лицу. Она судорожно глотнула воздух и остановилась, заметалась перед трещиной:

– Но ведь это... Это... Вы гибнете... Что мне делать?

– Снаряд! Аварийный снаряд! Что медлит ваш хваленый Кибер?

– Кибер вышел из строя. Повреждена питающая его линия. Видите эти обрывки кабелей? О, что же делать? Что делать?

Максим еле успел рассмотреть торчащие неподалеку от него черные жилы проводов, как дерево страшно ухнуло и стремительно пошло вниз. Он едва успел ухватиться за концы кабелей. В тот же миг площадка перед трещиной развалилась на куски и с грохотом устремилась вслед за деревом.

На секунду Максим был ослеплен и оглушен этим новым обвалом. К счастью, он прошел мимо. Видно, кабели, за которые уцепился Максим, были заключены в какую-то жесткую конструкцию, которая не дала разрушиться этому участку террасы.

Но долго ли он сможет удержаться на этих проводах? Максим начал ощупывать ногами голую стену обрыва, стараясь найти точку опоры, когда снова услышал голос Этаны:

– Максим! Максим! Как вы там? Вы живы? Наконец одна нога уперлась в какую-то расселину. Он

поднял глаза вверх. Этана лежала на самом краю пропасти, с тревогой и надеждой всматриваясь в клубы пыли, поднятые обвалом.

Но вот она увидела его. Глаза зажглись радостью:

– Максим, милый! Держитесь! Держитесь крепче! Сен-час я что-нибудь придумаю.

– Чего думать? Пошлите автоматы с тросом!

– Без Кибера это почти невозможно – использовать автоматы.

– Опять Кибер! Тогда гравилет! Неужели у вас здесь нет гравилета или чего-нибудь в этом роде?

– Гравилет? Вы молодец, Максим! Как я могла забыть о нем? Сейчас он будет здесь. Только держитесь! Умоляю вас, держитесь!

Голова Этаны исчезла. Он крепче уперся в расселину ногой, плотнее прижался к обрыву. Руки совсем онемели. Липкий пот заливал глаза. От едкой пыли першило в горле. Сколько же так висеть? Сколько он сможет еще придержаться?

И вдруг – свист. Тугой удар воздуха снизу. Максим посмотрел под ноги. Блестящий тороид гравилета подошел к самому обрыву, гондола его с открытым люком зависла совсем рядом. Но как перебраться в нее?

А от гондолы уже протянулось некое подобие трапа. Максим спрыгнул на него, ухватился за тонкие перила и через секунду повалился в мягкое кресло машины.

– Максим... Как вы? Ушиблись, ранены? Вам очень больно? – лицо Этаны, полное тревоги и страха, склонилось к самым его глазам, руки скользнули по груди, бережно прижались к голове. Он нахмурился:

– Простите, Этана, я... В общем, нагрубил вам. Так получилось...

– Максим, милый! Что вы говорите?.. –она склонилась еще ближе и вдруг прижалась лицом к его лицу.

Этого еще не хватало! Он попытался отвести лицо в сторону. Но вдруг почувствовал, что все тело инопланетянки сотрясается от беззвучных рыданий... 4

Потом было два дня напряженнейшей работы. Работы адской. Под руками не оказывалось то того, то другого, незнакомый инструмент требовал особой сноровки. А время не ждало. Жизнь на корабле словно замерла. Величайшее благо, каким казалось сосредоточение всех без исключения функций управления кораблем в руках Кибера, обернулось величайшим бедствием. Враз нарушилась система воздухообеспечения, вышла из строя связь, остановились гондолы фуникулера, перестали действовать даже автоматы, приготавливающие пищу. Этана с трудом отыскивала на деревьях полусозревшие плоды и приносила Максиму, чтобы он мог хоть немного подкрепить силы, не прерывая тяжелой работы. О более калорийной пище оставалось лишь мечтать.

Сама инопланетянка осунулась, подурнела, забыла и Думать о своих туалетах и прическе, в глазах ее поселился плохо скрываемый страх. Максим же с головой ушел в работу. Не обращая внимания на голод и усталость, на кровоточащие мозоли и ссадины, на нестерпимую жару, вдруг установившуюся на корабле, он часами разбирался в сложных схемах коммуникаций, вместе с роботами, кое-как перепрограммированными Этаной на голосовое управление, копал землю, тянул кабель, свинчивал изолировочные шины, не переставая подбадривать при этом Этану и даже подшучивать над их незавидным положением.

В конце концов авария оказалась не такой уж страшной: обвалившийся блок не повредил ни одного важного механизма, и не будь оборвана линия питания Кибера, автоматы восстановили бы разрушенное за несколько часов. Но выход из строя Кибера парализовал все. Сотни автоматов застыли в неподвижности, не смея ничего предпринять без указания «шефа». Напрочь заблокированными оказались склады с инструментом, приспособлениями, материалами. Этана же настолько растерялась, что не могла припомнить даже, где что лежит, вернее, до сих пор ей просто незачем было многое хранить в памяти, достаточно было обратиться к тому же Киберу. А тот спал теперь мертвым сном...

Вот почему Максим вынужден был взять всю инициативу на себя и принялся, не теряя времени, восстанавливать разорванную кабельную линию, решив пустить ее в обход провала, прямо по поверхности земли.

Более двух суток продолжалась тяжелая непривычная работа. И вот осталось сварить последний стык, соединить последнее звено оборванной линии. Максим дал сигнал автомату. Тот ухватился за концы кабелей. Максим прикинул величину зазора:

– Та-ак... Потяни еще! Еще немного... Стоп! Сваривай! Робот мигнул фонариком и тотчас окутал себя облаком

синих искр. А Максим выскочил из траншеи, взял в руки переносный аппарат связи:

– Этана?.. Все в порядке, Этана! Включайте генераторы. Сейчас ваш Кибер оживет.

В аппарате раздался не то вздох, не то всхлипывание:

– Если бы так, Максим. Боюсь поверить... Но включаю. Отойдите на всякий случай подальше от траншеи.

– А роботы?

– Автоматам это не страшно.

Максим отошел в сторону и повалился на траву. Во рту было сухо, руки горели, все тело ломило от усталости. Но на душе была радость, радость победы. Сейчас Этана включит генераторы, и Кибер оживет. Он вытер с лица пот и потянулся за оставшимися плодами, чтобы хоть немного утолить жажду, но не успел разыскать их в траве, как крошечная тьма обрушилась на поляну, и мощный звуковой сигнал пронзил напряженную тишину.

Максим инстинктивно вскочил. Но уже через секунду вновь засияло «солнце», и он не смог удержаться от смеха.

Ну ясно, Кибер поднял тревогу. С чего еще мог он начать, «придя в сознание»? А у Этаны – гора с плеч! Сидит, наверно, уже за пультом вводной системы. Сколько всякого рода сверхсрочной информации свалится сейчас ей на голову, сколько проблем потребуют немедленного решения! Достаётся все-таки бедняжке. Хорошо еще он, Максим, не успел покинуть корабль до катастрофы. Что бы она стала делать одна?..

Он пошел к траншее, чтобы поблагодарить своих «товарищей». Но тех уже и след простыл. Теперь они подчинялись только Киберу. Максим нагнулся над выемкой, желая еще раз удостовериться в прочности стыков и... непроизвольно попятился назад. Какая-то властная сила будто приподняла его над землей и мягко отодвинула от траншеи. Между ним и провалом встала сплошная невидимая стена: Кибер обвел опасную зону заградительным полем. А по дорожке к провалу уже двигалась вереница оранжевых автоматов...

Максим снова усмехнулся. Больше здесь делать нечего. Он подхватил брошенный еще вчера пиджак и устало побрел в сторону фуникулера. Впервые за много дней на душе у него было покойно и легко.

Между тем Кибер разошелся вовсю. С «моря» подул свежий прохладный ветер. Высоко над озером показались черные клубящиеся тучи, там, очевидно, шел дождь. А навстречу Максиму двигались все новые и новые вереницы роботов с трубами, металлическими конструкциями, ящиками материалов, и их фиолетовые фонарики словно приветствовали землянина, возвратившего жизнь этому сложному механизму звездолета.

Вскоре тучи затянули почти все небо. Только здесь, над провалом, где дождь был, естественно, нежелателен, оно по-прежнему сияло чистой бирюзой, и низкое заходящее солнце мягко золотило верхушки деревьев.

Максим вышел к станции фуникулера. Мокрая, еще не обсохшая от дождя гондола, видимо, только что примчалась сверху и, казалось, принесла с собой свежесть грозовых облаков. Он открыл кабину, сел в мягкое удобное кресло, надвинул обтекатель. На нем также блестели капли дождя, и в каждой из них отражалось маленькое зеленоватое солнце.

Через несколько минут он опустил у своей виллы и высадился возле куста сирени. Куст был в цвету, и щемящий аромат Земли плыл в тихом предвечернем воздухе чужого мира. Он подошел к нему вплотную, зарылся лицом в тяжелые махровые кисти. Потом открыл виллу и прошел прямо в столовую.

Здесь все было прежним. Сохранились даже сделанные Мионой надписи на русском языке. Он сел за стол, попросил стакан соку:

– Будь здорова, Ми!

В ответ – лишь глухой шум прибора.

Он медленно ел, уминая все подряд, что выставил перед ним автомат. Потом долго сидел, уронив голову на руки, отдавшись воспоминаниям, какие набегали и гасли, как шумящий за стенами прибой, и в каких не было уже прежней боли, а была лишь большая глубокая печаль.

Потом, почти засыпая на ходу, он прошел в шестигранную гостиную, кое-как разделся и, бросив одежду прямо на пол, повалился на кушетку. Но уснуть не успел. Входная стена виллы вдруг раскрылась, и в комнату вкатил оранжевый автомат. Волна густого, до боли знакомого аромата будто накрыла Максима с головой. Он невольно приподнялся. Робот подплыл к самой кушетке и высыпал перед ним целую охапку астийских эдельвейсов.

Внутри автомата что-то щелкнуло: г- – Командир корабля желает землянину доброй ночи и просит принять эти цветы.

– Спасибо, старина. Передай командиру спасибо! Или постой! – Максим соскочил с кушетки и, выбравшись наружу, наломал несколько веток сирени:

– Возьми это, передай командиру и скажи, что землянин искренне желает ей большого настоящего счастья.

Робот послушно подхватил цветы, и через секунду фонарик его скрылся за поворотом серпантина. Максим проводил его глазами и, поеживаясь от ночного ветерка, вернулся обратно в виллу...

Несколько минут прошло в молчании. Силкин отложил в сторону сигарку, долго и сосредоточенно теребил прокуренную бороду:

– Бона оно как! Не все, стало быть, гладко бывает и там, у энтих, с другой звезды?

– Как видишь, дядя Степан.

– Тогда, конечно, не с руки одним бабам-то, – он снова взялся за сигарку. – Только, я думаю, недалеко они улетят...

– Не в этом дело! Мужчины ли, женщины ли – какая разница. А... Как бы это тебе объяснить? Все они настолько привыкли к опеке автоматов и думающих машин, что разучились даже реагировать на опасность, отвыкли от самого элементарного ручного труда. А без этого...

– Вот я и говорю, недалеко они улетят одни с энтими своими киберями. Куда им! Вернутся. Как пить дать, вернутся! А к тому времени и ты справишься со всеми паскудными бомбами. Ну и того... заживете опять все вместе.

Максим вздохнул, невесело улыбнулся:

– Спасибо тебе, дядя Степан, на добром слове. Но... Не увижу я их больше. Да и что об этом говорить. Главное сейчас – поправиться скорее и за работу! И вот еще что: не говори пока никому о том, что я рассказал тебе.

– Что я, не понимаю? Могила! Да, Владимирыч, чуть не забыл – документы твои...

– Что документы?

– Да вчера мне только попались. Начал, вишь, собирать бельишко в баню, смотрю, на самом дне комода – твой черный бумажник, с каким ты всегда ходил. А в нем и паспорт, и воинский билет, аттестаты какие-то, ну и деньжонки, само собой.

– Что ты говоришь, дядя Степан? Вот здорово! А я, признаться, боялся и заговорить об этом. Ведь без документов-то...

– Еще бы! Так что, принести их сюда или как?

– Приноси, конечно, приноси. А деньги оставь себе.

– Это еще зачем? Хочешь обидеть старика? Да к чему мне они, твои деньги?

– Ну, хорошо, приноси все. Только... Передашь мне бумажник так, чтобы никто не видел.

– Это само собой. Народ-то тут эвон какой! Одна Клавка чего стоит!

6

На этот раз Чалый пришел в больницу, как хозяин, вызвал Клавдию в вестибюль, усадил рядом с собой на скамейку:

– Ну, что вы еще узнали интересного?

– Много. Много чего узнала, – зачастила Клавдия, алчно поглядывая ему на руки. – Штуковину ту, о которой я рассказывала, ну, кругляшок-то этот, зовут етрина. Ну никакая, слышь, атомная бомба супротив этой етрины не устоит. Просто не взорвется ни одна бомба, и все тут! Вот ведь чего удумали! Он, этот Колесников-то, видно, голова. Как вода, говорит, против пороха, так и етрина против атомной бомбы.

– Чего, чего?

– Етрина-то эта, как вода против пороха, – повторила Клавдия. – Так они промеж себя рассуждали. Только трудно, говорят, эту етрину заставить работать.

– Ну, хорошо. А откуда все-таки прибыл сюда Колесников? Откуда привез сюда свою «етрину»?

– И это вызнала. Только не знаю уж как тебе сказать. Может, и брешет твой Колесников. А только получается, что был он чуть не на другой звезде...

– Что вы говорите?! – подался к ней Чалый. – На другой звезде? Так он и сказал?

– Ну, не совсем так, – замялась Клавдия. – Хитро он как-то все это объяснял Силкину. Что-то там вертится вокруг чего-то. То ли ракеты какие, то ли земли, вроде нашей. Не поняла я. Но об этой самой другой звезде только и разговоров было.

– Так-так... Как же он попал туда, Колесников?

– А на корабле. Корабль, слышь, оттуда прилетел. Он и пристроился на него. И жил там, и всяким премудростям научился. Вот и етрину привез оттуда...

– Интересно... Очень интересно! Спасибо вам, Клавдия Никитична. Порадовали меня. Ну, и я в долгу не останусь, – Чалый вложил ей в руку увесистый конверт с деньгами. – Держите вот пока.

Клавдия вспыхнула от удовольствия.

– Да ради такого хорошего человека... Я теперь слова их не пропущу!

7

Самолет прибыл в Москву поздним вечером, когда на город успели спуститься густые сумерки. Однако Левин сразу же, прямо из аэропорта, связался с Управлением. Генерал был еще у себя.

– А-а, Сергей Сергеевич! – приветствовал он подполковника. – Есть интересные новости?

– Да, Денис Павлович, вы оказались правы...

– В таком случае прошу ко мне. Прямо сейчас. Я жду. Полчаса спустя Левин уже докладывал Звягину о результатах поездки в Вормалей.

– „Так что на мистификацию все это не похоже, – за кончил он свой рассказ. – Колесников, судя по всему, действительно обладает совершенно уникальной информацией, имеющей оборонное значение. Но самое главное, мне уда лось установить, что вокруг него уже крутятся какие-то подозрительные личности, которым тоже, по-видимому, не дают покоя имеющиеся у Колесникова секреты.

– Подозрительные личности?.. Думаете, оттуда? – кивнул генерал на запад.

– Скорее всего, да.

– Та-а-ак... И что вы намерены предпринять?

– Колесникова, полагаю, пора вызвать в Управление и поговорить с ним начистоту. Ну а тех, кто охотится за его секретами, – прибрать к рукам.

– Нет, Сергей Сергеевич, ни то, ни другое. Колесников пусть поступает так, как сам считает нужным, тем более, что, судя по вашему докладу, он для того и вернулся на Землю, чтобы помочь Родине. По отношению к таким людям нужно быть предельно деликатными. Но, разумеется, и обеспечить им абсолютную безопасность.

– Я уже позаботился об этом.

– Очень хорошо. Что же касается этих... любителей чужих секретов, то прибрать их к рукам мы всегда успеем. Главное сейчас – распутать клубок сотканной ими паутины. Поэтому – следить за каждым их шагом!

– И это я организовал.

– Я не сомневался в вашей предусмотрительности. И последнее – полную, исчерпывающую информацию обо всем, происходящем в Вормалее, отныне я должен получать ежедневно.

– Будет сделано, Денис Павлович. Только... Я, конечно, полностью полагаюсь на вормалеевских товарищей, народ там подобрался толковый. И все-таки, может, для страховки послать им в помощь кого-нибудь из наших, скажем, капитана Рябина?

– Согласен. Действуйте!

– Совершенно сенсационное сообщение из России, господа, – Хант снова пробежал глазами только что доставленные шифровки. – Прежде всего, от четвертого с Кавказа. Он докладывает, что в известном вам институте ядерной физики русские разрабатывают проблему стабилизации радиоактивных изотопов с использованием нейтрино. Именно этим, оказывается, занимается Зорин и вся лаборатория Саакяна. Агенты Снайдерса не смогли установить, как далеко продвинулись работы по данной проблеме. Но уже сама постановка вопроса... Надеюсь, вы понимаете, на что она нацелена?

– Вы имеете в виду наш ядерный арсенал?

– Разумеется. Не свои же бомбы они станут выводить из строя.

В зале стало шумно:

– Дождались... Что теперь будет стоять вся наша система Глобальной космической обороны?

– Снова не смогли воспользоваться своим преимуществом перед русскими!

– Да, все теперь будет зависеть от того, успеем ли мы полностью развернуть систему космической обороны до того, как они разработают свою проблему. Иначе...

– А вот это президент спросит с нас! – жестко оборвал всех Хант. – Мы, именно мы обязаны ответить на вопрос, когда русские планируют введение в действие установок по дистанционной стабилизации ядерной взрывчатки. И нам следует решить сейчас, как лучше вывести и сорвать их иезуитский замысел. Что вы предложите? – обратился он к эксперту-физику.

Тот неопределенно пожал плечами:

– Суть проблемы в общем ясна. То, что стабильность атомного ядра в принципе зависит от характера слабых взаимодействий, известно. Но все это, на сколько я знаю, находится на стадии самых общих теоретических предположений. И потребуются не меньше десятка лет, чтобы подойти к практическому решению вопроса об искусственной стабилизации ядер.

– Гм... Не менее десятка лет? А вы можете дать гарантию, что русские не спрессуют это десятилетие в два-три года?

– Гарантию подобного рода не может дать никто и никогда. Мы уже имели возможность убедиться, к чему может привести пренебрежение научным потенциалом русских физиков. Но дело здесь не в каком-то кандидате наук Зорине. Зорин – не величина. Да, боюсь, и Саакян большой погоды не делает: мы знакомы с его работами. За всем этим стоят какие-то более значительные фигуры. Но кто именно – можно выяснить лишь непосредственно в институте. Надо как можно скорее внедрить туда наших людей. И не простых агентов, вроде этих Учительница и Толкача, а настоящих специалистов-физиков.

– Благодарю за совет. Только не рекомендую походя давать оценки людям, которых вы не знаете. Учительница и Толкач, да будет вам известно, дали нам значительно более ценную информацию, чем смог ли это сделать сейчас вы, хотя и считаете себя, по-видимому, «настоящим специалистом».

Физик снова пожал плечами.

– Теперь конкретно о внедрении наших людей в институт. Ваши предложения? – обратился Хант к заведующему отделом юго-западных районов России.

Тот не спеша поднялся:

– Анализ донесения четвертого показывает, что в сложившейся обстановке уже сейчас можно использовать Зорина для внедрения Учительницы в лабораторию Саакяна. Я намерен также рекомендовать воспользоваться присутствием в Кисловодске отца Зори на и его более чем дружеским расположением к врачу Тропининой. На этом можно хорошо сыграть, учитывая добропорядочность молодого Зорина. Боюсь только, не наломали бы дров помощники четвертого. Но я постараюсь дать подробную инструкцию. Что же касается степени профессионализма Учительницы, то она, на мой взгляд, не вызывает ни малейших сомнений. Это будет хорошая зацепка в институте.

Хант согласно кивнул:

– Хорошо. С этим ясно. Теперь второе, еще более сенсационное сообщение. Только что получено донесение от семнадцатого. И вот тут... – Хант взъерошил аккуратно подстриженную шевелюру. – Тут я не знаю, чему и верить. То есть, если бы не сообщение Управления космических исследований об этом «феномене икс», я вообще считал бы все это бредом сумасшедшего. Но поскольку реальность «феномена икс» не вызывает сомнения, то... Словом, семнадцатый сообщает, что он установил наблюдение за неким Максимом Колесниковым, который якобы побывал на инопланетном космическом корабле и получил там необходимую информацию для создания установки по дистанционной стабилизации радиоактивных изотопов. С помощью этой установки, в которой используются те же нейтрино, можно, если верить Колесникову, вывести из строя любое ядерное оружие. Это, конечно, слишком фантастично. Но...

С минуту все молчали. Затем посыпались вопросы:

– Кто же он, этот Колесников, может, просто душевнобольной?

– Или пройдоха-авантюрист, каких немало и у нас в Штатах?

– А если это не так, то каково его отношение к институту ядерной физики? Или в институте ничего не знали ни о нем, ни о добытой им информации?

– И, главное, почему этот человек, побывавший на внеземном звездолете и обладающий, как следовало бы ожидать, совершенно уникальными знаниями, торчит в какой-то таежной дыре, а не восседает в Академии наук или военном ведомстве России?

– Тише, тише, господа! Не все сразу! К сожалению, я не могу пока ответить ни на один из ваших вопросов. Все изложенное мной действительно слишком фантастично и неправдоподобно. Единственное, что можно предположить, это то, что Колесников ничем не примечательная личность, случайно попавшая на внеземной корабль, и официальные власти России, включая и научные круги, просто не принимают его всерьез. Ситуация вполне естественная, если учесть сложившееся отношение их к проблеме НЛО. Человеку просто не верят. Но именно этой ситуацией мы и должны воспользоваться. Что же касается правдоподобности версии Колесникова, то ведь речь идет не только о его рассказах. В донесении семнадцатого фигурируют какие-то бумаги и некий металлический диск, якобы доставленный со звездолета. А это уже кое-что...

– Вот диск и бумаги и должен заполучить ваш агент, – подал голос эксперт-физик. – Мы, я уверен, смогли бы помочь вам расшифровать любые материалы подобного рода. А все остальное, простите, такие пустяки, что...

– Ну, пустяков в нашем деле не бывает, – сухо возразил Хант. – То, что главное сейчас заполучить названные агентом вещи, ясно каждому. Но нельзя пренебрегать и тем остальным, что сообщает семнадцатый. Если все, что он пишет, окажется блефом, то слава богу. Если, однако, хоть небольшая часть его донесений соответствует действительности, то наша святая обязанность не допустить, чтобы любые сведения, добытые Колесниковым, стали достоянием официальных властей России. В лучшем случае они должны принадлежать нам, в худшем – просто уничтожены. Я считаю, что ситуация, складывающаяся в далеком Вормалее, на сегодняшний день в тысячу раз опаснее для нас, чем любые работы, ведущиеся в подмосковном институте ядерной физики, и потому предлагаю всем, кто имеет отношение к семнадцатому, еще раз

внимательнейшим образом проанализировать обстановку и разработать конкретные предложения к десяти ноль-ноль завтрашнего дня. Все, господа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Так было впервые, что она сидела у него в гостиной, за праздничным столом, одетая не в больничный халат и не в спортивный костюм, а в изящное светлое платье. И это ее платье, легкое, воздушное, открытое на груди, ее пышная прическа, ее тонкие гибкие руки, едва прикрытые коротким рукавом, делали ее еще красивее, еще моложе, еще таинственнее, как и все, что принадлежало тому другому, непонятному для Зорина миру.

И тем не менее было несказанно приятно видеть, как она сидит за их столом, с какой милой женской грацией разливает чай, нарезает торт, как легко и непринужденно помогает ему и Дмитрию исправлять неизбежные промахи их чисто мужской сервировки праздничного ужина.

Но особенно приятно было сознавать, что все эти чувства разделяет и Дмитрий, что ему также доставляет удовольствие общество Тропининой, и он также делает все, чтобы показать свое искреннее расположение к ней

Словом, давно в квартире Зорина не было такого теплого, душевного застолья, давно он не испытывал такой острой пьянящей радости, как сегодня, сидя рядом с любимой женщиной и видя счастливые глаза сына.

Впрочем, разговор за столом шел далеко не на гастрономические темы.

– Я согласен, Татьяна Аркадьевна, – говорил Дмитрий, подвигая к Тропининой вазу с фруктами, – врачи больше, чем кто-либо, делают для сохранения и совершенствования человечества, если рассматривать это в, так сказать, биологическом аспекте.

– Благодарю вас, я достану, – улыбнулась Тропинина. – Но что значит в биологическом аспекте?

– А то, что ведь вы одинаково лечите и хороших людей и, простите, подонков. Между тем здоровый подонок куда опаснее для общества, чем больной.

– Замечательно, Дмитрий Андреевич! – рассмеялась Тропинина.

– Да, не смейтесь. Его, подонка, мало вылечить. Его надо еще научить уважать законы человеческого общежития, вложить в него хотя бы крупинцы элементарной человеческой культуры. И здесь медицина...

– Вы слишком примитивно смотрите на обязанности врача, Дмитрий Андреевич, и вообще, как мне кажется, плохо представляете процесс вкладывания в человека этих «крупин культуры». Вы что же, полагаете, врач должен лечить, физик – исследовать строение вещества, а какой-то профессионал-воспитатель – учить основам культуры?

– В принципе, да. А вы со мной не согласны?

– Нет, не согласна, даже убеждена, что если в нашем обществе и осталось еще немало, как вы выразились, подонков, то не последнюю роль в этом сыграло именно то заблуждение, что за культуру человека отвечают лишь воспитатели. А ведь это обязанность любого гражданина: и инженера, и научного работника, и, конечно же, врача...

– Если заставить их читать лекции о правилах хорошего тона?

– Нет, если убедить их честно относиться к своей работе и не забывать об этой обязанности – воспитывать культуру окружающих каждым своим поступком, каждым словом, каждым движением души. Я думаю, вы не будете возражать, что одним из начальных элементов культуры является чувство благодарности, чувство ответной признательности, чувство необходимости сделать добро за добро.

– Да, пожалуй...

– Но ведь в этом отношении врач может сделать куда больше, чем любой воспитатель. Я имею в виду, конечно, настоящего врача, а не такого, из кабинета которого пациент выходит с перекошенным от гнева лицом. Впрочем, таким человек покидает иногда и

магазин, ателье, кабинет начальника, просто напарника по работе. А сколько детских душ коверкается в самом раннем возрасте только потому, что они наталкиваются на беспричинную грубость! Сколько молодых людей становятся отъявленными хулиганами оттого лишь, что какие-то дяди или тети не посчитались с их человеческим достоинством!

– Гм... В ваших рассуждениях что-то есть. Но возьмем другую сторону вопроса. Что стал бы делать современный врач без той техники, создание которой не обошлось без нас, физиков? Без всех этих электрокардиографов, аппаратов «искусственное сердце», «искусственная почка»?

– Я ни в коем случае не хочу принизить роль физиков в общей борьбе за светлые судьбы человечества, – мягко улыбнулась Тропинина. – Я хочу только сказать, что некоторые ваши открытия...

– Понятно! Но ведь даже физики, работавшие в Лос-Аламосе, создавшие свою атомную бомбу, руководствовались весьма гуманными мотивами: хотели обезопасить мир от ядерного оружия, которое, как они полагали, разрабатывалось в фашистской Германии.

– Вот, вот! Как раз об этом мы говорили в свое время с Андреем Николаевичем. Создали бомбу против бомбы! А не лучше ли было им создать нечто такое, что исключило бы саму возможность применения атомного оружия?

– Ликвидировать возможность радиоактивного распада, хотите вы сказать?

– А почему бы нет?

– Но ведь тогда не появилось бы ни атомных электростанций, ни атомных ледоколов. Да и сама проблема термоядерного синтеза, на который сейчас уповает все человечество...

– Ну, зачем так мрачно, Дмитрий? – вступил в разговор молчавший до сих пор Зорин. – Можно ведь было бы останавливать радиоактивный распад лишь на определенное время, в определенном месте, при определенных обстоятельствах.

– Вон чего вы захотели! Но ведь материя живет по своим законам.

– А разве мало законов, которыми люди уже научились управлять? – снова заговорила Тропинина. – Вы во? сегодня, в начале вечера, так интересно рассказывали о нейтринно и слабых взаимодействиях. Так, может, это и есть ключик к регулированию процессов радиоактивного распада?

Дмитрий заерзал на стуле:

– Вы хоть кого заставите проговориться, Татьяна Аркадьевна. Я не могу сказать вам, конечно, всего. Но поскольку, как я полагаю, здесь собрались очень близкие люди, на которых можно положиться, то должен признаться, что наша лаборатория как раз и занята этой проблемой. Но проблема не из простых. Пока мы лишь подбираемся к ней. Есть кое-какие обнадеживающие разработки. Есть интересные экспериментальные данные. Есть вера в успех. Большого я, к сожалению, сказать не могу.

– А ничего большего нам с Андреем Николаевичем и не нужно. За одно то, что вы сказали, я готова расцеловать вас.

– А если я поймаю вас на слове, Татьяна Аркадьевна? – рассмеялся Дмитрий.

– Зачем ловить? – она встала из-за стола и поцеловала Дмитрия в щеку. – Желаю вам успехов, Дмитрий Андреевич! И хватит, наверное, на сегодня научных дискуссий. Включите, пожалуйста, магнитофон. Андрей Николаевич, приглашаю вас на танец!

...Потом они вместе провожали ее до автобуса и медленно шли обратно по темным безмолвным улицам, и оба молчали, перебирая в памяти все детали этого чудесного вечера, – каждый по-своему, каждый наедине с собой, и оба знали, что этой ночью им долго не удастся заснуть.

А полчаса спустя, когда они уже готовились ко сну, в прихожей зазвонил телефон.

– Да, – снял трубку Зорин. – Дмитрия Андреевича? Но тот уже сам подскочил к телефону, зажал ладонью трубку:

– Кто это, опять тот женский голос? Скажи, что меня нет. И не будет! Ни завтра, ни послезавтра, ни через не делю!

Зорин удовлетворенно кивнул.

– Его нет дома, – сказал он в трубку. – Да. Нет, не знаю, не могу сказать. Нет, я не увижу его в ближайшие дни. Всего вам доброго, – он повесил трубку, хлопнул сына по плечу. – Спокойной ночи, сын!

2

– Ну, как понравилась тебе наша гостя? – спросил на другой день Зорин, убирая остатки завтрака и поглядывая через открытую дверь на сына, который в задумчивости мерил шагами паркет гостиной.

– Понравилась! Это не то слово, папа. Я даже не представлял, что могут быть такие изумительные женщины! – воскликнул Дмитрий. – У тебя что, все врачи такие?

– Нет, такой врач у меня один. И боюсь, вообще другой такой женщины не встретишь.

– Определенно! Слушай, папа, ты говорил, по воскресеньям вы с ней выбираетесь в горы?

– Да, иногда она приглашает меня.

– Она? Почему она тебя, а не ты ее?

– Так сложилось у нас. Я, как ты знаешь, никогда прежде особенно не увлекался горами.

– А теперь?

– Теперь понял, что ничто так не укрепляет сердце, как вылазки в горы,

– Папка, не хитри! Я еще не забыл, что ты все-таки врач-кардиолог. Но, кроме шуток, если в это воскресенье, послезавтра, вы соберетесь с ней пойти, то, может быть, прихватите и бедного скучающего отпускника?

– Это я тебе обещаю, сын, – рассмеялся Зорин, проходя к нему в гостиную. – А чем займется сегодня мой «бедный скучающий отпускник»?

– Хочу съездить в Пятигорск, навестить кое-кого из старых друзей.

– Тогда до вечера! – Зорин взглянул на часы и, быстро уложив в портфель бумаги, вышел.

– Привет Тропининой! – крикнул ему вслед Дмитрий.

Потом он прошел в кабинет отца и, взяв со стола фотографию, долго всматривался в милое задумчивое лицо, стараясь воскресить в памяти теплую дружескую улыбку, с какой она не раз обращалась к нему в минувший вечер.

«И такая женщина живет на Земле! Нет, что ни говори, а наша старушка Терра стоит того, чтобы поработать ради спасения ее от атомного уничтожения!»

На улицу Дмитрий вышел в самом радужном расположении духа. Но не успел пройти и полквартиры, как на плечо ему легла тяжелая мужская рука:

– Постой, Дима! Ты что это, друзей стал забывать? Дмитрий нехотя обернулся:

– А-а, Виктор. Я думал, ты все еще в командировке.

– Потому и попросил вчера отца сказать Алле, что тебя нет дома?

– Когда? О чем ты? – смутился Дмитрий.

– Ладно, не крутись! Я точно знаю, что ты был дома, когда она звонила. Ты что же, решил отделаться от нее?

– А с какой стати, собственно...

– С какой стати? Вон ты как заговорил! Вскружил голову девчонке – и в кусты! Она мне все рассказала, что было между вами в мое отсутствие. После таких свиданий порядочные люди ведут себя иначе.

– Все рассказала?! Но ведь она сама... И ты же знаешь, у меня невеста... – вконец смешался Дмитрий.

– Невеста! Теперь ты о невесте вспомнил! Что же ты не рассказал о ней Алле, когда был у нее в постели? Или решил, что моя сестра – игрушка? Потешился – и поминай, как звали! А если она поедет к этой невесте и все расскажет? Что, не нравится? Но это дело будущего. Да и не очень ты, кажется, дорожишь своей невестой. А вот вчерашней твоей

Дульсинее она сегодня же попортит прическу. Да-да, характер у Аллы не ангельский, она хоть кому вцепится в волосы.

– Какой Дульсинее? О чем ты говоришь? – в ужасе пролепетал Дмитрий.

– Какой Дульсинее? Той самой, которую провожал вчера к автобусу, вокруг которой так петушился, что не захотел даже поздороваться с нами на остановке.

– Так это знакомая отца. Мы с ним вместе... При чем тут она? И не заметил я вас с Аллой, честное слово!

– Еще бы заметить? Видел я, как ты посматривал на эту «знакомую отца». А дальше? Заперлись у себя в квартире и даже по телефону не захотели поговорить с девчонкой. Интеллигенты дутые! Ну, это вам так не пройдет! Алла в таком состоянии, что сегодня же вечером подкараулит ее, и...

– Нет! Только не это! – вскричал Дмитрий, хватая Виктора за руку. – Я прошу тебя, Виктор! Умоляю! Не за себя прошу, за отца. Он не вынесет такого удара. Тропинина для него... Да и что он вам сделал, что?! Ну, я – другое дело. Я виноват. Да, виноват. Я подлец, мерзавец! Можешь ударить меня, можешь избить, как собаку. Только не трогайте Тропинину, не трогайте отца!

– Хм! Ударить его! Будто этим поможешь сестре. Да знаешь, в каком она сейчас состоянии? Я говорил, как осточертело ей здешнее болото. Встретив тебя, она словно другой мир увидела, словно заново родилась, наслушавшись твоих обещаний. А теперь? Что теперь ей делать? Руки на себя наложить? И ведь может дойти до этого, Но уж тогда... – глаза Виктора сверкнули неприкрытой угрозой.

Дмитрию стало страшно:

– Да разве я не понимаю... Я сделаю все, что в моих силах.

– Вот это другой разговор. А то – «с какой стати»? Сумел напакостить – сумей и помочь человеку! Алле надо найти приличное место. А где и как? Она – физик. Хватит ей по школам болтаться с ее дипломом. Ей надо работу по специальности. И не где попало, а в хорошем институте! Как, скажем, у вас. Обещал ты ее туда устроить? Обещал я знаю, когда своего добивался. Вот и напиши для нее рекомендательное письмо. Прямо своему шефу. Да как следует попроси, он тебе не откажет. Есть же у вас в лаборатории место какой-нибудь лаборантки, препаратора или еще там кого. Пока ее что угодно устроит. А иначе...

– Хорошо, я напишу, – поспешно согласился Дмитрий. – Завтра же напишу.

– Нет, не завтра. Сегодня, сейчас! Пойдем вот сюда, на почту, там и бумага, и чернила...

– Да как же так, сразу? Надо подумать, что писать, взять у нее все данные.

– Там вместе и подумаем. А данные. Данные у меня В голове – я о сестре все знаю.

– И тороплюсь я, ждут меня, – уцепился Дмитрий за последнюю соломинку. – Ну что тебе один день?

– Мне-то ничего. А вот Алла не будет терпеть и полдня. Она только и ждет вечера. Даже адрес Тропининой где-то раздобыла. И я ни за что не ручаюсь.

Дмитрий понял, что от Виктора не отделаться и, как ни стыдно будет потом смотреть в глаза шефу, письмо придется написать.

– Ладно, пошли, напишу все, что надо.

Семнадцатому от первого

Во что бы то ни стало, любыми путями вы должны завладеть диском и бумагами Странника. В случае успешного проведения операции вас ждет удвоение счета в банке и обещанная вилла на Гавайях.

Вы должны также продолжать непрерывное наблюдение за самим Странником, в ходе которого установить все его связи, изучить всех контактирующих с ним людей, быть в курсе всей его переписки и телефонных разговоров и – главное – выяснить, что он собирается предпринять по выходе из больницы, особенно обратить внимание на возможное намерение установить контакт с официальными властями.

В случае отъезда Странника из Вормалея сообщите маршрут следования и организуйте сопровождение его всюду, ни на минуту не выпуская из своего поля зрения.

При любой попытке Странника связаться с официальными властями воспрепятствуйте этому всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами и немедленно сообщите нам подробности.

Наведите справки о всех родственниках Лесника (их адреса, место работы, занимаемые должности). Поищите факты, которые могли бы его скомпрометировать. Выясните его слабости, склонности, заветные желания. Установите отношение к нему местных властей.

Сообщите нам основные факты биографии Дельца: год и место рождения, время прибытия в Отрадное, места службы в годы войны.

Подтвердите прибытие восемнадцатого и девятнадцатого.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

– Премного благодарна, мил человек, – проворковала Клавдия, проворно пряча вновь принесенные Чалым деньги. – Ну, зато и я для тебя постаралась, все вызнала. Живет, значит, этот Колесников бобыль бобылем. Нет у негa ни семьи, ни сродственников ни здесь, ни в каком другом месте. Была, правда, говорит, жена когда-то там, у этих, с другой звезды. Да я чаю, брешет он это. Мыслимо ли дело жениться бог знает на ком! Словом, сейчас он один, как перст. И из знакомых – никого, кроме Степана. А потому ехать ему отсюда решительно некуда. Так он и сказал Силкину: «Не знаю, говорит, куда теперь и податься». И етрину свою везти не знает куда. Потому, говорит, никто ему не поверит. А особенно про то, что добыл он ее у этих, с другой звезды. Вот разве, говорит, в тот институт, где он когда-то работал, да ведь и там, поди, не дураки, чтобы...

– Постойте, постойте! – перебил ее Чалый. – Что за институт? Как называется, в каком городе?

– Кто ж его знает, он не говорил. А ты у Кузьмы спроси, у него, должно быть, записано. Он ведь работал у него, у Колесникова-то! А Кузьма все пишет! Хитрущий мужик!

– Хорошо. Ну, а что вы еще узнали?

– А все. Все, что ты наказывал. Писем этот Колесников ни от кого не получает и никому не пишет. По телефону ни с кем не говорит. Ну, а про планы его... что, стало быть, собирается он делать, как от нас выпишется, так уже сказывала тебе, он и сам не знает, потому как...

– Та-ак, ясно. Теперь вот что, Клавдия Никитична... Я

– Еще что-нибудь вызнать?

– Нет, хватит и того, что узнали. Теперь у меня к вам другая просьба будет.

– Что же за просьба такая? – насторожилась Клавдия.

– Да так, пустяк! Скажите, этот Силкин каждый день сюда приходит?

– Каждый! Как я дежурю, так всегда. I – И сегодня приходил!

– Должно быть, приходил. Мы ведь с десяти сменяемся.

– Понятно. Значит, завтра утром вы здесь будете?

– До десяти.

– Так вот, я хочу попросить. Как придет этот Силкин, так скажите ему, что Колесникова из больницы выписали.

– Как же я ему скажу? А он потом узнает...

– Ну и что? Скажете, ошиблись. Или кто-то другой ошибся.

– Да зачем тебе это надо, чтобы Силкина задурить?

– Надо. Очень надо! Я потом объясню. А пока вот к моему конвертику еще и перстенок приложим.

– Не знаю уж как и быть?.. – закачала головой Клавдия, не сводя глаз с золотого перстенька.

– Да чего не знать-то. Скажете Силкину: выписался Колесников, и все тут! А за мной не пропадет.

2

Степан Силкин только что позавтракал и начал собираться в больницу к Максиму, как вдруг раздался сильный стук в дверь, и в избу к нему стремительно вошел незнакомый молодой мужчина в кожанке.

– Здравствуйте. Мне нужен Степан Семенович Силкин.

– Ну, я Силкин, – поднялся Степан, оглядывая гостя.

– Я из института ВНИИгеолприбор, где работает Максим Владимирович Колесников. Вот мое удостоверение, – мужчина сунул под нос Силкину красную книжицу и, не снимая кожанки, сел возле стола.

– Ну и с чем ты пожаловал, мил человек?

– Максим Владимирович вчера спецрейсом прибыл в институт и в спешке – завтра у него срочный доклад о Результатах здешних работ – забыл захватить у вас нужные бумаги и кое-что из вещей, а главное – диск с необ ходимой ему информацией. Так вот, мне надлежит как Можно скорее доставить все это Колесникову.

– Как же это?.. – пожал плечами Силкин. – Вчера утром я с ним виделся. Он еще с палочкой спускался ко мне. А сегодня...

– А вот так, папаша. Темпы сейчас, темпы! Мертвого на ноги поставят, если надо. Давайте, собирайте все скорее, меня тоже специальный вертолет ждет.

– Ты меня не торопи! – нахмурился Силкин. – Темпы темпами, а я сначала схожу в больницу и все узнаю сам.

– Чего узнаете?

– Узнаю, в самом деле выписался Максим или ты что-то путаешь.

– Экий вы Фома неверующий! Ну, идемте в больницу, только скорее. – Чалый взглянул на часы и первым шагнул к выходу.

3

– Ну, удостоверились? – сказал Чалый после того, как Силкин трижды расспросил Клавдию, как и когда выписался Максим. – А теперь собирайте все быстрее. Время не терпит.

– Да что ты заладил: собирай, собирай! Сам вижу теперь, что надо. Вот ты и напиши мне адрес института.

– Зачем вам адрес?

– А ты пиши, пиши, раз я говорю.

Чалый вырвал из блокнота листок и, набросав адрес, протянул его Силкину.

– Что еще?

– А больше ничего. Сейчас соберусь и полечу. Мне как раз в городе надо побывать, сына навестить. Вот я все и сделаю разом.

– Да вы в своем уме?! Меня специально оторвали от дела, дали вертолет. Завтра в шестнадцать часов у Колесникова доклад. А он – «сам полечу, сына навещу»... Вы представляете, когда вы доберетесь до института? Ведь в райцентре пересадка на самолет. Да будут ли еще места.

– Знаю, все знаю, а вещи Максимовы передам только ему в руки.

– Вы что, не верите мне? – Чалый снова вынул из кармана красную книжицу.

– Ас какой стати должен я верить тебе и этому твоему мандату? Для меня слово Максима – закон!

– Ну, хорошо, черт возьми! Полетим вместе, передадите все лично Колесникову. Идите собирайтесь, я подожду.

– Вот это другое дело. Я живо, ждите меня вон там на опушке, – кивнул Силкин в сторону дороги на аэродром.

Возвратясь в избу, Степан достал со дна сундука сверток с бумагами и тонкий, голубоватого металла диск и, уложив все это в полиэтиленовый пакет, сунул в свою охотничью сумку. Туда же положил буханку хлеба, кусок сала, достал из комода паспорт и все имеющиеся у него деньги и направился было к выходу, но, не дойдя до порога, остановился, сел на табуретку, снова вынул пакет:

«Нет, не мог Максим просто так забыть все это. Сам же говорил, дорожке диска и бумаг у него сейчас ничего нет. Что-то тут не так. Да и этот парень в кожанке... Подозрительный какой-то. И где-то я, вроде, видел его... Такой и ограбить горазд. Особенно там, в городе...» – Степан медленно поднялся, с минуту походил по избе, затем решительно вышел и направился в конец огорода, где стояла полуразвалившаяся, давно не топленная баня.

Здесь он отодвинул доску рассохшегося пола и, уложив там пакет с бумагами и диском, присыпал все тщательно землей и, водворив половицу на место, захлопнул и припер колом соскочившую с петель дверь.

– Пусть лучше поругает меня Максим за непослушание, чем провороню я его добро, – пробурчал он себе в бороду и, не заходя больше в избу, направился к дороге на аэродром.

Чалый ждал его у самой опушки леса:

– Все взял? – пронзил он Силкина нетерпеливым взглядом.

– Да что ты привязался ко мне как банный лист! – вскипел старик. – Что надо, то и взял. Пошли на твой вертолет.

– Ну, смотри!

Больше они не проронили ни слова. Но на полпути к аэродрому, где дорога ныряла в небольшой овраг, Чалый вдруг остановился и крепко ухватил охотника за плечо:

– Стой. Хватит играть в прятки, старый хрыч! Давай твою сумку – и марш обратно, если жить хочешь.

– Ты чего это? – дернулся Степан в сторону.

– Ну-ну, без шалостей! – в руке Чалого блеснул револьвер.

Он сорвал с плеча старика сумку и запустил туда свободную руку, потом вытряхнул содержимое прямо на землю:

– Так вот ты как! Решил обвести меня вокруг пальца! __ Чалый приставил револьвер к груди охотника, – Сейчас же веди меня в свою берлогу и выкладывай все, что оставил тебе Колесников. И не вздумай вильнуть в сторону или крикнуть. Мигом укокошу!

Силкин опустил на корягу, с ненавистью глянул в глаза Чалому:

– Никуда я с тобой не пойду. И вещей Максимовы тебе не видать как своих ушей. А пушки твоей не боюсь, пожил я на этом свете. Тьфу на тебя, ирод поганый!

– Ах так! – Чалый поднес револьвер к его виску. Потом медленно отвел руку, спрятал оружие в карман:

– Ладно, пошутил я, старик, – он сел рядом с Силкиным, раскрыл пачку сигарет. – Кури!

Силкин бросил на него презрительный взгляд.

– Он что, родственник тебе, этот Колесников? – спросил через минуту Чалый.

– А тебе что?

– Да ничего. Больно уж ты за него стараешься. А пиджачишко-то у тебя, смотрю, совсем расползся.

– Ничо, мне не женихаться, – коротко бросил Силкин.

– Женихаться не женихаться, а не век тебе с ружьем ходить. Сляжешь – некому будет воды подать.

– Ты это к чему?

– А к тому, что о себе подумать пора, о своей старости.

– От старости не спрячешься.

– Ясно, не спрячешься. А обеспечить себе сносную жизнь на старости лет надо. И я мог бы помочь тебе в этом. Видал? – Чалый вынул тугую пачку сторублевок. – Бери вот. Тут

десять тысяч. Ты таких денег отродясь в руках не держал. И за все это – барахло Колесникова.

– Ты что, купить меня хочешь?!

– Да брось ты, дядя Степан! В твои ли годы бросаться громкими фразами. Купить, продать... Жить-то тебе осталось!..

– Сколь смогу, столь и проживу. А Иудой не был и не буду.

– Ну вот еще – Иудой! Я же не на убийство тебя подбиваю. Или, думаешь, последнего добра хочу Колесникова лишить? Не беспокойся, он себе еще не один такой кругляшок достанет. А мне он во как нужен! – Чалый полоснул себя ладонью по горлу. – Скажу тебе прямо, старик: не доставлю я этот диск кому надо – не жить мне на свете.

– Та-ак... Ты, значит, шкуру свою спасаешь, а мне из-за этого подлецом стать?

– Да кто узнает, дядя Степан! Скажешь Колесникову: стянули, мол, диск. Украли и все тут! А денежки твоя.

Вспомнишь еще меня на старости лет. Добром помянешь. :На, держи на здоровье! –он сунул пачку Силкину в карман.

Тот сразу вскочил:

– Какая же ты гнида поганая! На какую пакость старика подбиваешь! Продать друга, который мне все равно что сын родной. И как у тебя язык поворачивается предлагать такое? А деньги твои... Подавись ими, ирод окаянный! – Силкин выхватил пачку из кармана и швырнул ее Чалому в лицо.

– Ну, хорошо! – Чалый снова выхватил револьвер. Лицо его побагровело, руки тряслись.

– В последний раз спрашиваю: отдашь диск?!

Силкин только отвернулся.

– Так получай же, чучело лесное! – он стукнул охотника рукояткой револьвера по голове и, оттащив его обмякшее тело подальше от дороги, быстро зашагал обратно в Вормалей, Нужно было перетряхнуть всю избу Силкина, прежде чем соседи хватятся.

От четвертого – первому

Рекомендательное письмо в институт получено. Завтра Учительница покидает Кисловодск. Дальнейшее наблюдение за Кандидатом поручаю Толкачу. Связь с Учительницей организую через него же, используя проводников кисловодских поездов. Жду дальнейших указаний.

Четвертому от первого

Продолжайте наблюдение за Кандидатом. Проследите, чтобы он не попытался дезавуировать свое рекомендательное письмо. Воспрепятствуйте этому всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами. Выясните, не ведет ли он почтовой переписки с сибирскими селениями Вормалей и Отрадное. По возможности установите, не упоминаются ли названия этих пунктов в его переписке с институтом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

– Как ты раскопал такой клад? Я имею в виду Тропинину, – сказал Дмитрий, когда они вернулись с воскресной прогулки в горы. – Видел я и прежде и умных, и красивых. И почти всегда одно исключало другое. Но чтоб так вот: и ум, и красота, и женственность в одном человеке...

– Да, это большая редкость, Дима. А как я ее «раскопал»... Так это не я, а она меня «раскопала». Ты думаешь, год назад я смог бы подняться на такую вершину, на какую она нас сегодня водила? Да я с трудом поднимался в свой кабинет, на четвертый этаж. И вот однажды.., – И Зорин рассказал о своем чудесном исцелении.

– Постой, постой! Ты говоришь, «какой-то другой радиоактивный элемент»? – не дал ему договорить Дмитрий,

– Так она сказала.

- Но что за элемент?
- А это уж по твоей части.
- Потому и спрашиваю, что это по моей части. Ведь радиоактивных элементов всего-то... Вспомни, она еще что-нибудь говорила об этом веществе?
- Еще? Да, вспомнил. Она сказала, что это что-то из трансуранов, только с большим периодом полураспада.
- Что-о?! Трансуран с большим периодом полураспада? Но это может быть лишь нептуний!!!
- Возможно. Что же тебя так удивило?
- Да то, что ни один человек на Земле не держал в руках даже крупиты нептуния. Мы до сих пор получаем лишь отдельные его атомы в сверхмощных ускорителях. А она...
- Видимо, она что-то перепутала, ошиблась.
- Перепутала! Что можно перепутать, если речь идет о трансуране с большим периодом полураспада? Он один-единственный! Но допустить, что Тропинина действительно работает с солями нептуния... Да и вся ее методика с этой генерацией биотоков, все ее принципы диагностики... Таинственная женщина. Но до чего хороша! Слушай, папа, пригласил бы ты ее снова как-нибудь к нам. Посидели бы опять, поболтали. Вот уж с кем действительно интересно поговорить...
- Слов нет, она интересная собеседница. Но пригласить ее едва ли удастся, У нее маленький сын.
- У нее сы-ы-ын?!
- Что же в этом удивительного?
- Объяснить появление сына, конечно, много проще, чем появление нептуния. Нептуний! Да это такая сенсация, с какой мне не довелось столкнуться ни разу в жизни. А что если позвонить ей, папа?
- Попробуй.

2

К удивлению Дмитрия, Тропинина без лишних слов согласилась погулять с ним во время тихого часа по парку. Но как начать разговор на столь деликатную тему? Однако она сама пришла ему на помощь:

- Я, кажется, догадываюсь, о чем вам так срочно понадобилось говорить со мной. Андрей Николаевич рассказал вам о моей методике лечения сердца?
- Да, и мне...
- И вам хотелось бы узнать, каким препаратом я пользуюсь для возбуждения биотоков?
- Как вы догадались?
- Что еще может заинтересовать физика-атомщика.
- Вот именно. В разговоре с отцом вы обронили одну фразу...
- Что же, я удовлетворю ваше любопытство, но с одним условием...
- Заранее согласен на все условия!
- С условием, что вы не зададите мне никаких дополнительных вопросов.
- Хорошо.
- Вы правильно предположили, я пользуюсь в своей работе солями нептуния.
- Но, черт возьми, как же я смогу теперь не задать ни одного вопроса?!
- И тем не менее вам придется выполнить мое условие. ? – Татьяна Аркадьевна, я прошу вас!
- Да, это так, Дмитрий Андреевич. Он с силой взъерошил свои волосы:
- Тогда... Тогда, простите мою назойливость, но я задам вам еще один вопрос. Не о нептунии, нет! Татьяна Аркадьевна, я знаю, здесь у вас нет ни родных, ни близких. Но где-нибудь, безразлично где, есть у вас... какой-нибудь очень близкий вам человек?
- Да, есть, – Тропинина нахмурилась. – Только очень Далеко...
- На Дальнем Востоке?

– Почему обязательно на Дальнем Востоке? Нет, дальше, много дальше.

– Где же дальше, в Америке, в Антарктиде? Она вздохнула:

– Что Америка, что Антарктида! Если бы он был в Америке или в Антарктиде, я давно была бы там.

– Вы говорите сплошными загадками. И, конечно, опять не разрешите никаких дополнительных вопросов?

– Да, больше я не смогу сказать вам ничего. И так вы узнали от меня слишком много. Только потому, что я доверяю вам, Дмитрий Андреевич.

– Благодарю вас, но... Она взглянула на часы:

– К сожалению, мне пора, простите. До свидания.

Домой Дмитрий пришел лишь поздно вечером. Молча сбросил пиджак, сорвал галстук и, не снимая ботинок, по« валился на кушетку.

– Что с тобой, сын? – склонился над ним Зорин, Он только махнул рукой.

– Ты говорил с Тропининой?

– Да. Ты, как всегда, прав, папа.

– Нептуний?

– Нептуний – табу! О нем она не захотела сказать ни слова. Да разве дело только в нептунии. Вся она – сплошная загадка! – Дмитрий закрыл глаза, отвернулся к стене. Зорин подсел к нему на кушетку, пригладил рассыпавшиеся волосы:

– Ну и что из этого? Бог с вей, с Тропининой. Ты человек науки, Дима.

– Человек науки! Какой науки? – Дмитрий снова вскочил. – Науки, которая еле-еле научилась получать отдельные атомы нептуния. В то время как какая-то... врач Тропинина пользуется им, словно... словно детской при* сыпкой!

– Но, может, это совсем не нептуний, Дима. Откуда внять Тропининой?

– Откуда знать Тропининой? А ты видел ее глаза? Она знает что-то такое, чего не знает никто на свете. И вообще – что за женщина! Что за женщина!

– Да бог с ней, сынок! Тебе вот письмо. От Алены.

– А-а, успеется. Брось его там, на мой стол. И оставь меня, папа, я хочу побыть один.

Зорин вышел из комнаты, прикрыл за собой дверь, подошел к столу Дмитрия. Там лежало еще одно письмо. Тоже от Алены. И тоже нераспечатанное.

Он покачал головой:

«Этого следовало ожидать. Не стоило знакомить его с Тропининой. Хорошо еще, что он здесь только в отпуске. Уедет – забудет. А что делать мне?..»

Он прошел в кабинет, раскрыл свою рукопись. Но в прихожей требовательно зазвонил телефон. Он взял трубку.

– Кисловодск? Квартира Зориных? – послышался торопливый голос телефонистки междугородной. – Дмитрия Андреевича к телефону. С ним будет говорить профессор Саакян.

– Профессор Саакян? Дима, иди скорее. Это, по-видимому, твой шеф.

Дмитрий вскочил с кушетки, поспешно вышел в прихожую. Лицо его заметно побледнело.

– Алло! Зорин слушает.

– Дмитрий Андреевич! – зазвучало в трубке. – Это Саакян. Как отдыхается, дорогой?

– Спасибо, хорошо.

– А я вот почему побеспокоил. Сегодня утром пришла ко мне некая Алла Федоровна Нестеренко с твоим письмом. Ты слышишь меня?

– Да, – постарался Дмитрий унять дрожь в голосе.

– Ну, в общем, девушка она, как будто, ничего. Мне понравилась. И документы у нее вроде в порядке. Ноты хорошо ее знаешь?

– Конечно, раз написал. И потом, Рубен Саакович, должность лаборантки,...

– Да понимаешь, дорогой, должности лаборантки у меня нет. Но открылась вакансия младшего научного сотрудника. Как думаешь, сможет она ее занять?

– Почему не сможет? Кончила физфак. С отличием. Вела физику в школе. Подучится у нас...

– Я тоже так думаю. Девушка развитая. Ну и... есть на что посмотреть. А, дорогой? – в трубке послышался смех.

У Дмитрия отлегло от сердца:

– Нет, серьезно, Рубен Саакович, не боги горшки обжигают.

– Конечно, конечно. Прости, что побеспокоил. Но лучше, как говорится, семь раз отмерить... Вдруг, думаю, не ты письмо написал. Счастливо отдыхать!

– Спасибо, – Дмитрий вытер пот с лица, несмело глянул на отца: – Ив отпуске не дают покоя.

– Постой, Дима. О ком это шла речь? Я почти все слышал.

– Да тут сб одной...

– Той девушке-физичке, с которой ты познакомился в день приезда?

– Ну да.

– Но разве ты действительно так хорошо ее знаешь?

– Не то чтобы очень хорошо, но... Что тут особенного?

– А то, что институт твой занимается довольно деликатными делами, Дима, и рекомендовать туда случайных знакомых... Кстати, она давно здесь живет? Одна, с родителями?

– Как тебе сказать... Живет с братом, Виктором. А давно или нет... Не знаю.

– Ох, Димка, Димка! Хоть ты и кандидат наук, а ума у тебя... Ты уж позволь мне навести справки об этой Алле Федоровне Нестеренко?

– Как знаешь..., Вот ее адрес, запиши. Только зря все это...

4

– Ну вот, сын, – сказал Зорин, бросая портфель на стол, – невеселые у меня новости. Никакие Алла и Виктор Нестеренко в том доме, где ты бывал, не жили и не живут. Квартира эта принадлежит совсем другим людям, которые действительно сдавали ее на месяц какой-то молодой паре, сдавали без прописки, сами не знают кому. Теперь там поселились другие отдыхающие, а Алла твоя...

– Вот черт! – закусил губу Дмитрий. – Неужели они обвели меня вокруг пальца, чтоб только протащить эту Аллу к нам, в лабораторию? Ну, хорошо! Я ей покажу институт! Что же мне сейчас делать?

– Бери трубку и звони профессору.

– Нет, это не телефонный разговор, папа. Разве по телефону такое объяснишь? Я напишу ему. Завтра же все напишу. Вот только... Слушай, папа, Тропинина случайно в отпуск не собирается?

– Нет, какой сейчас отпуск в разгар сезона,

– Лучше, если бы она уехала куда-нибудь...,

– Ну, так нельзя, Дима. Я понимаю твое состояние. И все-таки...

– Ничего ты не понимаешь, папка! Если бы ты знал, как все перепуталось! – в отчаянии воскликнул Дмитрий. –? Ведь если эта Алла... Если она вернется, то Тропинина... То все пойдет к черту!

– О чем ты говоришь?

– Я сам не знаю, что говорю. Пойду, пройдусь, обдумаю все как следует. А завтра напишу Саакяну.

– Но объясни мне толком...

– Завтра, все завтра! – Дмитрий схватил пиджак и выскочил за дверь.

Зорин понял, что надо ждать беды.

– Что же делать? Что делать?! –твердил без конца Дмитрий, миную одну улицу за другой.

Саакяну написать, конечно, надо. Обязательно надо. Мало ли кем может оказаться эта Алла. А дальше? Дальше она вернется в Кисловодск и тогда... Страшно подумать, что она по злобе может сделать Тропининой.

Значит, пойти заявить в милицию? Но что сказать там? Что одна женщина может из-за него, дурака, вцепиться в волосы другой? Да над ним посмеются – и больше ничего. Тогда что же, снова позвонить Тропининой, рассказать ей все? Увидеть на ее лице презрение, навсегда остаться в ее глазах гаденьким прохвостом? Нет, на это у него просто не хватит сил. Так что же делать?

И вдруг... Впрочем, этого следовало ожидать. – Здравствуй, Дима. – Виктор вырос словно из-под земли, обжег ослепительной улыбкой. – Спасибо тебе, Дима, за сестру. Она только что звонила. Все у нее, как будто, устраивается. Только слушай, Дима, кто это все ходит и разнюхивает про нас? Мне это не нравится, честное слово! Да и было бы что разнюхивать! Да, мы не прописаны в этом городе. Так разве здесь легко прописаться иногородним? А мне, с моим здоровьем, нельзя жить нигде, кроме Кисловодска. Ты сам видел, что со мной бывает. Вот и перебираюсь с квартиры на квартиру, как американский безработный. Так что, меня за это сажать? И сестре не давать ходу? А ведь боюсь, тебя науськают эти ищейки нафискалить в институт, и ты по слабости характера пойдешь у них на поводу. Плохо будет тогда, Дима. Аллочка вернется, и Тропининой придется поступиться не одной прической; Да и с отцом твоим может случиться несчастье. Большое несчастье, Дима. Очень уж сердита на него Алла. А ты, видно, не знаешь еще моей сестры. Скажу тебе по секрету, я сам боюсь ее. Так что не будь слабохарактерным. До свидания, Дима.

Виктор исчез, как появился. Дмитрий плохо помнил, как пришел домой. В голове его творилось нечто невообразимое. В висках будто били пудовые молоты. Грудь разрывалась от приступов тошноты. По лицу и спине змеились холодные струйки пота.

– Дима, что с тобой?

– Не знаю, папа, оставь меня, я спать хочу...

Семнадцатому от первого

Крайне недовольны вашими действиями. Необдуманное применение к Леснику инструкции «Е» может повлечь за собой безвозвратную потерю интересующих нас предметов. Единственная возможность вашей реабилитации – непременно обнаружение и захват указанных предметов через самого Странника. Для чего следует: либо, тщательно наблюдая за ним, овладеть предметами сразу, как только Странник попытается извлечь их из тайника, либо, если он почему-либо воздержится от поисков тайника, а тем более попытается покинуть Вормалей, не наведя вас на тайник, похитить Странника и, надежно изолировав его, принудить открыть местоположение тайника, а также постараться получить от него максимально возможную информацию о пребывании на инопланетном корабле. В этом последнем случае не останавливаться ни перед чем, включая инструкцию «Е».

До того, как будет проведено похищение, вы должны выявить всех людей, с которыми встретится Странник по выходе из больницы, взять на заметку все места, которые посетит Странник, по возможности установить, чем они привлекли Странника, проследить, не ждет ли его какая-либо корреспонденция на почте до востребования.

Еще раз категорически настаиваем на недопущении контактов Странника с официальными властями. В последнем случае применение инструкции «Е» – обязательно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

– Ну-с, всего вам доброго, молодой человек! Желаю здоровья и нормального сна, – врач крепко пожал руку Максиму, и тот вышел наконец на залитую весенним солнцем улицу. Да, улицу! А ведь когда-то Вормалеевская больница стояла в сплошном лесу, лишь узкая полоска просеки соединяла ее с крайними домами кордона.

Максим в растерянности посмотрел по сторонам. Куда пойти прежде всего? Впрочем, что тут думать: к дяде Степану, конечно! Он почему-то целых два дня не приходил в больницу. Не заболел ли старик? Но как пройти к нему покороче? Прежде тут шла торная дорога, по просеке и дальше на косогор к кордону, теперь же, сколько мог охватить глаз, до самой Студеной тянулся сплошной ряд домов с тесовыми воротами, рублеными подворьями и такими высоченными заборами, что не видно было и самого косогора.

Он окликнул маячившего неподалеку парня в капроновой куртке и щеголеватой сиреневой кепочке:

– Скажите, вы местный? Как мне выйти на бывший кордон, там, на косогоре?

– А-а, за базарную площадь, значит? Здесь не пройдете. Надо сойти к речке и там уж вдоль берега...

– Спасибо, понял, – Максим спустился к Студеной, обогнул стоящую на берегу лесопилку и поднялся на знакомый пригорок, где стояла изба Степана и где ютился когда-то и его родной домишко.

В горле запершило от нахлынувших воспоминаний. Но Максим не дал волю чувствам и, отведя взгляд от пустыря, где еще угадывались под бурьяном груды кирпича от развалившейся печи, нажал на щеколду ворот силкинского дома.

За воротами его встретила тишина. Но что это? Дверь избы растворена настежь. В самой избе все разбросано, разворошено, сундук открыт, ящики комода выдвинуты, белье из них выброшено на пол, на стулья, перина и Подушки свалены под кровать.

Острой тревогой полоснуло по сердцу. Что это, грабеж? Но чем можно поживиться у старого охотника? И вдруг его осенило: так это ж его собственные бумаги, его диск искали какие-то негодяи! Недаром Вырин увивался возле Степана. Но это значит... Ведь без бумаг, без диска... Максим похолодел от страшного предчувствия. Лихорадочно нащупал за ухом свой элемент связи и тотчас услышал спокойный ровный голос Кибера:

– Главный информаторий Ао Тэо Ларра приветствует вас. Назовите мысленно наш шифр, шифр командира корабля.

– Уф-ф... – он вытер пот с лица, прижал руку к бешено колотящемуся сердцу.

Шифр командира Ао Тэо Ларра... Шифр Этаны... Разве мог он забыть эти четыре заветных слова, с помощью которых она когда-то связывалась в иллюзионории с Главным кибером Системы.

– Ко ми даро элла! – прошептал он, замирая от волнения.

– Благодарю вас, – отчетливо прозвучало в ушах. – Какой раздел знаний вас интересует?

Ну, это после! Максим отнял руку от виска. Главное, что диск где-то здесь. Элемент связи мог принимать от него информацию в радиусе не более тридцати метров. Значит, дядя Степан спрятал его надежно. А сам... Сам, очевидно, ушел, уводя за собой грабителей, как уводит врагов от гнезда птица-мать. Где же он теперь, милый добрый старик? Только бы он остался в живых! Только бы не покалечили его эти негодяи!

Но что делать дальше? Искать диск и бумаги, конечно, бессмысленно. Степан спрятал их на совесть. Значит, надо как можно скорее выяснить, где он сам и что с ним случилось.

Максим заглянул во двор к соседям – на двери их висел замок. Он снова вышел на улицу и вдруг увидел знакомого парня в сиреневой кепочке. Тот стоял, прислонясь к забору, и бесечно поглядывал на резвящихся в луже воробьев.

Что это, случайное совпадение или?.. Теперь можно ожидать чего угодно. Не заходя больше в дом Силкина, Максим спустился на базарную площадь, прошелся вдоль открытых рядов и через минуту снова увидел подозрительного знакомого, который быстро прошмыгнул в дверь чайной.

«Все ясно: теперь он будет следить за мной через окно. Ну, что же, пусть следит!» – Максим постоял у лоточницы, купил несколько пирожков, затем прошел в мясной лабаз, зашел там за прилавков и вышел через служебный ход во двор, ворота которого открывались на противоположную сторону площади.

«Теперь в лес! Скорее в лес! Там можно спокойно обдумать сложившееся положение», – он снова сбежал к Студеной, нырнул в прибрежный ельник и поспешно направился в сторону Марьиного болота.

«Больше в Вормалею оставаться нельзя, – рассуждал он сам с собой, раздвигая колючие ветки. – Да и нет здесь никого из старых знакомых. Все перебрались в Отрадное. Только там и можно будет устроиться. Хотя бы у Кости-подводника. Он, конечно, приютит его дня на два, на три. Через него, возможно, удастся разыскать и дядю Степана».

Но надо незаметно выбраться из Вормалея. О большой дороге в село нечего и думать. Там наверняка поджидают его эти молодчики. Остается тропинка через сопку, какой они мальчишками бегали в отрадненскую школу. Благо, выйти на нее можно прямо из леса, стоит пересечь Марьино болото. И тут уж за ним никакой хвост не увяжется.

Максим еще раз огляделся по сторонам и решительно ступил на колыхающуюся под ногами торфяную подстилку,

В Отрадное он пришел лишь в сумерках, под вечер, быстро разыскал по памяти дом Константина и, убедившись, что за ним никто не следит, постучал в обитую войлоком дверь. На стук вышел сам хозяин.

– Здравствуй, Костя.

– Максимка, черт! Откуда ты? Опять как снег на го лову. Я думал, ты уж и забыл о нас, таежниках. И то ска зать – наверное, теперь профессор или академик?

– Никакой я, Костя, не профессор, не академик и хочу попросить приютить меня на два-три дня.

– Да хоть на неделю, на месяц! Домище вон какой. Живи, сколько хочешь.

– Спасибо, Костя. И потом... Не говори пока никому, что я сюда приехал.

– А кому и зачем мне говорить? Да ты что, из тюрь мы, что ли, сбежал?

– Ну, до тюрьмы еще дело не дошло, а... Впрочем, я Могу рассказать тебе все. Помнишь, как мы в вормалеевское озеро ныряли?

– Как не помнить! Ты там чуть богу душу не отдал.

– А следы в иле помнишь?

– Еще бы! И следы, и этот тоннель в обрыве. Он мне Месяц потом снился.

– Так я узнал все-таки, кому принадлежали эти следы, – продолжал Максим. – Их оставила одна женщина, не наша, не землянка...

– Чего-о?!

– Я говорю, следы эти принадлежали женщине из дру. гой звездной системы...

У Константина даже глаза расширились от удивления:

– А ты не того?... – выразительно крутнул он пальцем у виска. – Или это так, в шутку?

– Я не шучу, Костя. Эти люди покинули Землю лишь неделю назад. Я провел у них несколько лет. Они многому научили меня, снабдили важными сведениями. И вот теперь из-за этих сведений за мной охотятся какие-то подозрительные личности.

– Понятно-о... – протянул Костя чужим неестественным голосом. – Ну, ладно, проходи, садись, сейчас жена нам все организует.

– Не беспокойся, Костя. Я очень устал и лучше бы лег...

– Это можно. Вот тут, в холодной половине, у нас кровать свободная. Сейчас я застелю и отдыхай. А завтра обо всем поговорим.

3

А наутро, еще до того, как встать, он услышал торопливый шепот своих хозяев.

– А я говорю, надо заявить, чтобы забрали его, – горячилась жена Кости.

– Что значит заявить? – возражал Константин. – Разве он виноват, что у него такая болезнь?

– Никто не говорит, что виноват, а раз такое дело, надо в психиатричку.

– Постой ты, сразу в психиатричку! Может, он вчера просто с устатку брякнул. Знаешь, какой у него вид был?

- Вот-вот! А как сейчас встанет да буянить начнет?

– Это Максимка-то буянить!

– Максимка! Был Максимка, а сейчас – сумасшедший. Иди, говорю, и заявляй! А то я сама...

– Ладно, ладно, пойду. А ты все-таки приготовь завтрак человеку.

– Ничо, там накормят! Иди, коли пошел!

Максим услышал, как хлопнула входная дверь, как яростно загремела посудой «гостеприимная» хозяйка.

«Нашел приют!..» Он быстро встал, оделся и тихо, стараясь не скрипнуть половицей, вышел на улицу.

Там неистовствовала весна. Несмотря на ранний час, солнце слепило глаза. Изумрудной зеленью сверкали высаженные вдоль улицы молодые лиственницы. С громким чириканьем носились между ними ошалевшие от хмельного воздуха воробьи.

А на душе у Максима становилось все мрачнее, все тревожнее. Крадучись, как вор, незаметно озираясь по сторонам, опасаясь вновь встретить своих преследователей, дошел он до продовольственного магазинчика, купил хлеба, колбасы, сахару и, избегая прохожих, задами, огородами выбрался за околицу села, где сразу начиналась тайга.

Только здесь, в лесной глуши, почувствовал он себя в относительной безопасности. Только здесь, среди молчаливых деревьев, ощутил наконец тепло родной Земли. И лес будто обнял его пахучей утренней прохладой.

Максим облегченно вздохнул. Постояв с минуту на опушке леса и убедившись еще раз, что никто его больше не преследует, он сориентировался по солнцу и пошел прямо на север.

«Что же теперь предпринять, как быть дальше? – думал он, машинально перебираясь через завалы и обходя болотистые бочажины. – Самым разумным было бы, конечно, обратиться в местные органы госбезопасности и прямо рассказать обо всем, включая планы по созданию генератора стабилизации ядер. Но где гарантия, что там тоже не сочтут его сумасшедшим? А главное, как можно поручиться, что никто из этих людей, обладающих громадной властью, но едва ли достаточно компетентных в научных и технических вопросах, не попытается вскрыть диск и тем самым не вызовет его мгновенного самоуничтожения? Нет, этого делать пока нельзя.

Тогда, может быть, поехать в свой институт, рассказать все там? Но в институте, наверное, уже и забыли о нем, Максиме. Да и там никто не поверит ему на слово. А что он может представить в качестве доказательств? Ведь сейчас даже диска нет у него в руках. Нет, в институт ехать тоже нельзя.

Что же делать? Что делать?.. Как он не подумал об атом еще там, на корабле?..

Но вот и знакомый ручей. Пройдя по нему метров триста, Максим вышел на крохотную полянку, где в густых зарослях малинника укрылась старая-престарая охотничья избушка, в которой он не раз бывал еще с отцом. Избушка давно покосилась, почернела, чуть не по крышу вросла в землю, но дверь у нее была еще цела, а внутри Максим нашел кое-что из посуды и даже небольшой запас соли, крупы и спичек.

– Здесь пока и остановимся... – сказал он себе, выгребая слежавшийся мусор и застилая топчан свежей хвоей. – Заимку эту почти никто не знает, да и кто из охотников пойдет сейчас, весной, в тайгу.

Он разжег костер, вскипятил чай и, наскоро позавтракав, прилег на душистую хвою, снова мысленно взвешивая все варианты дальнейшего поведения.

Но что это? Чем пахнет в этой прокопченной лачуге? Он даже приподнялся, тряхнул головой, стараясь отделаться от непрошенных воспоминаний. Но запах не проходил, напротив, становился все более сильным, и не было уже никаких сомнений: так мог пахнуть лишь астийский эдельвейс.

Запах астийского эдельвейса – сейчас, здесь?! Не сходит ли он в самом деле с ума? Максим вскочил с топчана. И тут же закрыл глаза от яркого света, заполнившего всю избушку.

Что это, что? Откуда такой свет? Он обернулся к двери, Но свет шел не оттуда, светила задняя стена избушки. Она словно исчезла, за ней открылась сияющая глубина, и в этой глубине...

Нет, этого не может быть! Это какая-то галлюцинация.; Оптический обман! Максим протер глаза, тряхнул головой, Но все оставалось по-прежнему: перед ним стояла... Этана. – Этана?! – прошептал он почти беззвучно, боясь спугнуть неожиданное видение.

– Да, это я. Здравствуй, Максим, я рада тебя видеть, – произнесла она чуть глуховатым от волнения голосом.

– Здравствуй, Этана, – ответил он также шепотом, все еще не веря в реальность происходящего. – Но как ты...

– Сегодня мы покидаем систему Солнца, и мне захотелось в последний раз увидеться с тобой.

– Но почему так?..

– Почему ты видишь меня только через экран дальней связи, не можешь даже пожать мне руку? Слишком велико расстояние. Ведь мы уже за орбитой Плутона. А на Земле не осталось ни одного нашего ретранслятора. Хорошо еще, что я догадалась оставить в районе оползня гравииобуй, а ты оказался в Вормалее. Иначе мы не увиделись бы и так. Как ты там, Максим? Как встретила тебя Земля? Что эти за странное помещение?

– У меня все хорошо, Этана, А это,, Я, как ты знаешь люблю иногда побродяжничать, выбрался вот в тайгу. Это наша старая охотничья избушка.

– И все-таки выглядишь ты отнюдь не лучшим образом. На душе у тебя беспокойно, Максим. Видимо, уже пришлось столкнуться с какими-то трудностями.

– В жизни всякое бывает...

– Да. Но мне известно, как это «бывает» на Земле. А я, к сожалению, так многому тебя не успела научить, все надеялась на что-то... Знай, что твой элемент связи может и защитить тебя в особо сложной ситуации. Стоит взять какого-нибудь недруга за руку и, взглянув ему в глаза, мысленно привести в действие элемент, как воля этого человека будет в твоих руках, ты сможешь приказать ему что угодно. Помни об этом, Максим.

– Спасибо, Этана. Это мне может пригодиться.

– И еще. Я должна тебе сказать, что Таня... девушка, которая помогла тебе на Зубе Шайтана, она не умерла...

– Что?!

– Она не умерла, Максим. Мне давно следовало бы сказать тебе об этом, да все как-то... Но теперь уж неважно. И ты должен знать, что в тот критический момент, когда сердце Тани могло вот-вот остановиться, я приказала автоматам ввести ее в состояние анабиоза, а позже доставить на корабль. Мы вылечили ее...

– И что же? Где она сейчас?

– Я предлагала ей остаться на корабле. Но она, как и ты, захотела вернуться на Землю. Это было еще до того, как ты стал нашим гостем. Сейчас она в Кисловодске и по-прежнему ждет тебя.

Он лишь судорожно глотнул воздух, потрясенный новостью, услышанной от Этаны.

Она тоже вздохнула, подошла к самому экрану, голос ее задрожал:

– И последнее... Если у тебя появятся дети, Максим, они не смогут жить на Земле...

– Почему?

– Как тебе сказать... Наверное, я виновата. Теперь ничего не исправить. Таня знает об этом. Но надо, чтобы знал и ты. Прости меня, Максим.

– Я ни в чем не могу упрекнуть тебя, Этана. Какие уж теперь дети! А как ты?

– Как я? Ты знаешь, Максим. Видишь по моим глазам... Да, вот новость, – улыбнулась она сквозь слезы. – Кибер, кажется, потерял ко мне доверие. Да-да, после той

катастрофы. Кстати, через несколько минут он прервет нате свидание. Видишь вспыхнувший индикатор? Иссякает отпущенный мне лимит энергии. Ты знаешь, сколько ее тратится на каждую секунду такой сверхдальней связи!

Максим с ужасом взглянул на стремительно мигающий индикатор:

– Тогда, пожалуйста, Этана, еще два слова. Как Миона?

– Я знала, что ты спросишь о ней. И обрадую тебя, я специально приберегла это на конец сеанса. Три дня назад Миона стала мамой. И сейчас ты сможешь даже увидеть ее. Только ненадолго и лишь через мой экран связи. Она еще очень слаба. – Этана отошла чуть в сторону, нажала клавишу, и на экране, вспыхнувшем за ее спиной, он увидел ту, которая навек стала частицей его жизни, частицей его самого.

Миона полулежала в глубоком низком кресле, лицо ее было худым и бледным, волосы собраны в один тугий жгут, грусть застыла в милых лучистых глазах.

– Миона... – он рванулся к ней, забыв о разделяющих их миллионах километров.

Лицо ее дрогнуло, губы чуть шевельнулись, крупная слеза скатилась по щеке.

– Миона, родная моя... – он прижался лицом к холодному стеклу и... проснулся.

В открытую дверь избушки заглядывало солнце, легкий ветерок гнал через порог пепел потухшего костра, запах астиийского эдельвейса медленно растворялся и таял в густом аромате весенней хвои.

– Ну вот и все, – Максим встал с топчана, не разжигая костра, закусил хлебом с ключевой водой и быстрым решительным шагом двинулся к верховьям ручья, откуда, как он знал, шла тропинка на Вормалей.

4

Таня... Девушка, которая помогла ему на Зубе Шайтана... Не помогла, а спасла от гибели! Как он до сих пор не вспомнил о ней? Ведь здесь, на Земле, нет ни одного человека ближе ее, и никогда ни перед кем он не чувствовал большей вины, чем перед этой милой доверчивой смуглянкой. А все началось на старой вормалеевской дороге в тот страшный день, когда он прилетел, чтобы проститься с умирающим отцом.

Вертолет прибыл в Отрадное только к вечеру. Солнце успело скатиться за сопку, прежде чем Максим выбрался из душной кабины и напрямик, через огороды, вышел к околице, где начиналась дорога на кордон.

Снег в тайге, видно, стоял давно. Земля почти просохла. На солнечных склонах оврагов показались первые венчики мать-и-мачехи. Лес стоял темный, будто напоенный тяжелой влагой. Вершины сопки были похожи на свежие мазки красок, только что брошенных на бледно-голубой холст неба, а розоватое облачко, неподвижно застывшее над кромкой леса, напоминало уснувшего фламинго.

Однако все это лишь скользнуло поверх сознания. В мыслях Максим был там, дома, с больным отцом. Неужели его уже нет в живых? Об этом страшно было подумать. В глазах Максима этот угрюмый замкнутый человек всегда был воплощением большой правды, честности, справедливости, только ему одному Максим считал себя обязанным за все, что видел в себе хорошего.

Но вот и дорога на Вормалей – хоженная, перехоженная, где известна каждая рытвина, каждый выползший из-под земли корень. Он мог пройти по ней с закрытыми глазами. Даже теперь, после стольких месяцев отсутствия. Максим пристроил чемодан на плечо и прибавил шаг. Как-то там, дома? Несколько минут он почти бежал, подгоняемый все возрастающей тревогой. Но вдруг впереди, за деревьями, раздалось бречание гитары, и хор сильных голосов нарушил тишину леса. Он усмехнулся: «И сюда пришла цивилизация». Однако пение оборвалось так же, как и возникло. Вместо него послышался испуганный женский крик, потом грубый хохот и отборная матерная брань. В следующую минуту из-за поворота выбежала девушка и метнулась к Максиму:

– Помогите мне! Я шла из Вормалея. Мне все здесь внове. И вдруг эти... Я еле вырвалась, так они... Все пьяные! От них можно ждать чего угодно...

Девушка была маленькая, худенькая, он не смог рассмотреть в темноте даже ее глаз.

– Встаньте сюда, к дереву. И сделайте вид, что мы давно знакомы. – Максим снял чемодан с плеча, загородил собой беглянку.

Вскоре из-за поворота выскочило с десятков ребят, почти подростков. Все они были пьяны. Самый рослый из них, на голову выше Максима, подошел к нему вплотную и остановился, раскачиваясь из стороны в сторону:

– Эт-то еще кто такой? Кто ты, спрашиваю, такой, что подцепил нашу ч-чувиху?

Проходите, ребята, эта девушка со мной, – сказал Максим как можно спокойнее.

– С тобой? П-почему с тобой? А мы вот хотим п-про-водить ее, – парень шагнул к девушке.

Максим решительно оттолкнул его плечом:

– Тебе что, медведь на ухо наступил? Сказано, проходите! А завтра поговорим. Здесь же, если хочешь.

– Очень надо – говорить с тобой! Я хочу вот с ней п-поговорить. И – проваливай! – он попытался схватить незнакомку за руку. Но Максим снова встал между ними.

– Кончай, приятель, слышишь! И убери руку. Говорю по-хорошему.

– Чего кончай? Чего по-хорошему? Да я т-тебя сейчас!.. – он размахнулся.

«Ну, ладно!» – Максим внутренне подобрался. Раз! Короткий удар в челюсть – и парень, икнув, повалился на землю. К Максиму бросились сразу двое. Он изловчился, и оба тотчас же растянулись на дороге.

– Ну? – Максим повернулся к остальным. – Еще надо? Но в это время один из ребят воровски, по-звериному подкрался сзади, ударил чем-то тяжелым по голове. Максим упал. И сразу навалились. Град ударов обрушился на; голову, спину, плечи. Максим рванулся. Попытался сбросить с себя живой клубок тел. Но их было слишком много. Тогда он инстинктивно поджал ноги, закрыл лицо руками, И вдруг почувствовал, что спину ожгло, как огнем. В сознание ворвалось: нож! Но тут что-то свистнуло. Над головой точно пронесся вихрь. И все хулиганы, бросив Максима, с криками и руганью помчались к селу. Стало тихо.

Максим приподнял голову. Выплюнул грязь, смешанную с кровью. Попробовал встать. И не смог. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота, желто-оранжевые пятна замельтешили перед глазами, и он провалился в звенящую тишину.

Очнулся Максим от холодного дождя. Открыл глаза, прислушался. Тьма казалась непроницаемой. Дул ветер, и крупные капли уныло шуршали по мокрой хвое деревьев.

Он оперся рукой о землю, встал неожиданно легко. Голова была ясной, тело послушным. В памяти всплыла вся сцена недавней драки. Он ощупал руки, грудь, спину, – боли не чувствовалось. Странно... Ведь били! Здорово били. И кто это всхлипывает там, за деревьями? Он шагнул в темноту, и тотчас к нему метнулась легкая, как тень фигурка

– Жив... Жив! Как мне благодарить судьбу? Ведь все это из-за меня. Из-за меня! Дайте, я хоть оботру вас, – девушка, виновница потасовки, торопливо достала из сумки платок и стерла у него с лица грязь. Руки ее дрожали. Тон кое пальто промокло насквозь. Пальцы были холодны, как лед.

Сколько же он пробыл без сознания? Час, два? И все это время она провела тут, у дороги, под дождем. Недаром ее бьет как в лихорадке. Максим отстранил руку девушки:

– Да вы окоченели совсем. Что вы делали там, в лесу?

– Ничего... То есть, как же я могла иначе, ведь вас, ведь вы...

Он почувствовал приступ злости:

– Так хоть кричали бы, звали людей. Как так можно, сидеть и... хныкать себе в рукав.

Девушка снова всхлинула:

– Я хотела... Но тут произошло такое, что я... Нет, вы не подумайте, что я так уж испугалась этих негодяев. Но потом, когда они разбежались... Это было так страшно!

Она говорила что-то абсолютно бессвязное, видимо, потеряла голову от страха. Максим не стал дальше слушать, – Где вы живете?

– Пока в Отрадном, у тетки. Я недавно приехала сюда по распределению, из медицинского училища в Вормалеевскую больницу. Каждый день вынуждена ходить по этой дороге и вот...

– Далеко ваш дом? – прервал ее Максим.

– Нет, совсем близко, у околицы. Но... – девушка со страхом посмотрела в темноту, Он поднял чемодан:

– Пойдемте.

Дом действительно оказался совсем рядом. В окнах еще горел свет.

– Может, зайдете, пообсохнете. Чайку попьем... – робко предложила девушка, трогая его за рукав,

Максим резко отдернул руку:

– У меня умирает отец. Прощайте.

– Ой, как же вы?.. Как я могла... Простите, если можете! – она в отчаянии заломила руки.

– Ничего... Спокойной ночи, – он подхватил чемодан и чуть не бегом пустился обратно по дороге, не обращая внимания на дождь, на грязь, на мокрые ветви, хлещущие по лицу..

4

Вновь он встретился с ночной незнакомкой лишь восемь лет спустя, когда, закончив институт, вернулся в Вормалей в составе научной экспедиции по выявлению природы необычных находок в местных астийских слоях. Эти странные находки давно будоражили воображение Максима. Слишком много данных было за то, что по крайней мере часть из них имеет внеземное происхождение, а главное – все отчетливее проступала непонятная связь между ними и его таинственной Нефертити.

Это последнее обстоятельство было особенно интригующим. Однако работы первого года экспедиции оказались безрезультатными. Несмотря на огромный объем раскопок, ничего нового найти не удалось. И лишь в начале следующего сезона счастье как будто улыбнулось Максиму.

В то утро он решил покопаться в небольшом котловане на окраине кордона, у больницы. Котлован был свежий, видно, его только что вырыли под какое-то строение. Но ударивший морозец так прихватил сырой песок, что стоило Максиму копнуть лопатой, как черенок с хрустом переломился у самого основания.

Молотка под руками не оказалось. Чтобы выбить обломок из штыка, пришлось воспользоваться куском конкреции, каких немало торчало в астийских песках и глинах. Но не тут-то было! При первом же ударе камень разлетелся вдребезги. Максим в сердцах швырнул обломок далеко в сторону.

– Вы что, этими булыжниками интересуетесь?

Максим удивленно поднял глаза. У больничного крыльца, облокотясь на тонкую балясину, стояла незнакомая женщина – совсем еще молодая, невысокая, в короткой беличьей шубке, с непокрытой головой. Глаза ее, темно-карие, почти черные, смотрели с хорошим, искренним любопытством. Щеки слегка порозовели от смущения.

Максим бросил ненужную теперь лопату, неловко поднялся:

– Как вам сказать...

– Я это не просто из любопытства. В прошлом году мне тоже попался такой камень, а внутри что-то железное.

– Что вы говорите! И вы знаете, где он сейчас? – Да, я сохранила его.

Максим почувствовал, как все у него захолонуло от волнения:

– Девушка, покажите мне ваш булыжник. Пожалуй ста!

– Пройдемте ко мне. Я живу здесь, при больнице. Через минуту Максим входил в маленькую, скромную

но очень уютную комнату незнакомки. Девушка сбросила шубку:

– Раздевайтесь! Простите, не знаю, как называть вас?.

– Колесников, Максим Владимирович, – быстро проговорил Максим, снимая плащ.

– А я... просто Таня. Вешайте ваш плащ сюда. Тесновато у меня...

– Не беспокойтесь. Я ведь на минуту, только взглянуть на вашу находку.

– Сейчас увидите. Садитесь пока, – она сдвинула в сторону книги, занимавшие большую часть дивана, и выскользнула за дверь.

Максим огляделся. Книги, книги... Книги на столе, на подоконнике, на небольшом платяном шкафу. Маленький транзистор над чистой, аккуратно застеленной кроватью. Небольшой мольберт в углу за столом. На нем белоснежный халат и стетоскоп.

Прошло несколько минут. Дверь скрипнула.

– Вот, взгляните. Простите, что заставила ждать. Боялась, не завалился ли где мой камешек. Но нет, ваше счастье, – Таня подала ему большую плоскую конкрецию.

Максим с нетерпением принялся ее рассматривать. Один конец камня был отбит, там отчетливо проступало какое-то грубое металлическое изделие. Именно изделие!

– Спасибо вам, Танюша! Такое спасибо, что и слов не найти. А вы помните, где нашли этот камень?

– Конечно. Я даже колышек там вбила, на всякий случай.

– Даже колышком заметили! Слушайте, да вы... вы... – Максим сжал ее маленькие горячие пальцы. – Я готов расцеловать вас за такой подарок, честное слово!

– Ну, зачем это... – она вдруг вспыхнула до корней волос. – А вы... не узнаете меня?

– Вас? – Максим оторвался от конкреции и взглянул в зардевшееся лицо девушки. Смущенная, взволнованная, ждущая, она была на диво привлекательной. Но ничто не подсказывало каких-либо связанных с ней воспоминаний. Вот разве голос?..

– Простите, но...

– Ничего удивительного, – просто сказала Таня. – Вы, надеюсь, не откажетесь от чашки чая. А пока взгляните вот на это, – она торопливо, явно стараясь побороть волнение, полистала небольшой альбом для рисования и, найдя нужную страницу, положила перед Максимом. – Вот, пожалуйста. А я сейчас...

Максим без особого интереса взялся за альбом. Все его мысли были заняты новой находкой. Но нельзя оказаться таким неблагодарным. Девушка, очевидно, увлекается живописью и не посмотреть ее работы...

Но что это?! Он схватил альбом и впился глазами в небольшой акварельный рисунок. Это был, по-видимому, порыв фантазии. Но какой фантазии!

Поражало не мастерство художника, хотя краски накладывались, безусловно, талантливой рукой. Поражал сюжет картины – абсолютно нереальный, невероятный, непостижимый.

Весь фон рисунка был выдержан в нарочито мрачных тонах: ночь, лес, глухая непроезжая дорога; с черного неба, почти сливающегося с лесом, льет крупный дождь; черные ели гнутся под напором ветра; черная земля набухла от мутных потоков. И в центре этого хаоса воды и тьмы – неестественно светлая полусклонившаяся женская фигура. На плечи ее наброшен плащ с поднятым капюшоном. Под ним серебристо-белое сильно открытое платье. Правая рука девушки опущена вниз к земле, отчего плащ соскользнул с нее, обнажив шею и часть плеча; левая прижата к груди, удерживает развевающиеся полы дождевика. Лицо девушки обращено к дороге. Но это не мешает видеть ее длинные искристо-зеленые глаза, прямой тонкий нос, красиво очерченные, видимо, что-то шепчущие губы. Видны даже крохотные капли дождя, запутавшиеся в бровях, и тени от ресниц. Потому что все лицо незнакомки, как и ее руки, шея, грудь, будто флуоресцируют мягким зеленоватым светом. Слегка светятся и плащ девушки, ее платье, ноги в светлых чулках, непривычно отделанные туфли. А на грязной, раскисшей от дождя дороге – неподвижное человеческое тело, – черное, в неестественно скрюченной позе. Кажется, это мужчина. Но лица его не видно. По-видимому, он мертв или в глубоком обмороке.

Фантастическая, лишенная всякого реального смысла композиция! Но не в этом было главное. Главное заключалось в том, что девушка, источающая свет, удивительнейшим образом походила на... астийскую Нефертити!

Максим еще пристальнее взгляделся в рисунок и чуть не вскрикнул от изумления: на правом плече девушки, чуть ниже шеи было нанесено маленькое фиолетовое пятнышко. Этого не могла подсказать художнику никакая фантазия. Только на плече Нефертити видел он такую родинку.

Так, выходит, рисунок сделан с натуры? Где, когда? И что означает взгляд незнакомки? В нем – грусть, тоска, страдание...

Максим мгновенно забыл и о новой неожиданной находке, и о хозяйке этой комнаты, и обо всем на свете. Но дверь снова скрипнула, и показалась Таня с чашками а руках:

– Ну, как рисунок? Он словно очнулся:

– Где вы видели это?

Она поставила чай на стол, присела сама. Лицо ее было теперь белым как полотно, руки беспрерывно теребили бахрому скатерти:

– Вы и теперь меня не узнаете?

Голос! Теперь он не сомневался, что слышал этот мягкий пришептывающий голос. Но где? Максим нерешительно покачал головой. Таня еще больше потупилась:

– А помните, как восемь лет назад, в эту же пору, поздним вечером, по дороге в Вормалей...

– Вы?! Так это были вы?..

– Да, это я, глупая несмышленная девчонка, ввязала вас в драку, а потом ревела как дуреха, совсем потеряв голову от страха. Вы тогда, наверное, бог знает что обо мне подумали. А ведь я никогда не была трусихой. И в тот вечер, когда эти негодяи сбили вас с ног, я не убежала, нэ спряталась за деревьями. А схватила палку и так стукнула какого-то прохвоста, что тот взвыл от боли. Но их было слишком много. И у одного я увидела нож. Представляете мой ужас? Я бросилась на землю и вцепилась ему в ногу, Он упал на вас. А нож не бросает. Тогда я рванула его за волосы. Но в это время произошло что-то совершенно непонятное. В небе вдруг свистнуло. И поднялся такой вихрь, что меня отбросило в сторону. А все эти подонки ^сначала повалились на землю и забились, как в падучей, потом вскочили – и к селу. И сразу пошел дождь. Вы оставались на земле. Я хотела подбежать к вам, но тут... – Таня перевела дыхание. – Тут произошло то, что вы видите на рисунке, –Таня кивнула на альбом. – Она появилась как-то сразу, без единого звука, эта девушка в плаще, налицо ее будто светилось. Она вся светилась. И была такой красивой... Неправдоподобно красивой! Разве на бумаге это передашь, Яш Поверьте, я иикогда не была суеверной. Но в эту минуту все будто заledenело во мне. А она подошла ближе и склонилась к вам. Низко-низко. Я думала, она хочет поцеловать вас. А она только провела рукой над вашим лицом и что-то шепнула, но так тихо, что я только по губам догадалась об этом. Потом она провела рукой по вашей груди, бокам. И поднялась. Но долго еще стояла и смотрела на вас, вот так, как я попыталась изобразить на рисунке. Сколько все это продолжалось – не знаю. Потом вдруг что-то прозвучало в темноте, как, знаете, басовая струна на гитаре, если ее чуть тронуть. Тогда девушка повернулась и исчезла. Сразу, будто растаяла в темноте. Тут уж на меня такой страх напал, что прижалась я к дереву и заревела. Реву и не знаю, что делать. Дождь, ветер! И вы на дороге. В темноте не видно, как вы там, может, и не живой давно. А подойти боюсь. И вдруг вы поднялись. Тогда я к вам! Ну, а дальше вы помните, наверное... Максим молчал.

– Потом я не раз встречала вас в Вормалее. А однажды вечером, ровно год спустя...

– Вы бросили мне цветы? Таня кивнула:

– Мне тогда еще хотелось показать вам свой рисунок, поговорить с вами. Но я думала, вы выздоровеете и сами зайдете ко мне. Просто не верилось, что тот вечер, тот случай в лесу пройдут совсем бесследно. Я, знаете, с детства любила мечтать о чем-то таком...

необыкновенном. А с тех пор, как увидела вас и вашу удивительную спасительницу, то, кажется, только и жила своими мечтами. В тот вечер я сделала свой рисунок.

– Не продолжайте, прошу вас! – Максим захлопнул альбом. – Почему вы не сказали обо всем этом там, в лесу?

– Не знаю, как вам объяснить. Я очень испугалась тогда. И потом... у меня просто не было уверенности, что это не галлюцинация. Я и потом, вплоть до сегодняшнего дня, никому не смела даже рассказать о событиях той ночи. А теперь... Теперь я вижу, все это было! Было! Вы знаете ее, знаете, где она, и, может, скажете, как увидеть ее. Я так хотела бы этого. Ну почему вы молчите?

Максим отодвинул альбом.

– Милая Танюша, вы можете верить мне, можете не верить. Можете считать меня ненормальным, сумасшедшим, кем угодно. Но об этой девушке я знаю не больше, чем вы. Я видел ее всего два или три раза, при таких же странных, загадочных обстоятельствах. И больше не увижу, наверное, никогда.

– Но она любит вас!

– Вы с ума сошли! – Максиму показалось, что он сорвался с кручи и летит в бездонную пропасть. – Что вы говорите!

– Любит, я знаю. Я видела! – упрямо твердила Таня.- Вы только взгляните. Ведь я не придумала это. Такое невозможно придумать.

Он снова придвинул рисунок. Глаза незнакомки будто плакали в безысходной тоске.

– Нет! Этого не может быть. Это... мистификация, наваждение! Но... как я благодарен вам, Таня!

– За что благодарить, за камень?

– И за камень, и за цветы, и за все-все, – он бережно провел ладонью по корочке альбома.

– Максим Владимирович, хотите, я... подарю вам свой рисунок?

Он покачал головой:

– Нет-нет, оставьте его у себя. Я просто сойду с ума, если все время буду видеть это лицо, этот взгляд... А когда мне будет совсем уж плохо, я приду к вам... взглянуть на ваш рисунок.

– Я всегда буду рада вам, Максим Владимирович.

5

Потом он заходил к ней еще раза два-три. И понял, почувствовал, что она любит его, любит так, как не любил его никто и никогда. Он и сам был равнодушен к ней. К ней нельзя было остаться равнодушным. Но все мысли, желания, мечты Максима замкнулись на астийской Нефертити. Поиски ее, разгадка ее тайны стали смыслом его жизни. Он не мог отделаться от навязчивой идеи, что почему-то должен, обязан встретиться с ней. А она, как нарочно, исчезла, не давала о себе знать ничем.

Между тем экспедиционные работы в Вормалее терпели одну неудачу за другой. Какие-то непонятные грозные силы с упрямой методичностью уничтожали любые находки, которые могли пролить свет на тайну астийских слоев. Руководство института все чаще, все настойчивее выражало сомнение в целесообразности проводимых исследований. Наконец пришел приказ свернуть все работы и покинуть Вормалей.

Большого несчастья Максим не мог и представить. Рушились все его планы, все надежды. Впрочем, оставалась еще одна возможность. Одна-единственная. Он давно приберегал ее на самый крайний случай. Теперь такой случай наступил.

В этот вечер он зашел к Тане в последний раз. Зашел проститься, поделиться – больше было не с кем – всеми невзгодами, какие обрушила на него жизнь. Приказ о свертывании работ, исчезновение Нефертити, бессилие перед какими-то темными силами, полностью уничтожившими результаты экспедиции, предстоящий отчет в институте, в котором ему просто нечего будет сказать, – и все это сразу, на него одного! С тяжелыми думами подошел он к больничному крыльцу.

Час был поздний. Все здание больницы тонуло в густом мраке. Но одно окно светилося. Ее окно. Там слышалась 'даже музыка. И легкая тень мелькала за занавеской. Он в нерешительности остановился. Удобно ли беспокоить ее в столь неурочный час? Но ведь она не спит. Он подошел к окну и осторожно стукнул в стекло. Занавеска чуть приподнялась. Удивленное, испуганное лицо Тани прильнуло к стеклу и тут же вспыхнуло радостью:

– Максим! Я сейчас...

Торопливый щелчок ключа, быстрые шаги в сенцах, короткий стук щеколды – и тонкий силуэт Тани показался в полосе света. Максим шагнул к ней:

– Простите, что в такой поздний час...

– Входите, входите! Я словно чувствовала...

Он вошел в знакомую комнату. Здесь все было прежним. Не было лишь мольберта, вместо него стояла тумбочка с телевизором. Таня поспешно выключила приемник:

– Вы прямо из тайги? Голодны?

– Нет, спасибо, я ненадолго. Не совсем приятные новости. Приказано возвращаться в институт.

– Как в институт? Впереди целое лето.

– Я сам до сих пор не могу опомниться, – Максим устало опустил на стул.

– Я все-таки приготовлю поесть.

– Ну что же, пожалуй. Мне все равно надо написать небольшое письмо. Дайте лист бумаги, Таня.

– Вот здесь, на столе, найдете все, – она вышла за дверь.

Максим пересел к столу на диван. Да, это последняя возможность. Больше откладывать нельзя. Вся надежда на Зуб Шайтана... В случае неудачи Таня перешлет записку в институт.

Он запечатал конверт, надписал адрес. Таня вернулась в комнату. Он протянул ей пакет;

– Таня, завтра я уйду в тайгу. Дня на два-три. Мне нужно проделать один опыт. Он может кончиться... плохо. И если через три дня я не вернусь сюда, к вам, вы отошлете письмо по адресу на конверте.

Глаза девушки наполнились страхом:

– Это очень опасно, Максим?

– Это надо, Таня. Иначе пропадет труд многих лет. Я не могу уехать, не проделав опыт.

– Он связан с той... женщиной? ,

– Да.

– И вы пришли взглянуть на рисунок?

– Я пришел к вам, Танюша.

– Ко мне?.. – она вспыхнула, зарделась до кончиков ушей. – Вам плохо, Максим?

– Да, нехорошо. Я шел вот сейчас, думал...

– Говорите, говорите! – она села на стул против него, как школьница, даже ладошки положила на колени.

И снова мысли, тяжелые, как комья мокрой глины, задвигались, цепляясь друг за друга, с трудом выливаясь в слова и фразы. Таня слушала, не произнося ни звука. И лишь когда он замолчал, тихо сказала:

– Боже, почему все хорошие люди так несчастны?!

– Хорошие люди... А где он, критерий того, что хорошо, что плохо? Почему вы думаете, что если я не такой, как другие, то я лучше их? А они, эти другие, считают плохим меня и, может быть, вас. И все мы люди. Кто нас рассудит? На Земле нет более высокого судьи, чем человек. Но вы знаете, как непохожи люди. И каждый считает правым себя. Много вы видели ханжей, пошляков, грубиянов, невежд и просто отъявленных негодяев, которые сказали бы: да, мы плохи... Нет, они не скажут этого. Больше того, они сами претендуют на роль судей. И чаще, чем кто-либо другой. Между прочим, потому, что по злой иронии судьбы нередко занимают так называемые «руководящие посты», создают «общественное

мнение». Вы думаете, среди них, этих «судей», мало найдется таких, которые завтра же предадут анафеме нас с вами только за то, что я пришел к вам в столь поздний час?

– За то, что вы пришли ко мне? Но почему? Что в этом плохого? Ведь вы для меня... Я люблю вас, Максим, – она пересела на диван, протянула к нему руки. – Я так ждала вас! Я готова на что угодно, лишь бы помочь вам. Хоть в чем-нибудь...

Он осторожно погладил ее по голове:

– Спасибо, Танюша. Я... пойду. А через три дня.

– Нет! Нет, Максим! Вы не уйдете, – ее маленькая горячая ладонь легла ему на лоб, пальцы коснулись глубоких морщин.

– Не надо, Таня...

Она опустила руки, сжалась, как от удара:

– Бойтесь анафемы?

– Нет, – твердо ответил Максим. – Но я не имею права... Я просто недостоин вас. Не стою вашей любви. Вы же знаете, что я всю жизнь гонюсь за своими миражами.

– Я знаю это, – тихо прошептала Таня. – Знаю все... Но я люблю вас. И этот вечер, как бы он ни кончился, будет самым счастливым в моей жизни. – Руки Тани снова легли ему на плечи, губы его коснулись рассыпавшихся волос, и он почувствовал сквозь тонкий шелк блузки, как бьется ее сердце...

6

Мысли о новом восхождении на скалу давно не шли у Максима из головы. Тщательно перебирая в памяти события десятилетней давности, он все больше склонялся к тому, что феномен Зуба Шайтана имел самое непосредственное отношение к Нефертити. Время показало, что запах астийского эдельвейса был связан только с ней, а музыка, которую он слышал в тот день, не могла принадлежать ни одному из известных инструментов.

К тому же там, на вершине скалы, эта музыка и запах ощущались только в том случае, если коснуться подбородком колец. Значит, то, что он принял за альпинистские крюки, было вовсе не крюками, а частью какой-то линии связи, проходящей через Зуб Шайтана и соединяющей Лысую Гриву с другим, неизвестным ему пунктом, где бывала, а может быть, постоянно проводила время Нефертити.

Не приходилось сомневаться и в том, что в шуме ветра он слышал ее шепот. Стало быть, находясь где-то далеко от сопки, она могла видеть его на скале, говорить с ним, пользуясь, очевидно, той же системой связи.

Но если так, то стоит снова подняться на Зуб и подключиться к этой линии – может быть, для этого достаточно лишь коснуться колец – и удастся вызвать Нефертити, заговорить с ней. Ведь в тот день на скале он, помнится, не произнес ни слова, только слушал. А если попробовать вмешаться в музыкальный код?..

Как бы там ни было, это оставалось последней возможностью связаться с Нефертити. Только сумеет ли он еще раз подняться на скалу? Память до сих пор хранила страшные мгновения, пережитые на отвесной стене. Это и удерживало его до сих пор от рискованного шага. Он надеялся обойтись без такой крайности. Однако теперь было исчерпано все.

Вот почему пришел он сегодня к Зубу Шайтана. Здесь, только здесь мог он в последний раз вызвать ее на разговор. Или хотя бы сфотографировать кольца, взять крупицу для анализа, может быть, записать на магнитофон звуки, передающиеся по необычной линии, – все-таки будет что продемонстрировать в отчетном докладе. Все это, конечно, сопряжено с огромным риском.

И вот он снова перед каменной громадой, вонзающейся в небо. Позади – десяток километров подъема по лесистому склону сопки, короткий разговор с Силкиным. Впереди – лишь неизвестность. Одно он знал твердо: путь отсюда лежит только через вершину Зуба Шайтана.

Итак, за дело! Немного передохнув, Максим проверил фотоаппарат, магнитофон, все уложил в рюкзак вместе с молотком, напильником, связкой веревок, снял лишнюю одежду, разулся до носок, в последний раз оглядел путь к вершине.

Пора! Веревка с грузом с первой попытки захлестнулась за выступ гребня – удачное начало. Всего несколько минут понадобилось, чтобы подтянуться к нижнему выступу. Теперь вверх по гребню! Это тоже не составило большого труда. Через полчаса он уже добрался до перегиба склона, где можно было передохнуть, выбрал место поровнее и, не снимая рюкзака, пристроился в тени, под глыбой. День был жарким, безветренным. Голова кружилась от усталости. Стоило ли дальше рисковать? Но все кругом дышало такой тишиной и покоем, что просто не верилось в возможность какой-то неприятности. Будь что будет! Максим поправил рюкзак и снова полез вверх. Но теперь подъем был особенно труден. Гребень еле лепился на почти отвесном склоне. Приходилось ощупывать каждую глыбу, каждый камень. Тяжелый рюкзак тянул вниз. Пот слепил глаза. Максим то и дело останавливался, чтобы перевести дыхание. Однако склон становился все круче, все опаснее. Глыбы кварцита здесь сильно потрескались, кое-где еле держались на месте, обрушиваясь при каждом неверном движении. А впереди была еще голая стена.

Но вот и она. Наконец-то! Максим примостился на верхнем конце гребня и глянул вверх. Стена уходила прямо в небо. Нет, с рюкзаком здесь не подняться! Придется оставить его под стеной, взобраться сначала налегке и, укрепив на вершине веревку, спуститься за вещами. И как он вскарабкался прошлый раз на такую крутизну? Помнится, где-то здесь была небольшая выбоинка и трещина над ней. Да, вот они.

Ну, вперед! Максим уцепился руками за трещину и подтянулся вверх. Хорошо, что он сбросил ботинки. С выбоины можно перебраться на этот уступ. Затем по нему чуть влево, там, на уровне его роста – небольшой карниз, и если за него ухватиться... Только бы не сорвалась нога! Только бы дотянуться до этого карниза! А вот и он! Если теперь подтянуться на руках...

Э-эх, не получилось! Карниз не выдержал тяжести Максима, и он сполз обратно к гребню. К счастью, удачно, лишь сильно поцарапал обе руки. Но что это, что?! Большая глыба кварцита, в которую он уперся ногами, вдруг покачнулась, сдвинулась с места и с грохотом покатила вниз, увлекая за собой всю верхнюю часть гребня. Максим еле удержался на крохотном уступе, вцепившись руками в трещину над головой, и в тот же миг услышал... плач. Да, плач! Кто-то определенно всхлипывал у него за спиной. Максим попытался оглянуться назад. И тут – сквозь грохот обвала:

– Не надо! Не поднимайтесь! Я не смогу помочь вам... Максим вздрогнул. Ее голос! Голос Нефертити! Вот и

запах астийского эдельвейса. Слабый, еле ощутимый. Но разве спутаешь его с чем-нибудь другим? Наконец-то! Только что она говорит? Почему так тихо? Он напряг слух. Голос, прерываемый рыданиями, с трудом пробивался сквозь низкий нарастающий гул:

– Спускайтесь! Прошу вас, умоляю! Я теперь... Мне самой нужна помощь. Мне запрещено даже думать о вас. Меня лишили всякой свободы действий. Но не обо мне речь. Спускайтесь! Спускайтесь и запомните... – шум падающих глыб окончательно заглушил тревожный шепот. И вдруг все смолкло. И этот гул, и грохот обвала. Максим глянул вниз и похолодел от страха. От гребня не осталось и следа. Прямо под ним обрывалась теперь почти отвесная стена. Путь вниз был отрезан.

Но и тут не удержаться. Нет, не удержаться! Ноги едва цеплялись за узкий выступ. Руки свело от напряжения. Значит, опять вверх? Только так, иного выхода нет. Там можно будет хоть закрепить веревку. Здесь нельзя сделать и этого.

Максим подтянулся к трещине и снова начал карабкаться вверх по стене. От выбоины к выбоине, от уступа к уступу, с одной мыслью: только бы не сорваться, только бы не соскользнуть. На этом замкнулись сейчас вся его воля, все силы, весь рассудок. Однако

целая вечность, казалось, прошла, прежде чем он ухватился за верхнюю кромку скалы и, теряя сознание от невероятного перенапряжения, вскарабкался на вершину. Все!

Но где же кольца? Кольца, ради которых он пошел на такой риск?! Они были тут, у самого края площадки. Однако теперь от них не осталось и следа. Холодный пот покрыл Максима. Отчаяние сдавило сердце. Он понял, что опоздал. Злые, враждебные силы успели нанести последний, самый страшный удар – удар по Нефертити. Они лишили ее свободы, лишили связи, отняли у него последнюю надежду когда-либо встретиться с нею.

Что оставалось делать на скале? Едва отдышавшись, Максим отвязал от пояса веревку и, сделав петлю, попытался набросить ее на выступ площадки. После нескольких попыток это ему удалось. Но в последний момент, когда он собирался уже затянуть петлю, веревка вдруг вырвалась у него из рук и змеей скользнула вниз.

Максим застыл от ужаса. Липкий пот снова покрыл лицо и спину. Что он наделал! Что наделал!!! Он, сколько мог, свесился над бездной, обшаривая глазами каждый сантиметр скалы. Но нет, путь вниз закрыт. Если и удастся спуститься еще раз до того места, где когда-то кончался гребень, то дальше склон был абсолютно неприступен.

А здесь? Нельзя ли что-нибудь придумать здесь? У него есть спички. Но нет ничего, что могло бы гореть. Есть нож. Но что можно сделать ножом с крепчайшим сливным кварцитом? Есть кепка, носовой платок... Но всем этим не привлечешь внимание человека и за километр. А домики кордона еле видны в жарком мареве. Разве заметят его оттуда!

Он долго и внимательно осматривал склоны сопки. Лес, лес... И ни дымка, ни свежей порубки. А Нефертити в беде. Теперь это ясно. Что же могло с ней случиться? Если бы он вообще что-нибудь знал о ней...

– И все-таки надо еще раз обдумать все спокойно, – попытался взять он себя в руки. Но мозг уже отказывался работать. Страх и отчаяние все больше овладевали сознанием. Да и что можно было придумать...

Между тем солнце пекло немилосердно. Мучительно хотелось пить. Сухая горечь обложила язык, иссушила горло. Тупой болью сдавило грудь. Жажда – вот что убьет его на этой каменной игле, если никто не придет на помощь. Но откуда ждать помощи? Он снова и снова старался вызвать в памяти образ Нефертити. И не смог. Все, что было связано с ней, будто тонуло в огромном черном провале, словно незримая стена экранировала и гасила мысли Максима.

День тянулся целую вечность. А с наступлением ночи пришел холод. Каменное ложе, казалось, обледенело. Жгучий ветер пронизывал до костей. Черное небо давило своей беспощадной пустотой. Острые лучи звезд будто вонзались в тело, еще больше усиливая дрожь, от которой сводило плечи и останавливалось дыхание.

Утро не принесло облегчения. С первыми лучами солнца вернулись муки жажды. Усилилось головокружение, началась тошнота. Вдобавок ко всему появились галлюцинации. Гора вдруг будто накренилась к земле, принималась раскачиваться, уходила ввысь. Несколько раз он засыпал или терял сознание. Пробуждение было кошмарным...

И снова ночь, снова холод. К утру он был уже в полуобморочном, бредовом состоянии. Полное безразличие ко всему сделало его равнодушным даже к галлюцинациям. Он не открыл глаза, когда внизу вдруг будто залаяли собаки и кто-то отчетливо произнес его имя. Что еще выкинет измученный мозг?

Но лай не прекращался. И чей-то до боли знакомый голос все звал и звал:

– Максим! Максим! Где ты? Откликнись!

Он нехотя открыл глаза, с трудом приподнял голову, Сейчас все исчезнет... Но нет:

– Максим!.. Боже, как ты забрался туда?! Что ты там делаешь? Ты слышишь меня?

Он глянул вниз. Таня?! И сразу все застлало густым туманом. Максим зажмурил глаза, открыл снова. Таня! Он провел языком по распухшим кровоточащим губам:

– Таня... – но голос не подчинялся ему. – Таня...

– Максим, милый, что с тобой? Почему ты молчишь? Ты ранен?

Он сделал последнее усилие:

– Таня... Я здесь... третий день... без воды... опыт не удался... и вот...

– Максим, родной мой! Потерпи, я сейчас же на кордон за людьми. Ты слышишь меня? Я бегом!

– Постой... Как ты... узнала? Кто послал тебя?..

– Никто, я сама. Вчера истек срок, когда ты должен был вернуться из тайги, и мне следовало отправить твоё письмо. Но я не могла. Я не могла, Максим. Я узнала, что ты заходил к дяде Степану, выпросила у него Дружка и ещё ночью пошла по твоим следам. И вот – счастье! Потерпи немного! Я мигом.

Через минуту она скрылась за деревьями. Максим прижался лицом к камню. Рыдания душили его. Но слез не было. Как не было и слюны, чтобы смочить воспалённый язык.

Дальше было сплошное забытие. И рой бессвязных мыслей. Мог ли он быть уверенным, что действительно видел Таню? А не все ли равно... Только бы перестала качаться проклятая гора, и улетели эти ужасные шмели. Он прогнал бы их, если бы смог двинуть рукой...

А снизу снова кто-то зовет его. Нет, хватит! Больше он не поднимет головы. К чему обманывать себя. Да люди и не могут так громко говорить. Так может грохотать только гром. Если бы в самом деле гром! И дождь... Но гром не знает его имени. А тут:

– Максим! Максим Владимирович! Колесников! Мак- си-и-им!

Нет, это не кончится никогда. Он поднял голову, глянул вниз. Люди, люди... Откуда их столько, зачем? И снова:

– Максим! Слушай! Ничего не говори, только слушай! Сейчас мы пошлём с ракетой туда к тебе бечевку. Пригни голову и не пугайся. Лови!

Он послушно приник к камню. Яркая вспышка. Хлопок. Долгое тягучее шипенье. И режущая боль в спине.

– Ой! – Но боль привела его в сознание. Он понял, что бечевка врезалась в спину. Значит, и голоса, и люди – все на самом деле. Он протянул назад руку, нащупал тонкую капроновую лесу.

Голос снизу:

– Поймал?

– Да, да! – замотал он головой, не в силах разжать губ.

– Теперь тяни потихонечку. Это вода.

Вода?... Возможно ли? Вода! Он снова упал на живот, ухватился за лесу обеими руками.

– Тише, тише, не дергай! Вот так. Теперь передохни. Но он уже ничего не слышал. Перед глазами была только кофляга, ползущая по скале. Выше, выше... Руки онемели, вот-вот выпустят бечевку. Он налег на неё всем телом. Перевёл дыхание. Снова потянул. Кофляга уже на перегибе склона... на крутой стене... почти у самой вершины... у него в руках! Холодная, влажная! Теперь пробку. Только бы открыть пробку! Зубами, зубами её!

Вода!..

Он пил её, не отрываясь, захлебываясь, боясь обронить хоть каплю драгоценной влаги, и чувствовал, как с каждым глотком напрягается тело, возвращается жизнь, проясняется сознание. Теперь он отчетливо различал в толпе дядю Степана с рупором и большим полевым биноклем, знакомых охотников, рабочих экспедиции, мальчишек. Не было только Тани.

– Ну как? – Степан Силкин помахал рупором. – Теперь отдохни и тяни дальше. Подадим веревку. Для спуска, значит. Обещали вертолёт, да сам знаешь, как она, техника-то! Спечешься, пока прилетит. Веревка, брат, вернее. Только того, тяни с роздыхом. Дотянешь – перебрось на другую сторону. Здесь мы её закрепим. Да не вздумай сам слезать! Поможем. Народу эвон сколько! Давай тяни.

Спустя час он был на земле. Сбросил стягивающую его петлю, поднялся, сделал шаг вперед и упал на руки старого охотника:

– Спасибо, дядя Степан! И всем, всем...

– Не нас благодари.

– Знаю. Где она?

Силкин потер лоб, кашлянул в сторону:

– Худо с ней, Максим. Надорвалась докторша. – Как надорвалась? Что с ней?

Охотник положил руку ему на плечо, снова кашлянул:

– Ты только не того... Не очень, понимаешь. Здесь она, вон там, в теньке. Не надо ее тревожить. В больницу я послал.

– Но как же... Почему? – Максим рванулся, упал, вскочил снова. – Как же так?..

Таня лежала в небольшом, наспех набросанном шалашике на хвое пихты. Он опустился рядом:

– Таня!

Она открыла глаза, слабо взмахнула ресницами:

– Максим, ты жив! Какое счастье. А я... Наклонись ближе. Мне нельзя двигаться. Сердце... Давно пошаливало. А тут... Понервничала я. Но ничего... Может, пройдет. А если... Если мы больше не увидимся, то знай, одного тебя я любила. Всю жизнь. И еще – рисунок мой... Его передадут тебе. После... – она закрыла глаза.

Издали послышался шум приближающегося вертолета, Максим осторожно взял ее за руку:

– Таня, слышишь, летят! Теперь все будет хорошо. Сейчас мы отправим тебя...

Она не отвечала. Он похолодел от ужаса:

– Таня! Что же это, Таня?! Дядя Степан!! – он попытался вскочить. И упал. Сознание оставило его.

Очнулся Максим в больничной палате, на койке, при свете ночника. Рядом стояло еще несколько кроватей. В них спали. Дверь в коридор была закрыта. Он сбросил одеяло, нажал кнопку звонка. Через минуту вошла сестра. Прохладная рука легла на лоб, поправила волосы:

– Проснулись? Лежите, не вставайте. Сейчас принесу бульон.

– Сестра, скажите...

– Вам нельзя много говорить.

– Хорошо. Узнайте только...

– Врач не велел разговаривать с вами ни о чем.

– Но одно слово, пожалуйста. Как Таня?

– Неблагополучно с Татьяной Аркадьевной..., Максим вскочил на койке:

– Что? Говорите!

– Лягте. Лягте сейчас же! Я сказала, вам нельзя...

– Но она жива? Скажите – жива? Да что вы молчи те?!

Сестра как-то судорожно открыла рот, отвернулась и выскочила в коридор. Оттуда послышался сдавленный плач. Максим зарылся лицом в подушку.

Это было единственное место, которое ему осталось навестить перед отлетом из Отрадного, – тихое кладбище на лесной поляне, где лежали его отец и мать и где только что вырос свежий могильный холмик. Он опустился перед ним на колени и прижался лбом к холодному песку.

Какой ценой расплатился он за свою безрассудную идею?

Рокот мотора вывел его из оцепенения и забытья. Рейсовый вертолет шел на посадку к аэродрому. Пора! Прощай, Таня...

Он оторвал лицо от земли и чуть не вскрикнул от удивления и боли: огненно-красный бутон астийского эдельвейса пламенел на голом песке могилы, распространяя вокруг ни с чем не сравнимый горьковатый аромат...

А потом было письмо Силкина. Письмо странное. В нем дядя Степан после традиционных поклонов подробно рассказывал о своих охотничьих делах, о всех vormалеевских знакомых, а в конце писал: «И еще я хотел сообщить тебе – не знаю, как и написать об этом, – вскоре после отъезда твоего из Отрадного пропала могила нашей

докторши Татьяны Аркадьевны. И не то, чтобы кто-то порушил ее, нет, совсем пропала могила: на том месте, где хоронили ее – сплошная дерновина, словно тут никто никогда и не копал. Весь Вормалей до сих пор только об этом и говорит. А я так не знаю, что и подумать, отродясь такого не случалось. Хотя должен тебе сказать, что в тот день, когда мы ее хоронили, – ты тогда еще в больнице лежал, – я подошел проститься к гробу и, веришь – будто живая была докторша, даже румянец на щеках. Я еще подумал тогда: что-то тут не совсем ладно. И вот, такое дело... А на днях Кузьма Вырин, отрадненский охотник, рассказал мне, что в канун того дня, как пропасть могиле, он видел, будто часа в два ночи упала с неба звезда, как раз на кладбище. И такая, слышь, яркая, какой он сроду не видывал. Ну, Кузьма, ты знаешь его, горазд и прихвастнуть, с него станет. Но когда столько всего сразу, тут уж сам понимаешь... И все ж таки есть тут у нас и такие, которые не верят во все это. Особенно начальство. Говорят, просто похоронили докторшу в другом месте, стало быть, перепутали мы и разводим теперь религиозный дурман. Но ты-то знаешь, что Степан Силкин не верит ни в черта, ни в дьявола и никогда ничего не путал, даже в самой что ни на есть глуши, а не то что на нашем кладбище, хоть и много здесь теперь хоронят всякого пришлого люду. А пишу я это потому, что сами вы с Антоном Дмитриевичем не раз у меня пытали, не слышал ли я о чем-нибудь диковинном, необъяснимом. Так это вот самое диковинное и есть...»

Тогда, прочтя письмо, Максим не знал, что и подумать о столь необычном происшествии на Отрадненском кладбище. Скорее всего, решил он, это акция тех враждебных сил, которые срывали их экспедиционные работы. Ему и в голову не могло прийти, что Таня осталась жива, ведь он сам видел свежую могилу перед отлетом из Отрадного. А оказывается, Этана спасла ее, и она до сих пор ждет его, Максима. У него даже в горле запершило от неожиданной радости. Еще сутки назад он не знал, куда голову приклонить после выписки из больницы. А теперь...

А теперь? Вновь вернуться к Тане, как новоявленный Пер Гюнт к Сольвейг, после восьмилетнего отсутствия, после того, как разрушил ее девичьи мечты, пренебрег ее чистой доверчивой любовью?

Нет, на это он не пойдет! С точки зрения Этаны все это, может быть, и разумно, даже логично. Но здесь, на Земле... Сюда он вернулся только затем, чтобы избавить людей от атомной гибели, а все остальное...

Но что остальное? Разве это не те же люди? Разве, думая о людях вообще, он не может думать теперь и о Тане, ее будущих детях, ее внуках, ее радостях и надеждах? К чему это кичливое донкихотство? Особенно сейчас, в его идиотском положении. Он всегда был предельно откровенен с Таней. Она всегда знала о нем все. И о нем, и о Мионе. Он расскажет ей все и теперь. Кому же еще? Кто еще сможет понять его, понять и помочь в его большом трудном деле?

8

На летном поле народу было немного, до отправления вертолета оставалось чуть больше часа, и Максим не спеша направился к кассе. Не успел он, однако, подойти к зданию аэровокзала, как путь ему преградил недавний знакомый в сиреновой кепке. Максим быстро обернулся –? двое других парней стояли поодаль, за его спиной.

– Лететь собрался? – коротко бросил обладатель сиреновой кепки.

– Да, как видишь, – ответил Максим, мысленно примериваясь, как лучше привести в исполнение недавний совет Этаны.

– Ничего не выйдет, приятель.

– Это почему?

– Вещички кое-какие тут у тебя остались.

– А что тебе за дело до моих вещей?

– Они мне нужны. И пока я не получу их... Раздумывать было некогда. Максим попытался схватить парня за руку, заглянуть ему в глаза. Однако локти его, -точно

железными тисками, стиснул другой парень, подскочивший сзади, в то время как третий их сообщник принялся обшаривать карманы Максима.

Максим рванулся, попробовал высвободить руки. Но что мог он сделать один против трех здоровенных верзил на почти пустом поле аэродрома? Хорошо еще – с ним нет диска и бумаг. А если они что-то пронюхали и потребуют, чтобы он повел их в дом Силкина, указал место, где спрятано все это? Максим лихорадочно обдумывал, как бы направить врагов по ложному следу. Но в это время Из стоящего неподалеку небольшого здания аэровокзала вышли несколько молодых мужчин, судя по одежде, местных спортсменов, и, оживленно разговаривая на ходу, направились в сторону Максима и обступивших его парней. Те сразу встали в позу скучающих бездельников.

– Эй, дядя! – обратился один из спортсменов к Максиму. – Закурить не найдется?

– Я не курю, – ответил Максим, стараясь угадать, что можно ожидать от этих, рослых молодчиков.

– Вот, ребята, курите! – поспешно вынул из кармана пачку сигарет обладатель сиреновой кепки.

– Постой, постой! – придвинулся к нему спортсмен, – Димка, взгляни, не этот ли тип слямзил у нас прошлым летом мяч и сетку?

– Он самый! – ответил второй спортсмен. – Я его сразу узнал.

– Что вы, ребята, сдурели? – взмолился парень в кепке. – Прошлым летом меня здесь и не было! Вы что-то путаете.

– Мы путаем?! А ну, дай ему, Димка!

И не успел Максим опомниться, как летное поле огласилось бранью, злобными выкриками, в воздухе замелькали кулаки – все смешалось в одну сопящую, пыхтящую, изрыгающую проклятья кучу.

А уже через минуту послышался вой милицейской сирены, и бравый сержант, выпрыгнувший из патрульной машины, закричал на весь аэродром:

– Ну, вы, ледовая дружина! Опять за старое? Спортсмены, как по команде, отступили в сторону. Сержант подошел к изрядно помятым парням:

– За что они вас так, товарищи?

– Да вот стоим, никого не задеваем. Вдруг эти... Какую-то прошлогоднюю сетку вспомнили. А мы всего несколько месяцев, как в леспромхозе. Можете проверить.

– Слушайте его, сержант! Да он еще в прошлом году...

– Ладно, давайте в машину! Все, все! Там разберемся. На стоящего чуть поодаль Максима сержант не обратил ни малейшего внимания. Втолкнув всех участников потасовки в машину, он дал сигнал шоферу, и через несколько минут над аэродромом снова повисла прежняя покойная тишина. Максим огляделся по сторонам и, убедившись, что никто за ним больше не следит, прошел в здание аэровокзала и обратился к девушке-кассиру:

– Кисловодск, пожалуйста.

9

Капитан Рябинин взглянул на часы и, скомкав недописанный лист бумаги, бросил в сердцах карандаш на стол. Через два часа он должен был отправить по ВЧ очередное донесение в Москву. Но как связать воедино и более или менее толково объяснить все, что произошло в течение последних суток?

Прежде всего ему доложили, что исчез Силкин. Собственно, в этом не было ничего особенного: старик и раньше уходил незамеченным в тайгу на охоту. Настораживало другое: утром этого дня он был в больнице с Чалым. Позднее их видели вместе на дороге к аэродрому. Обрато Чалый вернулся один и долгое время находился в доме Силкина. Вышел он оттуда с пустыми руками. Однако все в доме оказалось перевернутым вверх дном: значит, Чалый что-то искал. Но что? И что ему вообще понадобилось от старика? Это нужно было выяснить.

Затем сам Колесников. По выходе из больницы за ним сразу увязался все тот же Чалый. Колесников побывал в доме Силкина. И тоже вышел с пустыми руками. А потом неожиданно исчез. Исчез, как растаял. Ушел и от Чалого, и от людей его, Рябинина. И в этом тоже не было ничего удивительного: Колесникову, как стало известно капитану, были с детства знакомы здесь каждый овражек, каждая тропинка. Но как доложить обо всем этом Звягину?

Рябинин взял новый лист бумаги, стиснул зубами кончик карандаша. Конечно, он принял все необходимые меры. Его люди непрерывно дежурят на вокзале и на аэродроме – других путей из Вормалея нет. У дома Силкина – засада. С Чалого тоже теперь глаз не спускают. Но Колесникова-то он проморгал. И Колесникова, и Силкина. Генерал голову за это снимет.

Вдруг в дверь постучали, и в комнату влетел прикомандированный к нему сержант: V – Нашелся! Нашелся, товарищ капитан!

– Кто нашелся?

– Колесников нашелся. На аэродроме он. Я только что оттуда. Там, понимаете, такое дело... Не успел, значит, он, Колесников то есть, появиться на летном поле, как откуда ни возьмись – Чалый. И эти двое, что при нем. Один уж и руки Колесникову заломил, другой – за его карманы. Ну, мои люди, конечно, сразу к ним. А я в машине, смотрю, И как увидел, схватились ребята – так прямо по полю туда. Что, говорю, за драка такая? Они, ясно, то да се. А я им: в машину! Теперь они тут, в оперативной. Дежурный протокол составляет...

– Ну, а Колесников? Колесников-то что? – перебил сержанта Рябинин.

– Колесников? Фу, черт, главное забыл! Колесников взял билет на вертолет. В Кисловодск летит.

– В Кисловодск?! Почему в Кисловодск? Час от часу, не легче! И скоро вылет?

Сержант взглянул на часы:

– Через двадцать минут.

– Проклятье! Что же делать? – Рябинин с минуту подумал, потом с силой рубанул рукой воздух. – В общем, так. Слушайте, сержант! Сейчас же позвоните в аэропорт и забронируйте мне место в вертолете. Дальше – через два часа связь по ВЧ с Управлением. Сообщите им... Да вот тут уже все написано, – он расправил скомканное донесение и подал сержанту. – Добавьте только, что Колесников вылетел в Кисловодск и я вместе с ним. И последнее. Этих троих... – он кивнул на дверь, – в общем, извиниться и отпустить. Дескать, недоразумение вышло. Но чтоб не спускать с них глаз ни на минуту! За это, сержант, вы отвечаете головой. Главное – узнать, что они ищут у Силкина. Ну и все остальное по плану.

– Ясно, товарищ капитан.

– Машина здесь?

– Так точно!

– Тогда звоните в аэропорт и едем!

10

Шум вертолета успел растаять в весенних сумерках, когда Чалый, запыхавшись от быстрого бега, подскочил к билетной кассе и, не переводя дыхания, зачастил молящим голосом:

– Девушка, дорогая, будьте добры... Тут сейчас, этим последним рейсом, улетел мой друг Колесников Максим Владимирович. А я вот... – он растерянно повел плечами. – Не могли бы вы взглянуть, куда он взял билет?

– Куда взял билет? Хорош друг, если не знаете даже, куда он летит, – смерила его кассирша насмешливым взглядом.

– Да так получилось... В отпуск он пошел. А перед отпуском, сами понимаете, выпили мы, как водится. Крепко выпили. Ну и того... Я говорю: дуй к морю, там теперь цветы,

экзотика... А он: родственников навестить надо, давно не видел их, обидятся. В общем, спорили мы, спорили, я и не помню, на чем он в конце концов остановился. Думал, здесь, в аэропорту, его перехвачу, так вот опоздал... А мне деньги переслать ему надо: по одному наряду работали, завтра как раз получка. Отпускнику же... Ему каждая копейка дорога. Взгляните, девушка!

– Скажите, какой заботливый! – смягчилась кассирша.

– Так ведь друг...

– Ну, если друг... – она раскрыла регистрационный журнал. – Как вы сказали, Колесников?

– Да, Максим Владимирович!

– Та-а-ак, Колесников... Есть такой. В Кисловодск он улетел, ваш дружок. С транзитом до Минеральных Вод.

– В Кислово-о-одск? Я так и думал, – спохватился Чалый. – Там, в Кисловодске, у него брат. Так... Значит, в Кисловодск. Спасибо, девушка. Большущее спасибо!

11

– Ну, что же, Сергей Сергеевич, – начал Звягин, не спеша закуривая, – пора подвести итоги: что нам уже известно и что неизвестно в деле Колесникова. Прежде всего нужно, видимо, считать установленным, что он действительно побывал на каком-то инопланетном корабле и является теперь источником уникальнейшей информации. Дальше. Не менее достоверным является то, что обо всем этом – если не более – известно и нашим врагам, и они поставили задачу: во что бы то ни стало заполучить столь ценную информацию. Наконец, мы можем предположить, что их интересует не столько сам Колесников, сколько какие-то вещи или материалы, доставленные со звездолета.

Что мы еще не знаем? Мы не знаем, что все-таки ищут враги. И Рябинин принял верное решение, предоставив им дальнейшую свободу действий: это может помочь разгадать их истинные намерения. Мы не знаем, какую роль играет БО всем этом Силкин. Я уже дал задание vormaleevским товарищам вплотную заняться охотником. Мы не знаем, наконец, почему Колесников вылетел именно в Кисловодск, а, скажем, не в свой прежний институт или какое-то другое учреждение Академии наук.

Да, кстати, о Кисловодске, – Звягин придвинул к себе папку с оперативной документацией. – Тут вот пришли любопытные материалы. В известный вам институт ядерной физики на днях поступило заявление о приеме на работу от некоей Аллы Федоровны Нестеренко, бывшей учительницы из Кисловодска. К заявлению приложено рекомендательное письмо старшего научного сотрудника Дмитрия Андреевича Зорина. Ну-с, документы у этой Аллы Нестеренко как будто в полном порядке, анкетные данные тоже, как говорится, в норме. Но когда тамошние кадровики связались с Кисловодском, то обнаружилась интересная история: в Кисловодске эта самая Нестеренко никогда прописана не была, и в школе, где она якобы учительствовала, о ней никто ничего не знает. Вот кадровики института и решили обратиться к нам.

– Любопытно! И вы полагаете...

– Тут полагать нельзя, Сергей Сергеевич. Тут надо знать, точно знать. И поскольку Рябинин уже в Кисловодске, дайте ему задание провентилировать и этот вопрос.

– Да, разумеется. Только... Зорин-то ведь в институте под Москвой.

– Нет, Сергей Сергеевич, Зорин как раз в Кисловодске, гостит там у отца. Там же была написана и рекомендация.

– Вот как! Дайте-ка мне эту папку.

– Для вас и приготовил.

– Так, так... – проговорил Левин, листая документы. – Интересно... Очень интересно! А как вы решили поступить с самой Нестеренко?

– А Нестеренко я попрошу немедленно и без всяких проволочек оформить на работу в институт.

– То есть?

– А что тут вам неясно, подполковник? – усмехнулся Звягин. – Пусть поступит, поработает, а там, глядишь, и потянет за собой ниточку. Глаз мы с нее, конечно, не спустим, ну и... Сама она, по-видимому, лишь мелкая сошка. Но кто стоит за ней? И что им нужно в институте? Вот что важнее всего установить. Да и Кисловодск... Почему именно из Кисловодска вылетела эта птаха?

– Да, непонятно. И, может быть, не случайно. Колесников направился в Кисловодск, а не в другое место.

– Признаться, такая же мысль мелькнула и у меня. Может быть, в самом деле тут есть какая-то связь. Но какая?

Телефон Ханта зазвонил, как всегда, в самое неподходящее время. Генерал Колли только что распорядился подать машину, чтобы ехать на бейсбольный матч, после чего его ждал ужин в обществе одной хорошенькой брюнетки, И вот, пожалуйста! Ни раньше ни позже! Но Ханта к черту не пошлешь. Колли взял трубку.

– Это ты, Майкл?

– Да. Здравствуй, дружище! Как настроение?

– Все в норме, благодарю.

– Очень рад за тебя. Послушай, Дик, когда ты собираешься окончательно развернуть свою Систему Глобальной космической обороны?

– Когда будет закончено развертывание Глобальной? Ну, знаешь!..

– Знаю, секретнее у тебя ничего нет. Но мне можешь довериться. Все равно мои люди рано или поздно уведомят меня. К тому же это не просто любопытство.

– Я думаю, черт возьми! Только...

– Что только?

– Как тебе сказать... Мы рассчитывали закончить все к концу года. Но появились непредвиденные затруднения. Пришлось провести новую серию испытательных взрывов. А ты же знаешь, эти чертовы политики и дипломаты загнали нас под землю. Там не очень-то разгонишься. Словом, полтора-два года еще потребуется.

– Плохо, Дик. Очень плохо! Боюсь, что через полтора-два года тебе придется выбросить на свалку не только эту твою систему, но и все бомбы и ракеты.

– Как так?! Что ты имеешь в виду? Опять этот «феномен икс»? Он вернулся?

– Нет, не вернулся, но нам от этого не легче. Русские снова опередили нас, заполучили у инопланетян секрет стабилизации радиоактивных изотопов.

– А ты не можешь попроще, без этого жаргона яйцеголовых?

– Ну, если проще: они научили русских, как добиться того, чтобы в случае войны ни одна наша атомная бомба не взорвалась.

– Да разве это возможно?

– Возможно. Все возможно.

– Куда же смотрят твои агенты? Почему они не выкрали этот секрет? Не уничтожили все эти адские машины или чего там еще, что заполучили русские?

– Не так это просто, дружище. Мы делаем все, что можем, но... Вот только что сорвалась очередная операция в Сибири. Россия – не Центральная Америка.

– Ты доложил об этом президенту?

– Нет, считаю, не стоит пока вводить его в игру. Не испортил бы все дело раньше времени. Что ты, не знаешь президента?

– Да, к нему можно идти лишь с готовым предложением, когда все встанет на свои места.

– Вот именно.

– Что же ты думаешь делать?

– Будем продолжать охоту за «адскими машина ми». Пока не все потеряно. Русским тоже надо еще

работать и работать. Но и тебе советую поторопиться. Двух лет они нам не дадут.

- Ясно. Нажмем на все рычаги.
- Надо, Дик, надо. Всего доброго, дружище. Колли устало опустился в кресло. В дверь заглянул дежурный офицер:
- Машина подана, господин генерал.
- К черту! Все к черту! Вызовите ко мне начальников штабов и всех, кто занимается Глобальной.
- Вызвать на какой час?
- Сейчас! Сию минуту! Немедленно!!
- Слушаюсь, господин генерал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Часы пробили четыре. Зорин собрал со стола бумаги, снял халат и собирался уже выйти из кабинета, как зазвонил телефон. Он взял трубку.

- Андрей Николаевич? – послышался голос Тропининой. – Как завтра горы?
- Простите, Татьяна Аркадьевна. Завтра я никуда пойти не смогу, у меня болен сын.
- Болен Дмитрий Андреевич? Что с ним?
- Боюсь сказать точно, но....
- Сейчас я поднимусь к вам.

Через минуту она была у него в кабинете:

- Что случилось, рассказывайте.
- Все произошло совершенно неожиданно, хотя как будто и не беспричинно. В среду вечером у него был довольно сложный разговор с заведующим лабораторией. Потом обнаружились еще кое-какие неприятности. Словом, пришлось понервничать. В четверг он ушел из дому в очень возбужденном состоянии, вернулся поздно, в расстроенных чувствах, сказал, что хочет уснуть. А утром поднялась температура, начался бред...
- И вы молчали! С кем он сейчас?

– Там одна старушка-соседка... Вечером обещали прийти терапевт и психоневролог. Я попросил Ивана Спиридо-новича.

- Никаких терапевтов и психоневрологов! Пойдемте.

Дмитрий был без сознания. Мокрые волосы его слиплись

на лбу. Небритые щеки ввалились. Дыхание с хрипом вырывалось из груди.

Тропинина с минуту послушала его, прикладывая ухо то к груди, то к вискам. Затем достала из сумки знакомую коробочку:

- Разденьте его, Андрей Николаевич. А вы, мамаша, можете уйти, спасибо вам.

Зорин с мольбой взглянул в глаза Тропининой.

– Ничего страшного. Сейчас я все сделаю. – Она склонилась над больным и начала осторожно манипулировать ладонями, едва касаясь его боков, груди, потом перенесла руки на голову.

Вскоре дыхание Дмитрия выровнялось. Он открыл глаза. Спекшиеся губы разжались:

- Татьяна Аркадьевна?... Какое счастье... А я вот...

– А теперь спать, Дмитрий Андреевич. Спать, спать! – она легонько коснулась его шеи, и Дмитрий вновь закрыл глаза. Но теперь дыхание его было ровным, глубоким. Он спал хорошим сном здорового человека.

Тропинина обернулась к Зорину:

- Ну, а как вы? Сколько ночей не спали?

– Спасибо вам, Татьяна Аркадьевна!

– За что спасибо? Разве я могла поступить иначе? А вот вас стоит пожурить. Хотите опять загнать сердце? Ну-ка, идите, лягте.

Маленькое теплое ухо коснулось его груди. А через минуту он снова ощутил ласкающий холодок ее ладоней. Зорин закрыл глаза, полностью отдаваясь приятной истоме, медленно разливающейся по всему телу. Мозг его начал затуманиваться. В нем билась одна-

единственная мысль: «Что стоят все невзгоды жизни по сравнению с минутой такого блаженства!»

– А теперь усните, – услышал он будто издалека тихий голос Тропининой. – Ивану Спиридоновичу я позвоню, чтобы не беспокоился. До завтра, Андрей Николаевич...

2

Проснулся Зорин от яркого солнца, бившего в глаза. Сознание еще хранило ощущение чего-то приятного и радостного. Он с хрустом потянулся и вдруг увидел сына. Тот сидел на краю кровати в мягкой пижаме, с всклокоченными волосами и густой щетиной на ввалившихся щеках. Но глаза его смеялись:

– Ну и горазд ты поспать, папка! Я уж хотел будить тебя. Живот подвело от голода.

Зорин вскочил с кровати:

– Сейчас я все организую.

– А ты что, даже не разделся вчера?

– Так получилось, сын, – он наскоро поплескался под краном, наполнил чайник, включил газ. – Яичницу будешь?

– Все буду. Да ты не торопись, я еще побреюсь сна чала.

– Тогда я котлеты поджарю.

Зорин достал из холодильника фарш, поставил на плиту сковороду.

– Папка-а! – снова послышалось из ванной. – А у нас вчера кто-нибудь был или мне показалось?

– Врач был.

– Тропинина? – Дмитрий высунул из двери намыленную физиономию. – Тропинина, да?

– Тропинина. Она и поставила тебя на ноги. А то я уж голову потерял.

– Да я и сам думал, конец пришел. Зато теперь вижу, что за врач наша Татьяна Аркадьевна. Волшебница! Слушай, папка, где у вас тут можно цветов достать? Не каких-нибудь, а понимаешь, чтобы дух захватило!

– Подожди ты с цветами! Вчера вон телеграмма пришла. Ты почему Алене не пишешь?

– А зачем ей писать?

– Вот тебе раз! То он без нее жить не мог, предложение сделал. А теперь...

– А теперь думаю, не стоит мне на ней жениться.

– Ну, ты вот что... Есть вещи, которые не решают так вот между бритьем и завтраком.

– Верно, вот поедим, тогда и потолкуем. У-ух, какой запах! Будто сто лет не ел!

Зорин терпеливо ждал, когда сын уничтожит последнюю котлету, потом сказал:

– А как с письмом в институт? Написал ты им что-нибудь?

– Нет, не написал. И не буду. Незачем! С братом Аллы я виделся, он мне все объяснил. Человек действительно вынужден без прописки перебираться с квартиры на квартиру, лишь бы остаться в городе, где он надеется избавиться от своей болезни. Что же касается сестры его... Пусть институт сам проверяет, кто она и чем дышит. Не беспокойся, у них целый штат для этого существует. А чем я могу им помочь? Я же, в самом деле, ничего не знаю. Да и жить-то мне здесь осталось... Скоро сам явлюсь пред грозны очи Саакяна.

– Саакян здесь ни при чем, – жестко возразил Зорин. – В делах такого рода непосредственный начальник, кто бы он ни был, далеко не единственный и даже неглавный судья.

– А какой суд имеешь в виду ты? Органы госбезопасности?

– Органы госбезопасности – само собой. Но главным судьей всегда останется твоя совесть.

– Ну что совесть? Я же объяснил тебе, Виктор болеет и...

– Да, объяснил. Но я должен со всей ответственностью, как врач, сказать, что никакой болезни, которая помешала бы человеку жить где-либо, кроме Кисловодска, просто не существует. А потом – почему Виктор так поспешно сменил квартиру? Я интересовался – хозяева не выселяли его. Кстати, ты знаешь, где он теперь живет?

Дмитрий покачал головой.

– Вот видишь. И еще – если они оба не были прописаны в Кисловодске, то как Алла Нестеренко могла работать в городской школе?

– Ты что же, думаешь...

– Я думаю, тебе надо сегодня же поехать в Пятигорск и подробно рассказать обо всем кому следует.

– Нет, папа, только не это! – Дмитрий с опаской посмотрел на полузашторенное окно.

– Но почему нет? Ты боишься чего-то? – перехватил Зорин его взгляд.

Дмитрий отвел глаза в сторону:

– Я не могу этого сделать. Не могу! Поверь мне, папа. И прошу тебя, не спрашивай больше ни о чем!

– Ладно, не буду. Ты расскажешь обо всем сам. А это нужно, сынок. Нужно! Чтобы снять с души тяжесть, которая гнетет тебя. И помочь тебе в этом смогу только я. – Зорин привлек голову сына к груди, пригладил его рассыпавшиеся волосы.

На мгновение Дмитрий, казалось, перестал дышать. Затем резко высвободил голову из-под рук отца:

– Хорошо, пап, я расскажу тебе все. Все-все! Только..., Дай слово, что этого никогда не узнает Тропинина.

– Я обещаю тебе, сын.

Тогда слушай. Этот Виктор примазался ко мне еще в поезде, поменялся местами с каким-то стариком. Я не при-дал этому никакого значения. А потом...

– ...Димка, Димка! – покачал головой Зорин, выслушав сбивчивый рассказ сына. – Нет чтобы рассказать все чуть раньше. А теперь... Теперь действительно ехать тебе в Пятигорск небезопасно. Но и оставлять все это так – тоже нельзя. Что же нам делать, буйная головушка? Придется ехать мне, другого выхода я не вижу. Против этого, надеюсь, ты не будешь возражать?

– Нет, папка, – вздохнул Дмитрий, словно сбрасывая с плеч огромную тяжесть. – И что бы я стал делать без тебя! Когда думаешь поехать?

– Сегодня, сын. Иначе будет поздно. Кстати, у меня есть там кое-какие дела. Только вот что, Дима. Мы должны не только покаяться, но и помочь товарищам из госбезопасности. Постарайся описать мне этого Виктора: его внешность, привычки, какие-то особые приметы...

– Да ничего особенного, папа: высокий, стройный, светловолосый, курит... Да, вот! Он, когда ходит, то... как бы это сказать? Будто подергивает левым плечом. Да, лменно подергивает, точно ему мешает что-то там, под пиджаком.

– Отлично, Дима! Это уже кое-что. Ну, а теперь, уж коль мы завели этот откровенный разговор, пора нам потолковать и об Алене. Скажу прямо, не нравится мне твое отношение к ней. Я хочу, чтобы ты серьезно взвесил...

– Да все я взвесил, папка. Все обдумал. Что мы будем за муж и жена? Я кандидат наук, а у нее – дай бог семь классов сельской школы. Помнишь, ты и сам говорил...

– Ну, меня ты не приплетай. Сейчас о тебе речь. Ты что, сегодня только узнал, что у нее семь классов сельской школы?

– Важно не то, когда человек что-то узнает, а то, когда он проанализирует эти знания, сделает из них соответствующие выводы.

– Ловко! И ничего не возразишь. Только что же ты не сделал этих выводов раньше, до того, как предложил девушке стать твоей женой? Что она теперь скажет матери? Каково ей самой будет пережить все это?

– Что ты меня пытаешь, папа! Ну, ошибся я, поторопился Кто не ошибается? Хуже было бы, если б я осознал эту ошибку, скажем, год-полтора спустя, когда, чего доброго, появился бы на свет третий... – Да-а, в логике тебе не откажешь. И все-таки, Дмитрий, нельзя относиться к людям как к шахматным фигурам. Пойми это!

– Да понимаю я, папка, понимаю! Не думай, что я такой уж бессердечный. И жалко мне ее, Алену. Но что поделаешь... Алло! – схватил он трубку зазвонившего телефона. – Да, это я, Татьяна Аркадьевна. Спасибо, превосходно, сейчас только целую сковороду котлет уничтожил.

– Отец? Он тоже молодцом. Так, может, вы навестите своих пациентов? Нет? Жаль... А где вы сейчас? Позвольте мне хоть выразить вам свою признательность. Ну, не по телефону же... Нет, я не задержу вас. Хорошо, только десять минут. Бегу. Бегу сейчас же!

Дмитрий рывком натянул рубаху, повязал галстук:

– Так где найти цветы, папка? Зорин махнул рукой:

– Да хоть на спуске с вокзала к галерее, знаешь?

– Знаю. Бегу!

3

– Можешь меня поздравить, папка! – еще с порога закричал Дмитрий, освобождая руки от свертков и паке тов. – Где ты запропастился, помоги мне!

– Здесь я, здесь, – отозвался Зорин с балкона. – Что ты еще натворил?

– Ничего не натворил. Понимаешь, папа, мне в голову пришла замечательная идея. Я понял, кажется, как управлять этими неуловимыми нейтрино.

– Понял или тебе подсказала Тропинина?

– Ну да! То есть нет. В общем, без нее, я, конечно, ни чего бы не придумал. А тут... Говорю я с ней опять об этой стабилизации ядер, и вдруг будто молнией меня пронзило: ведь если бы нейтрино имели заряд... Словом, дайка мне скорее карандаш и бумагу!

– Вот тут все, на столе. А что это за свертки, пакеты? И вино?!

– О, черт! Забыл самое главное. Она же сегодня придет к нам. Придет и расскажет все-все, И о нептунии и вообще. Сама обещала. Только ты уж займись этим без меня, – кивнул он на свертки. – Мне надо обязательно закончить расчеты, чтобы уже сегодня показать ей. Ведь если моя идея верна... – он бросился к столу, схватил карандаш.

– Постой, постой! Когда ждать-то ее?

– Часов так в пять, в шесть. Да ты только не говори ей об этой глупости...

– Какой глупости?

– Ну, что я собирался жениться, и все эти письма, телеграммы... А у тебя что, и штепселя здесь нет? Куда же я подключу свою счетную машинку? Придется перенести стол в спальню, ты не возражаешь? Или нет, я видел, у тебя был удлинитель... Вот-вот, этого вполне достаточно, спасибо, папа. И пока не забыл – я заказал торт в ресторане, напomini мне. А вино поставь в холодильник. Итак, если масса нейтрино... – он включил счетную машинку, забегал пальцами по клавишам, потом начал быстро набрасывать какие-то формулы.

Зорин с минуту смотрел на его сосредоточенное лицо, съехавший на сторону галстук, непонятные символы, покрывшие уже почти весь лист бумаги, потом поднял с полу брошенные им свертки и, пройдя на кухню, прикрыл за собой дверь.

Да, это были люди совсем другого времени, другого мира. Но ему ли, Зорину, судить, лучше или хуже они их, уходящего поколения...

Он снова взглянул через стеклянную дверь на работающего сына. Тот уже сбросил галстук, расстегнул ворот рубахи. Волосы его упали на потный лоб, пальцы, сжимавшие карандаш, побелели от напряжения. А глаза светились счастьем.

Что двигало им сейчас? Сознание долга перед своим народом, своей страной? Тщеславие молодого ученого, только что вступающего в жизнь? Мысли о той, чей портрет стоял перед его глазами? Или все это вместе взятое, помноженное на молодой задор и молодую удаль, о которой он, Зорин, не мог уже и мечтать?

Он вышел на балкон и, отыскав глазами далекий серпантин, по которому поднимались когда-то они вдвоем с Тропининой, попытался вызвать в памяти ощущения тех счастливых дней. И не смог. Он понял: больше такие дни не повторятся...

Семнадцатому от первого

Еще раз удостоверьтесь, что диск и бумаги Странника остались в Вормалее. Соображения на этот счет, изложенные в вашем последнем донесении, не убедительны. Если ваша версия окажется все-таки верной, продолжайте поиски тайника и ждите возвращения Странника или его посыльного (скорее всего, посыльного) в Вормалее. По возвращении Странника (или его посыльного) сделайте все возможное для захвата диска и бумаг в соответствии с нашей прежней инструкцией. Предупреждаем – это последняя возможность искупить ваши промахи. Если в дело вступят официальные власти и захват диска и бумаг окажется абсолютно невозможным, уничтожьте то и другое любыми средствами.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

– Иван! Что это Степанова собака всю ночь выла? Вон и теперь, слышишь? – покосилась на окно соседка Силкина, Мария.

– Я сам глаз не сомкнул. Воеет, как по покойнику.

Разве пойти взглянуть?

– Иди, иди! Не случилось ли что со Степаном?.. Иван слез с печи и, всунув босые ноги в сапоги, побряхтывая, вышел из избы.

– Не дай-то бог! – перекрестилась Мария и принялась растапливать печь.

Вой собаки смолк. Но уже через минуту дверь громко хлопнула, и в избу, грохоча сапогами, влетел муж:

– Беда, Мария! У Степана в избе – все вверх дном. А самого – нигде. И собака его так в лес и тащит. Не иначе, как порешили старика.

У Марии вывалился хват из рук:

– Типун тебе на язык! Так уж и порешили!

– Ну, порешили не порешили, а что-то случилось со Степаном.

– Что же делать-то, отец?

– Что делать? Идти, куда собака зовет, Собирайся скорее!

– Так у меня печь. Блины вон подходят.

– Туши печь! Какие блины? Пошли-пошли

– Сейчас, старый, сейчас, – Мария заметалась по избе. – И куда у меня все запропастилось?

– Да чего тебе надо-то?

– Одеться надо. И ты оденься. Не в сапогах же на босу ногу пойдешь. На вот! – бросила она ему портянки.

– И вечно ты... – заворчал Иван, но тщательно обулся и, надев пиджак и кепку, вышел вслед за женой.

Дружок ждал у самого крыльца, и не успели они выйти за ворота, как он громко взвизгнул и, непрерывно оглядываясь, припустил к лесу. Старики двинулись за ним. Пересекли небольшой овраг, прошли с полкилометра сплошной чащей, обошли подсохшее болотце и увидели, как собака с лаем бросилась под старую ель. Иван полез за ней. Мария, истоиво крестясь, прислонилась к поваленной лесине.

– Здесь, Мария, – слышалось из-под ели. – Здесь лежит!

– Убитый?!

– Нет, кажись, дышит. Да, дышит. Кто ж его так?..4 Иван выполз из-под ели, отер пот с лица:

– Ну вот что, Мария, беги в больницу, сзывай людей. А я тут побуду.

– Да как я одна-то? Чай боязно...

– Ну! – прикрикнул на нее Иван. – Сказано, беги! Тут до дороги – рукой подать, это мы напрямик перли..
– Бегу, бегу, старый.

2

А на другой день, утром, к ним появился незнакомый молодой парень в промасленной спецовке:

– Здравствуйте, хозяева. Где ваш сосед Степан Силкин?
– А почто он тебе, наш сосед? – свесился с печи Иван.
– Трешницу я занял у него на прошлой неделе в магазине, отдать надо.
– Так нешто ты не слышал? Несчастье с ним!
– Что такое?
– Прибили его сильно и хату разграбили.
– Что вы говорите?! Так где он теперь?
– В больнице, где же еще? 1 – В тяжелом состоянии?
– Куда уж тяжелее. В себя не приходит.
– А он заявил в милицию или еще куда-нибудь, что с ним случилось?
– Только ему и заявлять! Говорят тебе, в себя не приходит человек.
– Так могли другие заявить.
– Кто другие? Я вот хотела баба говорит, не лезь не в свое дело.
– Вообще-то верно, – согласился парень. – Милиция, она затаскает. Ну, а родственникам, близким его сообщи ли об этом несчастье?
– Некому и сообщить. Один сын у него где-то в городе, так никто адреса не знает.
– Вот беда-то! Ну, ладно, простите, что побеспокоил.
– Ничо! Бывай здоров, Чалый вышел на улицу:
«Пока особенно беспокоиться не о чем, – решил он, взвесив все, что узнал. – Но надо торопиться. Да, надо!»

3

– Здравствуй, Кузьма Тимофеевич!
Вырин вздрогнул: Чалый будто вырос из-под земли.
– Здравствуй, мил человек.
– Что-то Николай давно не приносил от тебя никаких вестей, – продолжал Чалый.
– Какие теперь вести? Силкин-то в больнице. Говорят, при смерти.
– Да, большое несчастье случилось с Силкиным.
– Несчастье? – усмехнулся Вырин.
– А ты как думаешь?
– Думаю, кто-то специально подстроил это несчастье, хотел на тот свет спровадить старика.
– Вот как! Ты всем так говоришь? – зло прищурился Чалый.
– Зачем всем, только тебе.
Глаза их встретились. И оба выдержали взгляд друг друга. Но у Чалого нервно задержались веки:
– Ты предусмотрительный человек, Кузьма Тимофеевич. Однако приступим к делу.
– С нашим удовольствием. Еще у кого-нибудь что-то узнать надо?
– Да. Колесников уехал из Вормалея..
– Как же, слышал.
– А бумаги его и кое-что из вещей остались в избе у Силкина»
– Етрина, что ли?
– Ты даже об этом знаешь?
– Так ведь не первый год знаком я с Клавдией-то.

– Тем лучше. Так вот, эти бумаги и «етрина» мне нужны! – властно закончил Чалый.
– Фью-ю! А где их взять-то? Там, в избе у Силкина, говорят, все разграбили какие-то лиходеи...
– «Лиходеи» ничего не нашли, – перебил Чалый. – Силкин все надежно припрятал.
– Понятно... И что же ты хочешь от меня?
– А то не догадываешься? Место, где спрятаны вещи, может указать только Силкин.
– Кому же он теперь укажет?
– Хотя бы Клавдии Никитичне.
– А я тут при чем? Давно ли ты сказал, что будешь сам иметь дело с Клавдией.
– Да, но теперь... – замялся Чалый. Вырин не пытался скрыть нахальной усмешки;
– Теперь тебе не с руки идти в больницу?
– Ладно, мне надоели твои намеки. Надеюсь, ты понял, что от тебя хотят?
– Понял. Но это будет стоить...
– Это будет стоить десять тысяч. Вот! – вынул Чалый пачку сторублевков.
Глаза Вырина сверкнули:
– Ну, за такую сумму я тебе, что хочешь... – протянул он руку к деньгам. Но Чалый снова спрятал их в карман:
– Нет, Кузьма Тимофеевич, сначала место, где вещи лежат, а потом уж денежки.
– Все-таки задаточек пожалуйста, как водится.
– Никаких задатков! – отрезал Чалый. – Узнаешь, где лежат вещи, – десять тысяч твои. Не узнаешь – не взыщи. Все, старик. Действуй!

4

– Вот такие дела, Клава, – закончил Вырин. – Постараться надо. Сумеешь провернуть это дельце, получишь тысячу. Это тебе год работы, сама понимаешь.
– Еще бы не понять! Да ведь как к нему подступиться, к Степану-то? Плохой он больно. В себя не приходит.
– А это и лучше, что плохой. Примаслись к нему, он и того... Откроет душу-то. Да что тебя, учить, что ли?
– Учить меня не надо, Кузя. Только боязно. Боюсь я этого чубатого.
– Боишься? Это ему нас бояться надо. Ведь это он или кто-то из их компании хотели прихлопнуть Силкина. Потому и не с руки самому идти теперь сюда, в больницу, потому и прислал меня. А я прямо намекнул, что знаю, мол, все это. Так он, как цуцик, сжался.
– Ой, Кузя, с огнем ты играешь!
– Волков бояться – в лес не ходить! – усмехнулся Вырин. – А тут дело верное. Давай, Клавдия, постарайся! Сначала ублажи Степана-то. У него ведь тут никого не осталось. А потом: так, мол, и так. Не ровен час... Все под богом ходим... Тогда и вещи пропадут. А я, мол, их приберу и отошлю Колесникову или хоть сыну моему...
– Да знаю, не учи!

– Здравствуйте, мистер Браун, садитесь, – Хант кивнул на стоявшее у стола кресло. – Стаканчик виски?
– Нет, благодарю вас, я не пью.
– Тогда, может быть, сигару? – он пододвинул ящик с сигарами. – Что-то вы совсем перестали информировать нас о «феномене икс»?
– Не о чем стало информировать. Загадочный объект исчез.
– И ничем не дает о себе знать? – в глазах Хаита блеснула коварная усмешка.
– Н-нет, как будто...
– Нет или как будто? Я люблю точность.
– Видите ли... Мы обнаружили одно не совсем обычное явление. Но связано ли оно с исчезнувшим космическим телом...

- Почему же я должен узнавать об этом «не совсем обычном явлении» через третьих лиц?
- в голосе Ханта слышались металлические нотки.
- Я просто не успел... Да и само явление... Почти на уровне помех...
- И все же?
- Как вам объяснить... Один из наших спутников зафиксировал очень слабое гравитационное поле, и это поле вело себя как-то... странно.
- В чем же заключалась его странность?
- Да понимаете, такое поле могло создать только абсолютно неподвижное тело. Или тело, удаляющееся от нас по абсолютно прямой линии. Космические объекты так двигаться не могут, поскольку возмущающее действие солнца и других планет...
- Понятно. Значит, уходящий от нас «феномен икс»?
- Едва ли, господин Хант. Поле существовало всего двадцать минут. И исчезло так же неожиданно, как появилось. Но самое удивительное то, что параметры его непрерывно менялись, менялись так, как если бы это была модулированная волна.
- То есть вы хотите сказать...
- Да, мистер Хант, все это наводит на мысль, что мы столкнулись с чем-то похожим на особый вид связи, связи на гравитационных волнах. Но, повторяю, сигналы были настолько слабыми, почти на уровне помех, что дальше таких предположений...
- Нет, почему же, можно и пойти дальше. Не кажется ли вам, что это могло быть попыткой астронавтов инопланетного корабля (если «феномен икс» был действительно таковым) связаться с кем-то оставшимся на Земле?
- В принципе это не исключено, но, как я уже сказал...
- Да ясно-ясно! А в какой день и в какие часы наблюдалось необычное явление?
- Это я вам скажу. Это было... – Браун полистал свой блокнот. – Вот! Это было в четверг, двадцать четвертого мая, с одиннадцати ноль-ноль до одиннадцати двадцати по Гринвичу.
- Та-ак... – Хант взглянул в последнюю шифровку семнадцатого. – Как раз в те часы, когда Колесников ускользнул из их поля зрения. Остолопы! Упустить такую возможность!
- Что вы сказали?
- Это я так, сам с собой. Ну, что же, мистер Браун, благодарю за информацию. Только давайте договоримся раз и навсегда: о любых явлениях подобного рода докладывать мне немедленно. Мне лично!
- Постараюсь, мистер Хант.
- И еще. Вы не могли бы попытаться расшифровать смысл передачи?
- Что вы, мистер Хант! Нам неизвестны даже принципиальные основы такой связи. Я лишь предположил, что наблюдаемое явление...
- Ну, хорошо, хорошо. Так, значит, мы договорились: обо всем подобном докладывать мне немедленно! Всего доброго, мистер Хант.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

- Да, я обещала рассказать кое-что, – сказала Тропинина, откидываясь в кресле. – Вернее, получила на это право, – добавила она, словно в оправдание, – поскольку мой элемент связи недавно отключился. А это значит, что они покинули наконец пределы Солнечной системы.
- Кто они? Какой элемент связи? – воскликнул Дмитрий.
- Вот видите, сколько сразу вопросов. Я знала, что в двух словах этого не объяснишь. Придется начать издалека.
- Тропинина с минуту подумала:
- Лет десять назад, когда я только что закончила медицинское училище и приехала к месту своей будущей работы, в таежный поселок Вормалей, в жизнь мою ворвалось чрезвычайно загадочное событие, последствия которого я испытываю по сей день.

Впрочем, началось все с тривиальнейшего происшествия. Шла я как-то вечером по глухой лесной дороге и столкнулась с группой пьяных хулиганов. Случай, к сожалению, не из редких. Однако на мое счастье из-за поворота показался незнакомый молодой человек. Он попытался защитить меня. Да где там! Хулиганы смяли его, в руках их заблестели ножи. Я поняла: мне и ему конец. Но в это время произошло что-то непонятное, поднялся странный вихрь, нечто вроде смерча. Он повалил хулиганов наземь, потом они вскочили и бросились бежать, оставив на дороге избитого, потерявшего сознание юношу. И вот тогда...

И Тропинина рассказала обо всем, что произошло в тот вечер и последующие годы ее жизни в Вормалее, начиная с появления таинственной незнакомки и кончая той тревожной ночью, когда Максим в последний раз зашел к ней перед тем, как подняться на Зуб Шайтана.

– Он сам сказал вам о возникшем у него намерении? – поинтересовался Дмитрий.

– Нет, он дал понять лишь, что решился на опасный эксперимент, а в случае неудачи попросил отослать небольшое письмо. Но я поняла, что он идет на гибель. И в эту последнюю ночь не отпустила его от себя...

– Это было ваше прощальное свидание? – тихо спросил Зорин.

– Почти. Наутро он ушел. И, конечно, в тот день не возвратился. Что пережила я в последующие несколько суток! Но вот срок возвращения истек. Осталось выполнить его последнее поручение – отправить по адресу письмо. Но я не смогла этого сделать. Мне пришла счастливая мысль – взять у знакомого охотника собаку (я знала, что Максим заходил к этому человеку) и пойти по его следам...

– И вы нашли его? – не удержался от вопроса Зорин.

– Нашла скалу, на вершине которой он умирал от жажды. Скалу страшную! Он еле слышал оттуда мой голос. Сам Максим говорить почти не мог. Но мне удалось созвать людей. Они сняли его еще живого. А я... Сердце мое не выдержало. Оно остановилось...

– Что-о?! – в один голос воскликнули оба.

– Да, сердце мое остановилось совсем. Как я узнала после, через два дня меня похоронили. Мне даже показали в видеозаписи, как плакал над могилой Максим и какой переполох поднялся потом, когда могила исчезла. Но все это было позже. Много месяцев спустя. А тогда, вскоре после происшествия у скалы, я просто очнулась в каком-то сказочно-прекрасном мире. Как было не поверить в сказку о рае! Но Максим подготовил меня к этому: он не раз высказывал предположение, что его таинственная Нефертити принадлежит какой-то внеземной цивилизации. И это оказалось действительно так: я очнулась на космическом корабле системы Агно.

– И встретились там со своей таинственной незнакомкой? – спросил Зорин.

– Нет, эту милую девушку я так и не увидела. На корабле я встречалась только с ее матерью. Впрочем, она была не менее прекрасна, чем дочь. А надо вам сказать, эти две женщины были единственными, кто остался в живых на звездолете, прибывшем из глубин Галактики.

– Но скажите, Татьяна Аркадьевна, – подал голос Дмитрий, – почему, как вы думаете, инопланетяне остановили свой выбор на вас? Почему именно вас они взяли на корабль? Или это было делом случая?

– Нет, это не было случайностью. Оказывается, Этана, как звали старшую инопланетянку, считала, что она повинна в моей смерти. О, она была очень справедлива по-своему, эта Этана! Только меня до сих пор бросает в дрожь от ее справедливости. Ведь это она не давала Максиму в последние годы встретиться со своей дочерью, хотя та была влюблена в него. Как можно! Раз он поступил совсем не так, как предписывалось Великими законами Разума! Это она чуть не погубила Максима на скале, хотя дочь ее, я знаю, не пережила бы этой смерти. Пусть так! Зато оба они еще раз убедились, как важно не выходить за пределы разумного. Но в общем-то она была несчастна в своей ненависти ко всему, что противоречило принципу абсолютного разума...

– А как она относилась к вам? Как вы жили на корабле? – поинтересовался Зорин.

– Ко мне она относилась хорошо. На борту звездолета – а это была целая планетка с лесами, озерами, домами – мне была предоставлена полная свобода действий. Я многому научилась от нее, особенно в том, что касается медицины. Но дочери своей она мне так и не показала. Та даже не догадывалась, по-видимому, о моем присутствии на корабле.

А потом у меня родился сын, и заботы о нем поглотили все мое время и внимание. Теперь Этана стала еще ласковее ко мне, не раз предлагала вообще не покидать корабль, лететь с ними в систему Агно. Но я ждала лишь, когда немного окрепнет мой малыш. И тут произошло то, чего я боялась больше всего. Однажды Этана сообщила, что ее дочь добилась своего: Максим, потерявший на Земле абсолютно все, разбитый физически и морально, ступил на борт Ао Тэо Ларра. В тот же день я покинула корабль и вернулась на Землю. Я боялась, что Этана будет удерживать меня. Но она без слов согласилась на мое возвращение, даже подарила ампулу с нептунием. Впрочем, тому были особые причины, – голос Тропининой дрогнул. – На прощание она предупредила меня, что мой сын не сможет жить на Земле, как все другие люди. Пеиодически, хотя бы раз в год, ему нужны будут мои биотоки. Понимаете?! Хотя бы раз в год! Значит, срок его жизни точно отмерен: лишь на год больше моего, – она тяжело вздохнула. – Вот какую цену я заплатила за их гостеприимство! Правда, о моей жизни Этана тоже позаботилась, она вживила мне элемент связи с Главным кибером корабля.

– Элемент связи, что это значит?

– Это значит, что до тех пор, пока звездолет находился в системе Солнца, Кибер непрерывно следил за мной, предохраняя от любого несчастного случая. И не сколько раз он действительно помог мне, спас от почти не минуемой гибели. Но вот несколько недель назад элемент связи отключился. Значит, Ао Тэо Ларра покинул систему Солнца, и я освободилась от их опеки, а следовательно но, и от слова, данного Этане: держать в тайне все, что связано с ее кораблем.

Теперь вы знаете все. И обо мне, и о моем сыне. Да, я забыла еще сказать: Этана не раз говорила, что стабилизация радиоактивных ядер возможна. И называла это именно нейтринной стабилизацией. Но вот как это делается? Не знаю...

Тропинина устало прикрыла глаза. Оба Зорина с минуту не могли произнести ни слова, ошеломленные ее рассказом.

– А как же Максим? – спросил наконец Дмитрий.

– Кто знает... Я не видела его восемь лет. Но верю, хочу верить, что он не мог оставить Землю, когда нависла угроза над самым совершенным, что дала ей природа, – разумной жизнью, жизнью вообще.

– И так же, как вы, покинул звездолет? – закончил за нее Зорин.

Она лишь молча пожала плечами.

– А зачем ему было покидать инопланетян? – воз: разил Дмитрий. – Еще там, на корабле, он мог уговорить этих амазонок припугнуть кое-кого из атомных маньяков по ту сторону океана. А здесь, на Земле? Чем он здесь поможет избавиться от угрозы уничтожения всего и вся?

– Как вам сказать... Я говорила, что инопланетяне раскрыли секрет стабилизации радиоактивных изотопов. Не может быть, чтобы Максим не узнал от них об этом. А обладая такими сведениями...

– Не мог не вернуться с ними на Землю, чтобы уничтожить все атомное оружие? – усмехнулся Дмитрий.

– Да, я так думаю...

– Я понимаю ваше желание, Татьяна Аркадьевна. Но, во-первых, должен сказать как физик, что от идеи – если таковая действительно разработана инопланетянами – до ее практического применения – дистанция огро-о-ом-ного размера! А во-вторых... Я не хотел бы вас расстраивать, но... Отказаться от перспективы увидеть иные миры, лишить себя

возможности прожить, может быть, не одну сотню лет, покинуть столь очаровательных женщин...

Я не думаю, что найдется хоть один человек, способный на это.

– Иные миры! Очаровательные женщины! – воскликнул Зорин-старший. – А Родина? А Таня?.. Простите, Татьяна Аркадьевна. А сын?!

– Он не знает, что у меня родился сын, – тихо сказала Тропинина.

– Все равно он вернется к вам, Татьяна Аркадьевна. Не может не вернуться!

– Я хотела бы надеяться на это, но... Он ведь даже не знает, что я осталась жива. Едва ли Этана открыла ему тайну моего воскрешения.

– Ну, это уж было бы такой подлостью...

– У них совсем иные понятия морали. А Максим нужен им...

– И все-таки не отчаивайтесь, Татьяна Аркадьевна.

Мы со своей стороны... Вы же знаете...

– Спасибо, Андрей Николаевич! Только ваше дружеское расположение и помогало мне в последнее время. Но, простите, пора ехать. Уже поздно, меня ждет сын.

– Да, конечно. Мы проводим вас.

– Ну, зачем это? – слабо возразила Тропинина.

– Это нужно, Татьяна Аркадьевна, – твердо сказал Зорин. – Вы слишком взволнованы сегодня, А элемент связи, как вы только что сказали...

– Да, элемент связи избаловал меня. И сразу, как он отключился... Тогда и произошел тот кошмарный случай с грузовой машиной.

– Не вспоминайте об этом, Татьяна Аркадьевна.

– Но в этом воспоминании есть и своя светлая сторона, – неожиданно улыбнулась Тропинина. И Зорин почувствовал, как сердце у него встрепенулось от счастья:

– Да, мы обязательно проводим вас. До самого дома.

2

Через полчаса переполненный автобус, который провез их почти через весь город, остановился у большого серого здания.

– Вот здесь я и живу, – сказала Тропинина. – Простите, что не могу пригласить вас к себе, и...

И вдруг она вскрикнула, побледнела как полотно и начала оседать на землю.

Зорин поспешно подхватил ее под руки:

– Димка, быстрее, вон автомат, скорую помощь!

Но в следующую секунду Тропинина открыла глаза, рванулась из рук Зорина:

– Не надо... скорую помощь...

На этот раз Хант не пытался даже скрыть озабоченности:

– Должен вас уведомить, господа, что операция «Феномен икс», как оказалось, выходит за рамки локального поиска и приобретает исключительно важное стратегическое значение с чрезвычайно далеко идущими последствиями. Речь идет о вполне вероятной возможности лишить нас всего ядерного арсенала.

Небезызвестный вам Колесников выехал в Кисловодск. Почему именно в Кисловодск? Наши агенты не смогли выяснить ни его связей, ни его планов. Но я больше чем уверен, что в Кисловодске он встретится с Зориным. Не исключено, что эта встреча была организована инопланетянами. Да, господа, я располагаю довольно убедительными сведениями, позволяющими предположить, что перед отъездом Колесникова из Вормалея имел место сеанс его связи с внеземным звездолетом.

Что произойдет в результате встречи Колесникова с Зориным, угадать нетрудно. В институте ядерной физики только и ждут информации, которой располагает Колесников. Значит, на карту надо ставить все. Кстати, в складывающейся обстановке

есть и обнадеживающий элемент: видимо, инопланетяне не намерены прямо вмешиваться в наши земные дела, а ограничатся такими вот косвенными актами поддержки русских.

Исходя из всего вышесказанного, я предлагаю следующую схему дальнейшего развертывания операции: первое – максимально усилить наблюдение за Зориным, второе – в случае их встречи организовать немедленное похищение обоих, чего бы это нам ни стоило, третье – обязать четвертого выяснить, не поступили ли в институт какие-либо материалы Колесникова, и вообще – знают ли там о Колесникове и его возможностях, четвертое – разыскать сына Силкина и организовать его поездку в Вормалей –? в данной ситуации это единственно реальная возможность заполучить диск и бумаги Колесникова, если они еще там, в Сибири.

Учитывая всю сложность и значимость планируемой операции, считаю необходимым возложить всю полноту ответственности за дальнейшее ее проведение на моего заместителя мистера Рейли, передав в полное его подчинение всю резидентуру Юго-запада России. Непосредственным руководителем операции на месте назначается наш резидент в Пятигорске. Есть ли вопросы, господа?

С места поднялся заведующий отделом юго-западных районов России:

– Да, мистер Хант. Вы говорите об инопланетянах, внеземном звездолете и тому подобном как об абсолютно установленных фактах, тогда как все это, насколько я представляю, не больше, чем полуфантастическое предположение, и строить на этом такую рискованную операцию, грозящую провалом всей резидентуры моего отдела...

— Можете не продолжать. Все ясно. Да, у меня нет стопроцентной уверенности в том, что все это не окажется чистейшим блефом. И в таком случае я повторяю то, что уже сказал однажды: и слава богу! А если это все-таки не блеф? Если какие-то пришельцы действительно решили помочь русским лишить нас военного могущества? Тогда история и нация не простят, что мы не сделали всего, что в наших силах, чтобы сорвать этот коварный замысел, рискуя любыми потерями, к сожалению, неизбежными в делах такого рода. Все, господа. Все свободны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

– Наш поезд прибывает на станцию Минеральные Воды. Стоянка – пятнадцать минут. – Динамик щелкнул, из него полилась бравурная музыка.

«Минеральные Воды? Значит, скоро Кисловодск!» – Максим в волнении прошелся по коридору вагона, заглянул в расписание. До Кисловодска оставалось около двух Часов. А время уже к вечеру. Зря он, наверное, не стал дожидаться летной погоды в аэропорту, взял билет на поезд. Где устроиться на ночь в незнакомом городе? И главное – с чего начать поиски Тани?

Он вдруг с ужасом вспомнил, что не знает даже ее фамилии. Она всегда была для него просто Таней. Правда, в тот страшный день он слышал, как сестра назвала ее Татьяной Аркадьевной. И это все. Что же, ходить из санатория в санаторий и спрашивать врача Татьяну Аркадьевну? Или прийти в горздрав и там попросить справку о враче Татьяне Аркадьевне, фамилию которой он называть не может? Да его просто поднимут на смех. И, уж конечно, потребуют документы.

Кстати, а как у него с документами? Максим прошел в купе, извлек из кармана паспорт, трудовую книжку, диплом кандидата, военный билет. Паспорт был абсолютно новый. Но, по-видимому, точная копия подлинника. Автоматы Этаны работать умеют. Да, вот и фотография, и его собственноручная подпись... А где она прописала его? Он раскрыл соответствующую страницу. Вот так сюрприз!

«Проживает в городе Кисловодске, по улице Фоменко, дом 104, квартира 28».

Что бы это значило? Кисловодская прописка – это, конечно» кое-что. Но есть ли там улица Фоменко? А вот и еще какая-то бумажка, подклеенная к листку паспорта: «Ехать автобусом номер семь до остановки «Детский сад». А это к чему? Впрочем, Этана ничего

не делает просто так. Значит, он должен посетить этот дом на улице Фоменко. Но с какой целью? Неужели она подготовила для него даже квартиру? Во всяком случае, придется туда съездить...

2

Кисловодский вокзал встретил Максима обычной суетливой толкотней. Высыпавшие из вагонов пассажиры, торопливо снуя по перрону, спешили найти представителей санаториев, агентов курсовочного или квартирного бюро. Тут же толпились частные квартиросдатчики, выискивая наиболее «приличного» клиента. И вся эта пестрая людская масса постепенно перемещалась к небольшой площади, где выстроился ряд автобусов и какая-то девушка с красной повязкой на рукаве быстро и уверенно «сортировала» приехавших, направляя их к той или иной мадонне.

Выждав, когда толпа немного поредела, Максим подошел к девушке и спросил, где ему сесть на седьмой автобус.

– А это не здесь. Вам надо спуститься вот по этой улице до почтамта, пройти к поликлинике, там и будет ваш автобус.

Максим пошел в указанном направлении, и через полчаса комфортабельный «Икарус» доставил его на тихую зеленую улицу, прямо к дому сто четыре.

Вечерело. Солнце готово было вот-вот уйти за горы. Длинные тени протянулись с противоположной стороны улицы. Максим зашел во двор, отыскивал нужный подъезд. Квартира двадцать восемь оказалась на пятом этаже. И Он нажал кнопку звонка: где-то внутри раздался мелодичный перезвон. Но дверь оставалась закрытой.

Постояв с минуту, он машинально сунул руку в карман, нащупал связку ключей. И это предусмотрела Этана! Значит, действительно, ему подготовлена квартира? Ключ без труда повернулся в замке, дверь открылась. Но вместо ожидаемой пустоты он увидел уютно обставленную прихожую: вазочка с цветами перед трюмо, женское пальто и плащ на вешалке, детские игрушки, аккуратно сложенные возле тумбочки с телефоном. Легкий аромат духов пахнул ему в лицо. Нет, это какая-то злая шутка! Он поспешно захлопнул дверь, чуть не бегом спустился обратно вниз.

Во дворе было пустынно. Лишь на скамье перед газоном сидел темноволосый мальчик с книгой на коленях. Но почему так знакомо его лицо? На кого так похож этот не по годам серьезный мальчуган?

Максим подошел к нему, сел рядом на скамью:

– Ты испортишь глаза. Разве можно читать в такой темноте?

Мальчик послушно захлопнул книгу:

– Да, темно, но не хочется идти домой...

– Почему?

– Мама еще не пришла с работы. А одному так скучно.

– Что же она так долго задерживается на работе?,

– Может, на работе, может, зашла куда-нибудь...

– А кто она, твоя мама?

– Моя мама – врач.

«Его мама врач?! Что это, еще одно случайное совпадение или...»

– Нет, не может быть! – воскликнул Максим в ответ на свои мысли.

– Моя мама – врач! – упрямо повторил мальчик. – Почему вы мне не верите?

– Я верю, но... Как зовут твою маму?.

– Татьяна Аркадьевна, – отчетливо произнес мальчик, а у Максима сразу запершило в горле, слезы застилали глаза:

«Татьяна Аркадьевна... Таня... Возможно ли? Но тогда этот мальчик... Этана, Этана... как могла ты не сказать самого главного!»

– Но почему вы все о маме? Почему не спросите, как зовут меня? – недовольно насупился мальчик.

– Да, как зовут тебя? – повторил Максим, жадно всматриваясь в родные черты.

– Меня зовут Вова. А вас?

– А меня Максим... Максим Владимирович.

– Вот здорово! И моего папу зовут Максим Владимирович. Только он где-то очень далеко. Так далеко, что от него даже письма не доходят... А почему вы плачете?

– Разве я плачу, Вова? С чего ты взял? Просто... Просто ветер, – с трудом проговорил Максим, стараясь подавить вдруг подступившие рыдания.

– Нет, вы плачете, я вижу. Послушайте, а может... Может, вы и есть мой папка? Да, конечно, я бы вас сразу узнал, если бы вы были одеты, как на той фотографии, у мамы.

– Какой фотографии?.. – еле выдавил из себя Максим.

– Ну, той, где вы – геолог, в штормовке, с молотком... А теперь вы уже не геолог?

Но Максим не слышал больше ничего, Он прижался лицом к мягким мальчишеским вихрам и дал волю слезам:

– Вовка, сынок! Если бы я только знал...

А маленькие горячие ручонки сына уже обвились вокруг его шеи:

– Ты озяб, папа? Ты весь дрожишь. Пойдем домой!

– Это я от радости, сынок. Сейчас все пройдет, – постарался взять себя в руки Максим. – Подождем маму.

– А она на автобусе приедет. Это там, на улице. Пойдем, встретим ее.

Максим взял сына за руку, и они вышли со двора.

– А вон и «семерка», видишь! – махнул Вова рукой на приближающийся автобус.

Максим впился глазами в открывшуюся дверь машины.

– Да вон же, вон она, мама! – крикнул Вова. – Ой, что это с ней?

Но Максим и сам уже увидел ее, такую же, как восемь лет назад, и совсем другую – уже не девушку, а очаровательную женщину. Глаза их встретились. И Таня вскрикнула, побледнела как полотно, качнулась в сторону, начала оседать на землю. Какой-то мужчина подхватил ее под руки, крикнул другому, чтобы тот звонил в скорую помощь. Но Таня открыла глаза, рванулась из рук мужчины, метнулась к нему, Максиму. Губы ее разжались:

– Не надо... скорой помощи...

А Максим с сыном уже подбежали к ней:

– Таня! Танюша!

– Максим!.. – она обхватила одной рукой его, другой – сына, прижалась к ним обоим, прильнула губами к небритой щеке Максима. – Максим, родной мой! Вовка, сынок! Вот мы и дождались! Это же папка твой...

– Что я, не знаю? Я первый его встретил, – гордо ответил мальчик, высвобождаясь из рук матери. – И что вы оба сегодня плачете? Пошли домой!

– Да-да, пойдем, Максим, – она вытерла слезы, взяла Максима под руку:

– Они улетели? Совсем? Он молча кивнул.

– А ты остался? Ты вернулся к нам? Он только крепче сжал ее локоть.

– Я знала... Я верила, Максим. Я ждала тебя каждый день, каждую минуту! Ведь ты для меня... – она вдруг потупилась, локоть ее дрогнул. – Я понимаю, что никогда не заменю тебе Миону, но...

– Не надо об этом, Таня. Здесь, на Земле, ты – единственный близкий мне человек. А теперь еще и Вова...

– Значит, там... Значит, Этана ничего не сказала тебе о нас?

– Она сказала мне о тебе лишь четыре дня назад, во время последнего сеанса дальней связи, покидая Солнечную систему. А о Вове я узнал только сегодня. Но это она, Этана, устроила нашу встречу, «прописав» меня в твоей квартире.

– Этана осталась Этаной. Но я не сужу ее...

– Ее нельзя судить, Таня. Как нельзя судить Солнце за то, что оно движется по такой, а не другой орбите. Все живут по-своему, в своих, слишком разных плоскостях, и никто не виноват, что иногда эти плоскости пересекаются под самыми невероятными углами. Могли я еще. неделю назад рассчитывать, что сегодня меня ждет такое счастье...
Она без слов прижалась к нему.

3

Автобус ушел. Толпа рассеялась. На опустевшей улице остались двое.

– Вот так-то, сын. Пойдем и мы, – сказал Зорин, зябко запахивая плащ. – Я рад за нее.

– Я тоже рад, только...

– Не надо, Дима. Я понимаю тебя. Но жизнь очень сложная штука. И нужно терпеливо нести через нее нелегкое бремя истинной порядочности, чтобы рассчитывать на такие вот минуты счастья.

– Нет, папка, это все слова. Их можно, конечно, повторять в утешение. Но мы, наше поколение, давно поняли подлинную цену таких сентенций.

– Жаль!

– А мне жаль тебя! О себе я не говорю. Я. может быть, действительно не заслужил любви такой женщины, как Тропинина. Но ты! Можно ли вообще представить человека более порядочного, чем ты. А где оно, твое счастье?

– Счастье надо уметь ждать, сын.

– За счастье надо бороться, папка! А уж если видишь, что надежды на победу нет, то и гори все синим пламенем!

– Не будем спорить, Дима. Я знаю, во мне много старомодного. Но так мы жили... И скажу откровенно, сынок, я искренне надеюсь – пройдут годы, и люди снова будут жить так же, как и мы, так же любить, не требуя никаких векселей, так же делать добро, не рассчитывая ни на какое вознаграждение, так же мечтать о большом счастье, довольствуясь тем, что дала тебе жизнь.

– Папка, папка! Мне бы твою веру! Но я так жить не смогу. И Тропининой для меня больше не существует...

– Тропинина будет существовать независимо ни от твоего, ни от моего желания. Всегда!

4

Она позвонила утром, еще до работы:

– Это я, Андрей Николаевич. Простите, вчера получилось так нескладно... Я не ожидала...

– Полно, Татьяна Аркадьевна! Все получилось замечательно. Я поздравляю вас. И я, и Дима.

– Спасибо, Андрей Николаевич.

– И потом, вот что. Отпуск на три дня я вам уже оформил. Так что никуда не торопитесь сегодня.

– Ой, зачем это?

– Нужно, Татьяна Аркадьевна. Так следует по нашему законодательству.

– Спасибо вам еще раз. Но сегодня вечером мы вас ждем. И вас, и Дмитрия Андреевича.

– Ну, сегодня, я думаю, вам будет еще не до нас.

– Это просьба Максима. Речь пойдет о проблеме нейтринной стабилизации ядер. Дело, оказывается, не терпит отлагательств. Мы ждем вас в шесть часов вечера.

– Хорошо, мы придем, Татьяна Аркадьевна. Зорин прошел в комнату к сыну:

– Ты слышал, Татьяна Аркадьевна с мужем приглашают нас к себе?

– Слышал, но не пойду. Я же сказал вчера...

– Нас приглашают не просто в гости. Предстоит серьезный разговор о нейтринной стабилизации ядер. Видимо, муж Татьяны Аркадьевны хочет познакомить тебя с идеями, которые он почерпнул у инопланетян.

Дмитрий вскочил:

– Черт возьми, это совсем другое дело! Идеи инопланетян! Это же определенно и иные источники энергии, и иной принцип движения в пространстве, а главное – совсем иные горизонты знаний о строении вещества. Ради этого стоит пойти куда угодно. Когда нас ждут?

– Часов в шесть вечера. Дмитрий взглянул на часы:

– С ума сойти! Еще почти полсуток. Нет чтобы позвать с утра, потолковать на свежую голову.

– Но ведь у меня впереди еще рабочий день. И потом, людям надо о стольком поговорить, столько рассказать друг другу.

– Хотел бы я иметь стенограмму их разговоров!

– Зачем! Обо всем, что нужно, ты узнаешь вечером.

– А я хочу знать все, понимаешь, все! Ведь этот Колесников да и Тропинина – оба они, можно сказать, наспигованы информацией. И какой информацией! Каждое их слово следовало бы транслировать на весь мир.

– Но они еще и просто люди, Дима. Хорошие, милые люди.

– А бог с ними обоими! Но эта нейтринная стабилизация... Как ее решили там, в иных мирах? Впрочем, я и свою идею сегодня выложу. Посмотрим, одинаково ли мы мыслим. Кстати, где мои вчерашние расчеты, надо там кое-что уточнить.

– Да сядь, позавтракай сначала!

– Нет, теперь уж не до завтраков.

5

– Вот, в общем, и все, – закончил Максим свой рассказ. – В принципе, как видите, проблема решается до-вольно просто. И Дмитрий Андреевич был на верном пути. Но осуществить ее на практике будет чрезвычайно трудно – и в конструктивном, и особенно в технологическом отношении. Поэтому мы должны обязательно воспользоваться материалами, которыми снабдили меня наши улетевшие друзья. Эти материалы заключаются в моих собственных записях, сделанных в информатории корабля, которых, прямо скажем, все равно недостаточно, а главное – информационном диске системы Агно, содержащем не только все необходимые сведения по стабилизации ядер, но и совершенно уникальные данные по другим разделам естествознания. Беда, однако, в том, что и эти записи, и этот диск остались в Вормалее. Их спрятал где-то во время моей болезни один хороший человек, старый охотник Силкин, а с ним, похоже, произошло какое-то не счастье. Выписавшись из больницы, я обнаружил, что дом старика разграблен, а сам он неизвестно куда исчез. Видимо, кто-то охотится за моими вещами. Мне самому еле удалось уйти от преследования. В такой обстановке я не решился даже начать поиски диска и, чтобы не наводить врагов на след, поспешил покинуть Вормалей.

– А может, диска давно уже нет? – подал голос Дмитрий.

– Нет, с помощью элемента связи я установил, что диск где-то там, в усадьбе Силкина. Но теперь нужно торопиться: диск может быть обнаружен и выкраден в любую минуту.

– И тогда информация окажется в руках врага? – спросил Зорин.

– Нет, информацией не сможет воспользоваться никто. Она считывается диска только через элемент связи. Малейшая попытка вскрыть диск, равно как и моя смерть, поведут к мгновенному его самоуничтожению. Но это не утешение. Потеряв диск, мы сами лишимся ценнейшего источника информации. Вот я и хотел посоветоваться, как быть?

– Что думать, надо лететь в Вормалей. И немедленно! – решительно заявил Дмитрий.

– Кому лететь, нам двоим?

– Хотя бы.

– Нет, друзья, так дело не пойдет, – остановил их Зорин. – Максим Владимирович поступил разумно, покинув Вормалей. Теперь ты, Дмитрий, предлагаешь повторить ту же самую ситуацию. Один или двое – дело не меняет. За каждым вашим шагом будут

следить, и стоит вам найти диск, как враги вырвут его из рук, не останавливаясь ни перед чем.

– Что же делать?

– Я предлагаю лететь вам обоим в институт Дмитрия и там уже решить, как организовать поиски диска.

– Это исключено, – возразил Максим. – В институте мне просто не поверят. Я уже имел дело с «большими» учеными. Они шарахаются от одних слов «внеземная цивилизация». Какие у меня доказательства?

– Доказательства есть, – ответил Зорин. – Нептуний, с которым работает Татьяна Аркадьевна.

– Как, у тебя есть нептуний, Таня? – удивился Максим.

– Да, Этана подарила мне ампулку нептуния для медицинской практики.

– Что же ты молчала? – Это совсем меняет дело. Тогда: летим в институт. Завтра же!

6

– Прошу вас, Сергей Сергеевич, проходите. Вы говорите, хорошие новости?

– Так точно, товарищ генерал, – коротко ответил Левин, кладя на стол объемистую папку с документами.

– Ну что же, выкладывайте, – сказал Звягин, жестом приглашая подполковника сесть.

Тот раскрыл папку:

– Прежде всего, сообщение из Вормалея. Местные товарищи, ведущие наблюдение за Чалым и его сообщниками, установили, что вынюхивают эти шакалы. Колесников, оказывается, привез с собой некий диск, что-то вроде магнитной ленты, с уникальной информацией, позволяющей, в частности, нейтрализовать любое ядерное оружие.

– Что вы говорите!

– Да, именно так, И диск этот до последнего времени хранился у Силкина. Вот почему они так обхаживали старика.

– Так. А где диск сейчас?

– Этого пока установить не удалось. Во всяком случае, Чалый до сих пор до него не добрался, хотя и перерыл сверху донизу весь дом Силкина и чуть не отправил на тот свет самого старика-охотника.

– То есть?

– Силкина нашли в лесу сильно избитого, с серьезной травмой черепа, и в настоящее время он находится в больнице в бессознательном состоянии. Есть подозрение, что это дело рук Чалого.

– Та-ак... Ваше решение?

– Я дал указание: усилить наблюдение за Чалым и в случае, если он все-таки доберется до материалов Колесникова, принять все меры к изъятию их и задержанию его самого. Хуже другое: о местонахождении диска, как видно, ничего неизвестно и Колесникову. Силкин успел все перепрятать. А сам он, как я уже докладывал...

– Да, обидно. Но Колесников, я полагаю, найдет вы< ход. Главное, чтобы материалы не попали в руки врага.

– Это я гарантирую, Денис Павлович.

– Хорошо. А какие вести от Рябина?

– Рябинин сообщает, что рекомендация на Нестеренко была написана Дмитрием Зориным под давлением некоего «Виктора», назвавшегося братом Нестеренко и грозившего Зорину в случае отказа расправой над его отцом и женщиной, которую тот любит.

– Значит, шантаж?

– Да. И хоть это ни в коем случае не оправдывает Зорина, тем более, что все началось с его интимной связи с Нестеренко, здесь нам больше делать нечего. А вот так называемый Виктор...

– Что известно о нем?

– Пока немного. Но Рябинину удалось напасть на след этого молодчика. Кстати, помог ему в этом отец Зорина, главный врач одного из кисловодских санаториев. Я приказал Рябинину установить самое строгое наблюдение за «Виктором» с тем, чтобы выйти на его шефа. Не исключено, что им окажется сам неуловимый «четвертый».

– А-а, эта лиса Джон Снайдерс? Пора, давно пора бы прибрать его к рукам.

– Да больно уж хитер и ловок.

– А может, мы слишком близоруки?

– Я учту ваше замечание, товарищ генерал.

– Да уж придется. Ну, а Колесников? Почему он в Кисловодске?

– Все очень просто. В Кисловодске, оказывается, живут жена и сын Колесникова. К ним он и приехал. Но самое важное – Колесников и младший Зорин уже сегодня вылетели в Москву, по-видимому, в институт ядерной физики, где работает Зорин. Рябинин проследил за ними вплоть до посадки в самолет и просит встретить их. Вот: рейс – 3215, прибытие в Москву – десять двадцать четыре. Я уже сделал соответствующее распоряжение.

– Хорошо, но почему Колесников и Зорин?

– Да понимаете, жена Колесникова работает в санатории Зорина-старшего, ну и, по-видимому, физик Зорин и Колесников быстро нашли общий язык.

– Ну, что же, теперь как будто... Вдруг в дверь кабинета постучались:

– Разрешите, товарищ генерал? Срочное донесение, – дежурный офицер связи быстро подошел к столу и положил перед генералом запечатанный конверт.

– Да, теперь как будто все становится на свои места, – закончил Звягин, не спеша вскрывая конверт. – Вы можете идти, капитан, – кивнул он офицеру.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Звягин пробежал глазами донесение и вдруг с силой ударил ладонью по столу:

– Шляпы! Ротозей! Чекисты называется!!

– Кого вы так, товарищ генерал?

– Кого? Да этого вашего Рябинина и всех там, в Кисловодске!

– А что случилось?

– Что случилось! Вот послушайте: «Рейсовый самолет Аэрофлота № 427611, рейс 3215, Минеральные Воды – Москва, со ста двадцатью пассажирами на борту, в результате вооруженного нападения трех террористов на экипаж изменил маршрут следования и, перелетев государственную границу, приземлился в одном из аэропортов Турции. Частям ПВО страны из гуманных соображений был дан приказ – не прерывать полета. Названные террористы попросили политического убежища и были интернированы турецкими властями. Политического убежища попросили и два советских гражданина – Колесников М. В. и Зорин Д. А. Последние были также интернированы турецкими властями, но позднее похищены неизвестными лицами, и потому в настоящее время о месте их пребывания турецким властям ничего не известно». Дальше обычная дипломатическая белиберда, заверения в непричастности Турции к похищению советских граждан, обещание все расследовать самым тщательнейшим образом и так далее и тому подобное. Вот такие пироги, товарищ подполковник. Снайдерс еще раз утер нам нос. И как утер! А этот ваш Рябинин! Он проследил, видите ли, до посадки на самолет. А дальше?

– Всего не учесть, товарищ генерал. Тем более такой наглости...

– А я требую и буду требовать, чтобы мои работники учитывали все. Абсолютно все! Иначе им нечего делать в Управлении. Так и доведите до сведения Рябинина.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

– Теперь так. Срочное распоряжение нашим людям в Турции, да и... в Штатах, конечно: во что бы то ни стало и как можно быстрее установить местонахождение Колесникова и Зорина. Далее. Немедленно подготовить всю необходимую документацию на обоих для представления в Министерство иностранных дел. Не упоминая о космической одиссее Колесникова, разумеется. Ну, а лейтенанту Рябинину...

– Капитану, товарищ генерал, – осторожно напомнил Левин.

– Ну, а лейтенанту Рябинину, – жестко повторил Звягин, – мой приказ: кровь из носу, а чтобы «четвертый» был взят. Без этого пусть и глаз в Управление не кажет,

7

Их вызвали обоих сразу, предварительно не уведомив ни о чем, и потому всю дорогу до Пятигорска они не проронили ни слова, думая каждый о своем и боясь высказать какие-либо предположения.

В Пятигорске их принял сам полковник. Он долго молчал и хмурился, перебирая на столе какие-то бумаги. Затем взглянул сначала на Таню, потом на Зорина и начал густым низким басом:

– Я знаю, что вам нелегко будет выслушать то, что я скажу. Я сам – отец и сам – гм... муж. Но вам следует знать, что самолет, на котором летели ваш сын, Андрей Николаевич, и ваш муж, Татьяна Аркадьевна, угнан за рубеж. Все пассажиры, к счастью, целы и в ближайшие сутки возвратятся на Родину. – Полковник помолчал и еще больше нахмурился, – Все, кроме Максима Колесникова и Дмитрия Зорина, которые якобы попросили политического убежища, а затем были похищены неизвестными лицами.

Таня слабо вскрикнула. Зорин лишь стиснул зубы так, что на щеках вздулись желваки. Несколько минут прошло в молчании. Наконец полковник сказал:

– Я не сомневаюсь, что все это лишь гнусная провокация, но по долгу службы обязан задать вам несколько вопросов.

– Да, конечно, – как эхо отозвался Зорин.

Полковник поинтересовался, не высказывали ли Максим и Дмитрий когда-либо прежде желание выехать за границу, нет ли у них там родственников, знакомых, не было ли каких-либо деловых или научных связей с зарубежными фирмами или частными лицами, наконец сказал:

– А как вы думаете, каковы мотивы этой провокации? Почему Колесниковым и Зориным так заинтересовались зарубежные спецслужбы?

– Ну, это же яснее ясного, – ответил Зорин. – Впрочем, вы, очевидно, не совсем в курсе дела. Максим Колесников провел несколько лет на внеземном космическом корабле, где приобрел массу чрезвычайно важных знаний и главное – полностью разработанную идею о том, как с помощью нейтрино сделать стабильными любые радиоактивные изотопы, то есть практически прервать радиоактивный распад. А это – прямой путь к уничтожению ядерного оружия. Ну, а сын мой, Дмитрий Зорин – физик-ядерщик. Нейтрино – главный объект его научных исследований, которые, кстати, тоже велись в основном с целью выяснения роли этих частиц в устойчивости атомных ядер. Поэтому оба они и полетели в институт ядерной физики. И если западные спецслужбы знали это, то сами понимаете...

– Н-да... произойди этот разговор хотя бы днем раньше... Но что теперь об этом говорить! А как вы думаете, кто-нибудь, кроме Колесникова и Зорина, сможет воспроизвести и претворить в жизнь эту идею?

– Нет, никто, – подала голос Таня. – Впрочем, в Вормалее остались информационный диск и кое-какие бумаги Максима Владимировича, и если б удалось их разыскать...

– Вы считаете, что это возможно?

– Для меня – пожалуй, для всякого другого – почти исключено. Но разве... – Таня глотнула слезы. – Товарищ полковник, неужели не осталось никакой надежды?..

– Ну, почему же! Мы сделаем все возможное. Но вам придется собрать все мужество. Враг может пойти на что угодно, даже здесь, по отношению к вам. Поэтому – максимум осторожности. В случае чего – немедленный звонок к нам. Вот номер моего телефона. – Он устало прикрыл глаза рукой, давая понять, что разговор окончен, Зорин и Таня молча вышли из кабинета.

– Что же теперь будет, Андрей Николаевич? Чем все это кончится? – вырвалось у Тани, когда они снова оказались на улице.

– Я думаю, наше правительство действительно сделает все возможное, чтобы добиться их освобождения. Но враги, конечно, не остановятся ни перед чем.

– И вы полагаете... – начала она дрогнувшим голосом и замолчала, боясь выговорить самое страшное, что могло произойти.

– Нет, любое физическое насилие я исключаю. При отсутствии документальных данных они нужны им живые и невредимые. Но, исчерпав все посулы и обещания, враги могут пойти на любой шантаж и прежде всего будут шантажировать их нашей безопасностью: моей, вашей, вашего сына. Поэтому я посоветовал бы вам оставить квартиру на этой далекой улице Фоменко и перебраться в здание санатория. Я выделю там комнатку.

– Спасибо, я подумаю. Но что нам теперь делать?

– Что делать? Вам – беречь сына. Ну, а мне... Мне – по возможности беречь вас...

– Милый, добрый Андрей Николаевич! А кто позаботится о вас?

– В моем возрасте, Танюша, человек должен научиться заботиться о себе сам.

8

А на следующий день утром, еще до начала работы, она вошла к нему в кабинет и положила на стол заявление.

– Что это, Таня?

– Разрешите мне пойти в отпуск, Андрей Николаевич?

– В отпуск? Сейчас?

– Да, я решила ехать в Вормалей.

– Зачем?

– Только я могу теперь разыскать диск и, может быть, расшифровать заключенную в нем информацию. Ведь у меня тоже есть элемент связи

– Но вы недооцениваете всей опасности задуманной предприятия, рискуете жизнью.

Она вздохнула:

– Что моя жизнь после всего, что произошло! Это нужно, Андрей Николаевич. И потом – я должна видеть диск хотя бы для того, чтобы удостовериться, что Максим еще жив. Вы слышали, что он сказал?..

– Да. Но как вы думаете найти этот диск?

– Попробую разыскать Силкина. Я хорошо знакома с ним.

– А если Силкина нет в живых?

– Всех «если» не предусмотреть. Там, на месте, будет видно. Не удерживайте меня, Андрей Николаевич.

– А как же сын, Таня?

– Я поеду с ним.

– И все-таки вы идете на страшный риск. Эти люди...

– Эти люди не знают меня. А в Вормалее живет моя тетка. Я еду навестить ее. Что в этом подозрительного? Нет, я еду, еду! Это дело решенное.

– Ну, что же, в таком случае... В таком случае я тоже постараюсь выхлопотать отпуск и поеду с вами.

– Спасибо, Андрей Николаевич. Признаться, в глуби не души я надеялась на это.

Зорин полистал календарь:

– Когда вы хотели бы выехать?

– Как можно скорее, вы же понимаете...

– Тогда так... Слушайте меня внимательно. О вашем отъезде не должен знать абсолютно никто. Не говорите этого пока даже Вове.

– Да, конечно.

– Далее. Весь свой багаж сегодня в течение дня небольшими частями переправьте сюда. О чемодане я позабочусь.

– Я возьму лишь самое необходимое.

– Все равно. Багаж отправим отсюда с вещами отдыхающих прямо в аэропорт на нашем автобусе. Сами же вы с Вовой завтра, утренней электричкой, поедете в Подкумок на дачу Ивана Спиридоновича. Вы бывали там?

– Да, я знаю эту дачу.

– Отлично. Завтра как раз суббота. Ваша поездка будет вполне естественной.

– А вы?

– Я тоже налегке, в самом, так сказать, дачном виде приду к Ивану Спиридоновичу пешком. Там мы позагораем, поедим черешни, помозолим всем, кого это интересует, глаза, а потом хозяин потихоньку отвезет нас на своей машине прямо в аэропорт. Главное – незаметно выехать отсюда, В Вормалее нас действительно никто не знает,

9

– «С помощью нейтрино прервать любой радиоактивный распад...» – повторил про себя Рябинин, прослушав в третий или четвертый раз магнитофонную запись, беседы с Зориным и Тропининой. – Здорово придумали эти инопланетяне. Вот бы нам такую машину! А ведь все было, как говорится, на мази. И вот – пожалуйста! Как я не сообразил, в самом деле, отправить с Колесниковым и Зориным своих людей? Ну, «четвертый», держись! Пусть мне родной матери не видать, если я тебя не сцапаю! – он снял трубку телефона:

– Сержант? Как там наш подопечный? Ну да, «Виктор». – Но в это время зазвонил другой телефон. – Подождите, сержант, я вам перезвоню чуть позже. Да! Лейтенант Рябинин слушает. Что-о? Взяли отпуск и выехали из Кисловодска? Куда выехали? Как никто не знает? Ну да, в общем-то, конечно, не обязаны. Но что они, сами не понимают? Ну ясно, ясно! – он бросил трубку.

«Вот черт! Куда это их понесло? Нашли время отдыхать! Впрочем... сейчас им не до отдыха. Тогда что же?»

Он снова включил запись допроса.

«...В Вормалее остались информационный диск и кое-какие бумаги Максима Владимировича, и если бы удалось их разыскать... Это возможно?... Для меня – пожалуй, для всякого другого – почти исключено...»

Рябинин стукнул себя по лбу:

«Ну, ясно! Ринулись в Вормалей искать бумаги. И как всегда, все сами. Беда с этими интеллигентами! Нет чтобы сказать об этом нам. А теперь чего доброго и сами голову сломят, и нам все карты спутают. Придется доложить об этом генералу».

Он снова снял трубку:

– Сержант? Прервали нас. Так как там «Виктор»? Вышел купить газет, потом зашел в продмаг? А дальше? так... Понятно... Подошел к московскому поезду и взял у проводника посылку? Так это... Не важно, что с рыбой! Ладно, все ясно, действуйте в том же духе.

Рябинин походил по кабинету, потом сел к столу, взял чистый лист бумаги.

«Посылка с рыбой» от какой-то женщины... Ловко придумали! Проводнику не надо говорить ни имя отправителя, ни имя получателя. Вот тебе посылка, вот десятка за услугу, подойдет к вагону мужчина, отдай сверток – Я все! Ну что же... Посылка, конечно, не первая и не последняя. Придется попросить подполковника организовать проводы каждого кисловодского поезда... Итак, донесение номер...»

Семнадцатому от первого

Считайте счастливым исходом, что Лесник остался жив. Возможно, он один знает местонахождение диска и бумаг Странника. Постарайтесь воспользоваться этим. (Иным путем, чем вы попытались это сделать!) Но главное – непрерывное наблюдение за Лесником. Не исключено, что по выходе из больницы он захочет перепрятать вещи или проверить их сохранность. Мы со своей стороны постараемся организовать выезд к нему надежного «посыльного». Таким «посыльным» мог бы стать его сын. Поэтому узнайте место жительства и работы сына Лесника и немедленно сообщите об этом нам.

Информируем вас, на всякий случай, что приезд самого Странника в Вормалей полностью исключен.

Считаем не бесполезной также такую информацию. По имеющимся у нас достоверным сведениям, ваш Делец в годы войны работал на немцев, выполняя обязанности полиция в деревне Поныри Смоленской области, и отличался беспрецедентной жестокостью, следствием чего явилась гибель не одного десятка жителей деревни. Ныне он разыскивается советскими властями как военный преступник. Его истинное имя – Гнатюк Семен Еремеевич.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Офицер связи едва успел принять последнее донесение из Сибири, как в комнату вошел генерал. Офицер встал. – Сидите, – махнул рукой Звягин. – Что нового из Вормалея?

– Пока ничего, товарищ генерал, – он протянул ему текст донесения.

– Та-ак... Да, ничего нового. Тогда сообщите им: ста ло известно, что в Вормалей выехали жена Колесникова Тропинина Татьяна Аркадьевна и врач Зорин Андрей Николаевич. Предполагаем, что цель их поездки – розыск диска и бумаг Колесникова. Ни в коем случае не препятствуйте их действиям. Обеспечьте их полную безопасность. В случае находки диска или открытого вмешательства в их поиски Чалого и его группы – немедленно аре. стуйте всех, причастных к этому делу.

– Всех?

– Кроме Тропининой и Зорина, разумеется. Их с диском сопровождать усиленным нарядом охраны.

– Ясно, товарищ генерал.

2

Со смешанным чувством тревоги и грусти переступила Таня порог больницы, где прошли годы ее юности. Сколько всего пережитого было связано с этим неказистым деревянным зданием! Да разве с ним одним? Стоило ей сойти с вертолета и увидеть знакомую сопку над Студеной, дорогу на Отрадное, зуб Шайтана, как сердце сжалось от нахлынувших воспоминаний, и в горле запер» шило от непрошенных слез. Здесь, в этом дремучем захолустье, она встретила когда-то Максима, здесь в жизнь ее ворвалась, как сказочное видение, Миона, здесь ножки ее сына в первый раз коснулись родной Земли.

Что же теперь даст ей Вормалей? Подарит ли хоть самую крохотную капельку надежды? И все будет зависеть от маленькой металлической вещицы, хранящейся где-то в усадьбе Степана Силкина. Только о ней, этой вестнице горя или надежды, и могла думать сейчас Таня, потому, едва обменявшись с теткой самыми необходимыми фразами, оставив у нее сына и даже не поинтересовавшись, как устроился Зорин, она сразу же помчалась в больницу, где, как стало ей известно, лежал при смерти старый охотник.

В приемной ее встретила незнакомая молоденькая мед< сестра:

– Простите, вам кого?

Таня постаралась унять волнение:

– Мне хотелось бы побеседовать с лечащим врачом Степана Семеновича Силкина.

– А-а, значит, с Зоей Тимофеевной? Сейчас позову! Да вот и она сама!

– Здравствуйте, Зоя Тимофеевна, – обратилась к ней Таня. – Я близкий человек Степану Семеновичу Силкину. Скажите, как его состояние?

– Состояние тяжелое. Сотрясение мозга, небольшой перелом черепа, сильное истощение. Шутка ли – несколько дней человек пролежал в лесу. И потом годы... Скажу прямо: надежды мало.

– Но он в сознании?

– Приходит иногда в себя, но больше бредит.

– Можно мне пройти к нему?

- Зачем? К чему тревожить старика? Да и халатов у нас нет.
- И все-таки я попросила бы вас. Я тоже врач. Халат у меня с собой.
- Ну что же, пожалуйста. Вот тут он, в шестой палате.
- Я знаю, я работала здесь, – невольно вырвалось у Тани.
- Работали здесь?!
- Это было давно, вас еще тут не было...

– Да, я всего год в этой дыре. А потом так же, как вы...

Но Таня уже не слушала ее. Надев халат и белую шапочку, она миновала знакомый коридор и зашла в палату.

Там было душно, воздух тяжелый. Больные не обратили внимания на приход «НОРОГО» врача.

Таня окинула взглядом ряды кроватей. Силкин лежал в дальнем углу, у окна, и даже не повернул головы, когда она подошла к нему. Но глаза его были открыты.

- Здравствуйте, Степан Семенович. Вы не узнаете меня?

Голова старика медленно повернулась. Глаза остановились на Тане. С минуту он безучастно рассматривал ее, потом слабо улыбнулся:

- Как же.., узнаю... Докторша наша, Татьяна Аркадьевна...

- Верно, Степан Семенович. Я рада видеть вас.

- И я рад, только... ведь мы похоронили тебя...

- Да. Но это была ошибка, недоразумение.

– Вот и я говорил тогда... ошибка, мол, вышла... ведь помню, подошел я к гробу... проститься с тобой... а ты... ну, ровно как живая... А уж когда могилка пропала...

- Вам трудно говорить, дядя Степан.

– Ничо... я помаленьку.., да... так вот, говорил я... промашку дали... Тебе надо жить, Татьяна Аркадьевна. Долго жить. А я вот... Мне уже конец пришел...

– Ну что вы, Степан Семенович! Выздоровеете, Теперь я лечить вас буду. Давайте-ка разденемся.

- Не надо уж, Татьяна Аркадьевна, голубушка... Все болит.

– Я осторожно. Вот так... – она приложила ухо к его груди, прослушала сердце, легкие. – А теперь расслабь-, тесь, я полечу вас немного.

Таня обработала ладони нептунием и склонилась над стариком. Руки ее пришли в движение.

- Ну как, что вы чувствуете, Степан Семенович?,

- Легчает... Легчает, дочка! И спать хочется...

- Вот и чудесно. Пospите немного.

– Да, я посплю. Только ты уж еще... скажи там... чтобы не пускали ко мне эту... Клавку. Клавдию-санитарку, Извела она меня... Все беды от нее...

- Клавдию? Разве она еще работает?

- Да... Так ты уж того...

- Все сделаю, Степан Семенович, спите! В палату заглянула Зоя Тимофеевна:

- Ну что вы скажете? Как он, на ваш взгляд?

– Состояние, конечно, тяжелое. Но самое страшное, я полагаю, позади. Вы позволите мне раза два в день заходить к нему?

Она пожала плечами:

- Пожалуйста...

Таня поправила Силкину постель, еще раз прислушалась к его дыханию и пошла к выходу. В дверях палаты стояла Клавдия.

- Здравствуйте, Клавдия Никитична. Что вы хотите здесь делать?

– Батюшки-светы! Татьяна Аркадьевна! – попятилась санитарка. – Живая, невредимая! Вы что, снова к нам?

– Да. Лечить Степана Семеновича теперь буду я. И попрошу вас не подходить к нему без необходимости и ни в коем случае не утомлять разговорами. Больному нужен абсолютный покой.

– Так разве я не понимаю. Я ведь почему... Лежит он один-одинешенек. Никто ему доброго слова не скажет. Ну, я и того... А раз теперь вы сами, то я, конечно... Я, как вы скажете...

3

– Ну, что ты узнал? – заговорил еще с порога Чалый, входя в избу Вырина. – Николай сказал, ты хочешь видеть меня.

– Да. Дела – хуже некуда.

– Только и всего? Ну-ну! Я думал, ты готов место указать, деньги припас. А ты...

– Легко сказать – место! Старик уперся, как чурбан. А тут еще новая история. Городской врач к нему приехал. Видно, из центра. И такой разгон всем устроила! Клавдии запретила и подходить к Силкину, лечит Степана самыми что ни на есть первостатейными лекарствами, еду из дома таскает. Теперь к нему сам черт не подступится.

– Та-ак... Все это действительно хуже некуда. Что же ты думаешь делать?

Вырин пожал плечами;

– Мое дело маленькое...

– Не такое уж маленькое, если не хочешь потерять десять тысяч.

– Да есть одна задумка...

– Ну?

– Что «ну»? Аванс ты не даешь...

– Вот ненасытная акула! На! – Чалый бросил на стол пачку денег. – И говори, что, по-твоему, можно еще сделать?

– А вот слушай, – начал Вырин, пряча деньги в карман. – Врач эта, Татьяна Аркадьевна, прежде работала здесь, в Вормалее. И, говорят, у них с Колесниковым... В общем, похаживал он к ней. А раз так, значит, приехала она не иначе, как от него самого. И лечит Степана, чтобы тот смог потом указать ей, куда спрятал диск. Видно, не так-то просто объяснить на словах, где схоронен он в тайге.

– Ну, это твоя фантазия, не больше.

– Фантазия, говоришь? А почему она не подпускает? к нему Клавдию? Как узнала, что Степан в больнице, при смерти? Да и за каким чертом ей надо было вообще сюда ехать, выхаживать эту дряхлую развалину? Вот увидишь, выпишется Силкин из больницы, заберет она у него диск и – поминай, как звали!

– Гм... Котелок-то у тебя, кажется, варит.

– Бог не обидел, смекаем, что к чему, – ухмыльнулся Вырин.

– А смекаешь, так и доводи дело до конца. Проследи за этой врачихой. Как следует проследи! Не сказал бы ей Силкин еще в больнице, как найти диск. Тут уж – гляди в оба!

– Понятно... В этом меня никто не перехитрит.

– И еще. Пусть Клавдия заранее и точно скажет тебе, когда Силкина выпишут из больницы.

– И это можно. Только ведь...

– Что еще?

– Как что? Ну, выпишется Силкин из больницы, отдаст диск Татьяне этой. А дальше?..

– Дальше – мое дело.

– Дело-то твое, да денежки-то как?

– Опять он свое! – взорвался Чалый. – Говорю в последний раз: будет диск у меня в руках – будут тебе десять тысяч. Но если диск уплывет... Пеняй на себя!

– Как это понимать? – насторожился Вырин.

– ^ вот так. Деньги надо не только получать, но и отработывать. А ты до сих пор только получал. Много получал. И если, несмотря на все эти авансы, я еще раз услышу, что тебе что-то не удалось, – лицо Чалого сделалось страшным, – я живо сделаю перерасчет!

Глаза Вырина сузились, лицо собралось в недобрую усмешку:

– Вон как ты заговорил! Я, значит, еще и обязан тебе? Я должен еще тебе в пояс поклониться? А то, что я до сих пор не пошел куда следует и не рассказал о всех твоих проделках – ничего не стоит? То, что я один знаю, что за «несчастье» случилось с Силкиным – дешевле твоих паршивых авансов? Хватит темнить, мил человек! Давай договоримся прямо...

– Давай договоримся, уважаемый... Семен Еремеевич.

– Чего-о?.. – лицо Вырина вмиг покрылось багровыми пятнами, на лбу выступили крупные капли пота. – Это гы... с кем меня путаешь? Какого Семена Еремеевича вспомнил?

– А ты его не помнишь, Гнатыка Семена Еремеевича, бывшего полицая из Понырей?

– Знать такого не знаю и знать не хочу!

– Ах вот как! И то, что его как военного преступника разыскивают, тоже не знаешь? И то, что он рыжую бороду отрастил и в этом медвежьем углу схоронился, тоже знать не хочешь?

По лицу Вырина медленно расплзлась мертвенная бледность. Жилистые волосатые руки сжались в кулаки.

Он медленно повел глазами по избе, скользнул взглядом по торчащему из-под шестка топору:

– Да ты что от меня хочешь? Чем пугаешь?! Я спрашивал тебя, кто ты сам таков, какими делами занимаешься? Я вспоминал о твоих прошлых похождениях? А ты вон как... – Вырин встал из-за стола.

– Сидеть!!! – Чалый выхватил пистолет и, щелкнув предохранителем, приставил к груди Вырина. Тот мешком свалился обратно на скамью. – Так ты хочешь знать, кто я таков? Грозишь пойти «куда следует»? Добро, сейчас пойдешь. Пойдешь вслед за Силкиным. Зря, что ли, ты знаешь, что за «несчастье» с ним случилось. Только на этот раз я все сделаю чище. Времени у меня предостаточно. И в доме – ни одной живой души, Ну, молись, старый хрыч!

Вырин икнул, руки у него затряслись:

– Да разве я... Я и не думал ничего, честное слово! Просто насчет авансов... За что, дескать, их получал... А что касается отработки... Так разве я отказываюсь! Все-все для тебя сделаю. И докторшу эту... Никуда она не уйдет. Костями лягу, а выслежу, как Степан передаст ей максимово добро, зубами вырву у них и диск и все, что там еще будет.

– Вот так-то лучше, – усмехнулся Чалый, опуская револьвер.

– Знамо лучше. Чего нам с тобой делить, зачем въедаться в печенки друг другу? Встретились – разошлись. Мое старанье – твои деньги. Я тебя не знал и знать не буду. Ты обо мне не слышал и отродясь не вспомнишь.

Идет?

– Ну, нет! С другими бы, может, и пошло, с тобой – не получится. Видел я, как ты на топор воззрился. Хорошую, видно, школу прошел там, в Понырях. Так что давай все честь по чести. Я вот заготовил бумагу – ты ее подпиши.

– Что еще за бумагу?

– Так, пустяк – обязательство работать на нашу разведку.

– В шпионы, значить, вербуешь?

– Ну, до шпиона ты еще не дорос, а кое в чем твоя помощь понадобится. Вот ручка. Вот бумага. Подписывай!

– А если не подпишу?

– Подпишешь, что тебе остается делать. Мне ведь в случае чего даже «куда следует» идти не понадобится.

Просто позвоню, что разыскиваемый военный преступник Гнатюк Семен Еремеевич живет там-то и там-то. Тихо-спо-койно.

– А то и сам пристукнешь, так, что ли? – мрачно ус-: мехнулся Вырин.

– Ну, это в крайнем случае. Если ты опять к топору бросишься или еще как-нибудь попытаешься на тот свет меня спровадить.

Вырин с минуту помолчал:

– Ладно, давай, подпишу, хрен с тобой! Только на-: счет денег – как уговорились.

– Да получишь ты свои деньги, старый скупердяй, не беспокойся. Но чтоб больше никаких фокусов? Будешь делать только то, что я скажу. И все, что я скажу. Без всяких расспросов! Видеться теперь станем каждый день в ельнике, за гаражом леспромхоза, ровно в девять вечера. И чтобы Йи одна живая душа не заметила, как ты туда идешь. Все!

Чалый спрятал бумагу в карман и хлопнул дверью. Вырин вытер рукавом пот:

– Господи, только бы все это кончилось! Только бы пронесло!

4

Марья встретила ее с настороженным благодушием:

– Проходите, проходите, милости прошу! Вот сюда, в чистый угол. Молочка не угодно ли? Вы, поди, из кон торы или из этих... дачников?

Таня села к столу, откинула волосы:

– Вы, конечно, меня не узнаете, Мария Сидоровна. А ведь я лечила вас. И вас и детей ваших...

Марья взгляделась в лицо гостьи и вдруг с криком метнулась к двери:

– Чур меня, чур! Святые угодники!

– Да не пугайтесь, Мария Сидоровна! Я знаю, вы считали, что я умерла. Но это ошибка, всего лишь ошибка. Сделалось худо, потеряла сознание, ну и... Можете перекрестить меня, если хотите.

– Да? Можно? – она торопливо осенила гостью крестом, осторожно, все еще вздрагивая, присела к столу:

– Да как же, ведь все говорили, что схоронили вас.

– Мало ли бывает ошибок. Вот и дядю Степана чуть не зачислили в покойники.

– Не говорите! Как увидела я его там, в лесу, ну, думаю, преставился старик.

– Вот видите. Так и со мной.

Глаза Марьи потеплели:

– Уж вы простите меня, старую. Наслушалась я бабьих сказок. Вот и решила – нечистая сила ко мне пожаловала...

– Успокойтесь, Мария Сидоровна. А я к вам по делу.

Сейчас была в больнице, у дяди Степана.

– Ну, как он? Больно плохой, говорят.

– Да нет, поправляется понемногу. Теперь я лечу его.

– Дай бог, дай бог!

– К концу недели, возможно, он выпишется, придет домой. А там, я слышала, ужасный беспорядок.

– И-ии! Не приведи господь! Все вверх дном!

– Вот я и хотела немного прибрать у него. Вы не поможете мне?

– Как не помочь, конечно, помогу. Прямо сейчас и пойдемте. Я сама давно собиралась, да ведь то одно, то другое... – Марья взяла ведра, тряпки и повела Таню в соседний двор.

– Вот видите, что натворили лихие люди, – сказала она, отворяя дверь в избу Силкина. – И что искали? Что взять у старика? Не иначе, как малеевский клад до сих пор кому-то покоя не дает.

Но Таня не слушала ее. Едва ступив в избу, она в сильном волнении нажала пальцем на элемент связи, который был искусно закреплен у нее за ухом, под кожей, и, боясь поверить своему счастью, ясно услышала:

– Главный информаторий Ао Тэо Ларра приветствует вас. Назовите мысленно наш шифр, шифр командира корабля...

«Жив... Жив Максим...» – она в изнеможении опустила на стул, тщетно стараясь сдержать хлынувшие слезы.

– Не плачьте, Татьяна Аркадьевна, сейчас все уберем. Я сама, как увидела в первый раз такой разгром, чуть не разревелась, Вот ведь лиходеи!

5

А уже через три дня они сидели за столом в чистой, аккуратно прибранной избе, где шумел самовар, пахло Душицей и медом, и Степан Силкин, только что вымывшийся в бане, одетый в свежее, тщательно проглаженное Таней белье, тянул пятую или шестую чашку чая, не выпуская из рук полотенца, которым непрерывно вытирал лицо и шею.

За окнами стемнело. Иван с Марьей, которые тоже наведались к выписавшемуся из больницы соседу, ушли к себе домой, самовар умолк. Силкин в последний раз обмахнулся полотенцем и перевернул чашку вверх дном:

– Ну, Татьяна Аркадьевна, голубушка, уважила ты старика, ровно как дочь родная. А я уж думал, никому и не нужен старый Степан. Колька, сын мой, и писем не пишет. Максим как в воду канул. А вы, стало быть, поженились с ним, с Максимом-то? И сынок у вас растет?, Это хорошо. Я еще, когда ты у нас здесь работала, смотрел на вас и думал: вот славная была бы пара! Да тут такой случай... А где он теперь, сынишка-то?

– Он здесь, со мной, у Веры, тетки моей.

– У Веры Григорьевны? Как же, знаю. Степенная женщина. А Максим, значит, опять пропал? Да ты не убивайся, не плачь. Объявится твой Максим, что я, не , знаю его? В каких только переделках не побывал! Не иначе и там шпиёны пакостят. Ведь как тут все подстроили! И я, старый хрыч, чуть не попался им на удочку. Поверил этой Клавке, что Максим уехал. Но в главном-то они меня не перехитрили. Не-ет! Как начал этот хмырь пытаться меня насчет Максимова добра, так я сразу и смикитил: что-то тут нечисто. Пошел в избу, вроде бы за его вещами. А сам вынул из сундука этот кругляшок с бумагами и – шасть в баню. Там у меня под полом доска отстала: все недосуг было приколотить. Так я отодвинул эту дощечку и все туда, под пол. И землицей сверху присыпал. Что, взяли?! Дома-то, говоришь, все вверх дном перевернули. А там, в баньке, все целехонько. – Силкин довольно рассмеялся.

– И все-таки перепрятать надо, дядя Степан, унести все в тайгу подальше.

– Знамо дело! Завтра вместе с тобой все и схороним. Есть у меня одно местечко на примете. А ведь тогда до того ли было. Он меня вон там, за поворотом, ждал, ирод проклятый.

– Досталось тебе, дядя Степан... Ой, там кто-то есть! –?указала Таня на подозрительно колыхнувшуюся занавеску, отделявшую горницу от закутка.

– Кому там быть? Иван с Марьей ушли. Ветер, должно быть, открыл окошко, ну и... Сейчас гляну.

Но не успел он подняться, как занавеска отдернулась и из закутка шагнул здоровенный парень с пистолетом в руке. За спиной его мелькнули еще две мужские фигуры.

– Руки! Руки на стол! – крикнул парень.

Таня в ужасе прижалась к Степану. Силкин слабо охнул:

– Опять ты, ирод... И Кузьма тут!

– Да, все мы тут. И теперь живым тебя отсюда не выпустим. Хватит с тобой возиться. Я слышал все, что надо. Значит, в бане под полом? – довольно рассмеялся Чалый. – Ты знаешь, где эта баня, Кузьма?

– Тут рядом, в огороде, – поспешно ответил Вырин. – Сейчас я...

– Стой! В баню пойдем все вместе. Сначала я этих... – он поднял револьвер.

– Докторшу не трожь! – закричал Силкин, бросаясь между ним и Таней.

– Заткнись, старый дурень! Хватит с меня свидетелей. Таня вскрикнула, метнулась к окну. И вдруг погас свет. Громко хлопнула дверь. Яркий луч фонаря ударил в лицо Чалому. Грохнул выстрел. Жалобно тренькнуло за спиной Тани стекло. Изба наполнилась какими-то людьми. Чалый рванулся к закутку, сбил с ног стоящего за ним Вырина, оттолкнул от «кна второго парня. Но за окном блеснуло дуло автомата. Чалый попятился, шарахнулся в сторону. Однако его уже схватили за руки, бросили на скамью. Он хрипло выругался и затих.

– Дядя Степан! Дядя Степан, ты жив? – крикнула Таня, стараясь увидеть Силкина в пляшущем свете фонарей.

– Жив я, жив! Только ухо, кажись, продырявил, проклятый. Да стекло вон вышиб, чтоб ему пусто было!

– А как вы, Татьяна Аркадьевна? – послышался встревоженный голос Зорина. – Вы не ранены? Где вы?

– Андрей Николаевич! Дорогой мой! – бросилась Таня на знакомый голос. – И вы здесь! Но как вы догадались?

– Как догадался? А вы думали, я приехал сюда, чтобы в гостинице отсиживаться? – он отыскал в темноте руки Тани, прижался к ним губами. – Да вы вся дрожите, Таня! Сядьте вот сюда и успокойтесь. Все теперь, все! – он усадил ее на стул, легонько погладил по голове. – Сколько же вам досталось!..

– Не мне одной, Андрей Николаевич, – Таня вытерла набежавшие слезы. – Надо перевязать дядю Степана.

В избе снова вспыхнул свет. Чалого и его подручных увели. Милиционеры вышли следом. Зорин подошел к Тане, накладывающей повязку на ухо Силкина:

– Что-нибудь серьезное?

– Пустяки, царапина.

– Ничо, я живучий, – подал голос Силкин.

– Ну и прекрасно, – кивнул Зорин. – А нам, Таня, пора: вертолет вылетает рано утром. Я полагаю, больше нас ничего здесь не удерживает. Берите диск, я провожу вас до Отрадного, а завтра часиков в шесть зайду за вами и Вовой.

– Взять диск с собой?!

– А вы думаете, лучше захватить его завтра?

– Ни то и ни другое. Я не уверена, что все опасности позади.

– Ну, за ночь-то с ним, наверное, ничего не случится. Пусть он действительно останется там, где лежит. А завтра я попрошу в милиции провожатого.

– Не нужно, Андрей Николаевич.

– Так, может, вообще передать диск им? Уж они-то доставят его в институт в целости и сохранности. Как вы думаете?

– Нет, передавать диск нельзя никому, ,

– Вы не верите, что они сохранят его?

– Я не могу поручиться, что где-то, среди них или в институте, не найдется какой-нибудь нетерпеливый невежда, который попытается вскрыть диск, и тогда...

– Значит, берем диск с собой и просим сопровождающих?

– Андрей Николаевич, диск останется здесь. Дядя Степан переправит его в такое место, где никто не сможет найти. А я... Я тоже останусь здесь.

– Где здесь?

– Я еще не знаю точно. Но у дяди Степана есть, наверное, где-нибудь в тайге только ему известная охотничья избушка. В ней мы и поселимся.

– До каких пор?

– Пока не придет сюда Максим. Вы уж оформите там мое отсутствие как-нибудь.

– Не в этом дело. Я не могу оставить вас одну, Таня. Не могу! – Зорин взял ее за руки, взглянул в глаза. – Ведь если с вами что-нибудь случится...

– Милый Андрей Николаевич! Вы самый близкий, самый дорогой мне друг. Я знаю, прекрасно знаю, как вы ко мне относитесь, Я бесконечно благодарна вам за это.

Но пока диск цел, а вы знаете, что это значит, – я не отойду от него ни на шаг. И никакие силы не оторвут меня от него.

– А как же сын, Таня? – ухватился Зорин за последнюю соломинку.

– Вова поживет пока у тети. Там ему неплохо. К тому же я очень надеюсь, что мне недолго придется ждать. Не может быть, чтобы Этана не научила Максима выпутываться из любого, самого безвыходного положения.

– Так, может, мне тоже еще немного пожить здесь?

– Зачем, Андрей Николаевич? Теперь, когда выздоровел дядя Степан, лучшего защитника не найти. А вам не обходимо, просто необходимо быть в Кисловодске, чтобы встретить там Максима и Диму. Что они подумают, не за став ни вас, ни меня? Кто им скажет, где искать нас?

– Ну что же... – вздохнул Зорин. – Вы правы, как всегда. А куда мне направить их, если они приедут?

– Сейчас дядя Степан скажет, где разыскать нас.

Верно, дядя Степан?

– Верно, дочка! Правильно ты все рассудила. Запомни, добрый человек: искать нас надо в моей заимке, что за Марьиным болотом. Максим знает. О Тане ты не тревожься, я с нее глаз не спущу. Поезжай себе спокойно. А мы прямо сейчас, по холодку, и тронемся.

– Как сейчас? Ночью?! – ужаснулся Зорин.

– А ночью оно сподручней, никто глаза пялить не будет...

– Ну, с победой, дружище, с первым успехом! – Хант крепко пожал руку вошедшему Рейли.

– Да, главное сделано. Но без потерь не обошлось.

– Не тужите! Этого добра на наш век хватит. Подумаем лучше, как отблехаться перед госдепартаментом. Сейчас уже звонили оттуда. Идиоты! Знали бы они, что мы сделали для Америки! Но объяснение давать придется...

– А что, собственно, объяснять? Самолет перелетел не к нам, к туркам. Ребята запросили у них политического убежища. Турки удовлетворили их просьбу. А что будет с ними дальше... Мало ли что случается с такого рода «перебежчиками»...

– Да-да, с ними обязательно должно что-нибудь случиться,, И как можно скорее. Но пассажиры, Рейли?!

– Пассажиров выкрали неизвестные люди, выкрали и увезли в неизвестном направлении. Мы-то тут при чем?

– Гм... Та-ак... А кто присутствовал при осуществлении операции? Кто знает о ней?

– Присутствовало шесть наших парней. Но

– Но?

– Автобус, в котором они, доставив «гостей», возвращались с аэродрома, по непонятным причинам взорвался. Не уцелел никто. Я сказал: без потерь не обошлось.

– Ужасно. Америка не забудет их подвига.

– Остальное знаем лишь мы с вами.

– Значит, все чисто. Ну и отлично! Приступайте ко второй части операции, как мы договорились.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Максим даже не удивился, когда при входе в аэровокзал их с Дмитрием отделили от других пассажиров и провели в полутемную комнату с окнами, забранными решеткой.

Еще во время перестрелки в самолете он понял, что «террористы» затеяли захват лайнера с целью похитить именно его и Дмитрия, и теперь лишь старался угадать, в какую страну забросила их недобрая судьба. Впрочем, судя по времени полета и внешнему облику работников аэропорта, угадать это было нетрудно: самолет перелетел в Турцию. Не составляло труда и представить, что последует дальше. Действительно, не прошло и часа, как в комнату вошло несколько человек в штатском, в которых легко можно было узнать бравых янки, и старший из них произнес на чистейшем русском языке:

– Сейчас вы пересядете в другой самолет и полетите немного дальше. Мы не намерены причинять вам никакого вреда. Но категорически настаиваем, чтобы вы не задавали никаких вопросов и не пытались оказывать никакого противодействия. В противном случае мы не отвечаем ни за что. Следуйте за мной.

– То есть как это не задавать никаких вопросов?! – вскричал Дмитрий. – Да кто вам дал право...

– Не надо, Дима, – Максим положил руку ему на плечо. – Криком делу не поможешь, Да, господа, мы не

вам ни одного вопроса: нам все ясно. И не окажем никакого противодействия. Мы просто никуда не пойдем до тех пор, пока вы не пригласите представителя нашего посольства.

– Ну, хорошо! Я предупреждал. – Американец взмахнул рукой и подал какую-то команду. В тот же миг на отведенных за спину руках Максима щелкнули наручни ки, плотная повязка закрыла глаза, а в рот был всунут жесткий кляп.

«Вот подлецы!»! – он попытался увернуться от цепких рук похитителей. Но те обступили его со всех сторон, ухватили за руки и за ноги, подняли и понесли.

...Повязку сняли лишь в самолете. Максим осторожно приоткрыл глаза. Дмитрий сидел рядом. Тоже в наручниках. Лицо его было бледным, волосы всклокочены, правая бровь рассечена. Но глаза горели упрямым огнем.

Максим склонился к нему, шепнул одними губами:

– Листок с твоими расчетами нужно уничтожить.

– Уже. А как нептуний?

– Амбула спрятана надежно. Держись, Дима.

Тот молча кивнул. Максим огляделся по сторонам. Они сидели в огромной кабине военного самолета. Рядом с ними разместились четверо верзил с заметно оттопыренными карманами. Двое других с автоматами на коленях расположились чуть поодаль. Сердце Максима сжалось в тревожном предчувствии. В памяти вновь возникли последние месяцы, проведенные на корабле.

...Это было в то утро, когда он особенно ясно осознал, что вся его работа в информатории, все знания, какие он здесь получил, окажутся сплошной бессмыслицей, если он не вернется с ними на Землю, не передаст их людям.

Но как же Миона? Что будет с их любовью, их счастьем?

И словно в ответ на это, в домике, где он приводил в порядок свои записи, раздался сигнал ближней связи. Миона стояла у самого экрана, с нежной тревогой вглядываясь в глаза Максима:

– Мне хочется видеть тебя, милый,

– Сейчас я иду к тебе.

– Нет, я знаю: ты работаешь. Я сама приду.

Экран погас. Максим захлопнул дневник и сжал лицо Руками, чтобы не застонать от нестерпимой душевной боли. Как любима, как бесконечно дорога была ему эта необыкновенная женщина! Уже больше полгода прошло с тех пор, как они стали мужем и женой, но каждый час, каждая минута, проведенные с ней, были полны совершенно особого, непередаваемого очарования. Не было случая* чтобы, расставаясь с ней хоть ненадолго, он не испытывал боли разлуки, и не было мгновенья, чтобы он не хотел видеть ее вновь и вновь.

Став мужем и женой, они по-прежнему жили каждые в своем домике, лишь время от времени встречаясь где-нибудь в укромном уголке или навещая друг друга на правах гостей. Так было принято в системе Агно, и Максим не видел нужды менять эту в общем-то неплохую традицию, тем более, что встречи после долгих часов разлуки приносили особенную радость.

Она вошла неслышно, как всегда, остановилась сзади кресла, обвила его шею тонкими прохладными руками, прижалась лицом к щеке. Он обнял ее за талию, хотел усадить к себе на колени. Но она мягко высвободилась из его рук и, придвинув любимую скамеечку, уселась неподалеку от кресла:

– Ты работай, работай! А я посижу рядышком, смирненько, как тики, – она спрятала голову ему под руку и замерла, будто перестав дышать.

Он нагнулся к ней, зарылся лицом в ее мягкие пахучие волосы. Время для них словно остановилось. Наконец она отыскала его руку, тихо шепнула:

– Почему ты не работаешь?

– А ты смогла бы сейчас работать?

Она молча покачала головой, постаралась улыбнуться. Но от Максима не укрылось, что в глазах ее пряталось смятение. Он легонько приподнял ее за подбородок.

– Что-то случилось, Ми?

– Нет, но я до сих пор не ответила тебе на один вопрос. Помнишь, ты как-то спросил: смогу ли я жить на Земле?

– Да...

– Так вот, я много думала об этом. И пришла к выводу, что я, наверное, смогла бы жить на Земле. Без большого комфорта, конечно, ни на минуту не расставаясь с биофильтрами, но смогла бы, если бы... Если бы я была одна с тобой... – она вдруг замолчала, порывисто прижалась к нему лицом.

Он молча ждал, боясь поверить своей догадке.

– Но я не буду больше одна, Максим, – послышался наконец ее приглушенный шепот. – У меня будет малыш,» Сын.., Наш сын, Максим.

– Любимая моя!.. – только и смог вымолвить Максим, покрывая поцелуями ее лицо. Но Миона снова мягко отбранилась от него:

– И вот он-то, наш сын, не сможет жить на Земле, – закончила она с глубокой грустью.

Этим было сказано все. Это был последний приговор. Но мозг отказывался в него верить. Именно сейчас, узнав эту счастливейшую новость в своей жизни, Максим меньше всего мог представить, что им грозит окончательная разлука. Но в глазах Мионы была бесконечная печаль:

– Мы с ним должны остаться на корабле, Максим. Д корабль... Корабль улетает, – закончила она прерывающимся голосом.

– Как?! Улетает совсем? В систему Агно?

– Да, и раньше, чем я думала. Этана закончила почти все приготовления. А земляне могут обнаружить нас каждую минуту. Тогда придется стартовать немедленно. Видно, приходит время нам расстаться, милый...

– Нет! Никогда! – вскричал Максим, вскакивая о места и беря ее на руки, как малое дитя.

– Что нет? Что никогда? – грустно улыбнулась Миона, пряча лицо у него на груди. – Как часто вы, земляне, не хотите взглянуть правде в глаза, понять, что жизнь сурова, что иной она просто не может быть. Нам же с тобой она до сих пор дарила только радости. И я никогда не забуду этого, Максим.

– Нет! Нет! – твердил он, словно в исступлении. – Наша любовь должна преодолеть все!

– Наша любовь – только любовь. А жизнь – нечто значительно большее, – сказала Миона тихо, но твердо. И Максим понял, что перед ним уже не девочка, а взрослая женщина системы Агно. – Мы смогли бы остаться вместе лишь при одном условии: если бы ты согласился покинуть Землю излететь вместе с нами. Но ты... Ты не сможешь жить без Земли, я знаю. Я знаю, как ты любишь меня. Но знаю, что есть и еще большая любовь –

любовь к Родине. И как ни страшно, как ни безумно страшно расстаться с тобой, но в тысячу раз страшнее увидеть тебя тоскующим по Земле, раскаивающимся в том, что ты улетел со мной. А так было бы, милый. Поэтому, любя тебя, я не могу даже в мыслях допустить, чтобы ты покинул Землю. Хотя как трудно станет здесь без тебя твоей жене... Твоему сыну... Нет, нет, не отвечай! Не говори ни слова! У нас еще будет время подумать и поговорить об этом. А сейчас, прощай! Любимый мой!.. – она прижалась губами к его глазам и выскользнула из комнаты. Тут только он почувствовал, что лицо его мокро от ее слез.

– Миона! – он бросился за ней следом, настиг в прихожей, обхватил ее за плечи, повернул к себе.

Миона плакала. Плакала впервые за все время, что он видел и знал ее. Плакала, сотрясаясь от рыданий. И это было так противоестественно, так невероятно, что он едва не проклял себя за то, что даже в мыслях собирался покинуть ее.

– Миона, милая! Я никогда... Она зажала ему рот ладошкой:

– Я просила тебя: ничего не говори. Ведь я все чувствую, все знаю. У нас еще будет время принять окончательное решение. А сейчас... Мне надо побыть наедине со своими мыслями. И тебе – тоже...

...И вот он на Земле. Жесткая ребристая стенка за спиной. Грязный вибрирующий пол под ногами. Четверо с оттопыренными карманами по бокам. Двое с автоматами – чуть поодаль. А впереди?..

2

Свет гас и зажигался через абсолютно равные промежутки времени: две минуты кромешной темноты, две минуты нестерпимо яркого свечения. Спрятаться от него было невозможно. Бесчисленные светильники располагались и в потолке, и в стенах, и кое-где в полу. Свет проникал даже сквозь плотно сомкнутые веки. Все это могло бы свести с ума, если бы не специальные приемы аутотренинга, каким научила его Этана.

Максим нервно усмехнулся. Знала бы она, как встретили его в «самой высокоразвитой» стране Земли! Но он и не строил радужных иллюзий – по своей воле встал на этот путь и не свернет с него, несмотря ни на что.

Дверь камеры бесшумно раскрылась. Обычно после этого внутрь вкатывалась небольшая тележка с завтра-ком, обедом или ужином. И повторялась стереотипная фраза.

– Как вы себя чувствуете?

Максим не отвечал ни словом, ни единым движением. Но сегодня было что-то другое. Свет не погас в положенное время. Дверь оставалась открытой. В камеру вошли двое.

– Шеф просит вас к себе.

Максим понял, что психическая подготовка закончена!

Враги решили, что воля его достаточно сломлена, чтобы начать прямую обработку сознания.

«Ну что же, посмотрим, с чего они начнут», – Максим поднялся с мягкого пружинящего пола, вышел, пошатываясь, вслед за тюремщиками.

Ноги плохо слушались его, тело было точно скованным. Но голова оставалась ясной. Он оглядел своих стражей. Это были, по всей видимости, не просто охранники, но довольно крупные чины разведки. Один из них пошел впереди, другой – чуть сзади Максима. Так они прошли по длинному коридору, поднялись на второй или третий этаж, миновали несколько комнат, в каждой из которых на него устремлялись цепкие глаза таких же выразительно молчащих парней, и наконец оказались в просторном кабинете без окон, где при свете небольшой настольной лампы сидел за столом сухощавый мужчина с бледным непроницаемым лицом. Офицеры, сопровождавшие Максима, сели неподалеку от него.

«Шеф» кивнул на стоящее перед столом кресло, с минуту всматривался в лицо Максима:

– А вы неплохо выглядите, господин Колесников.

– Благодарю вас, мне были созданы все условия. Человек за столом усмехнулся:

– И тем не менее вы, наверное, были бы не прочь сменить обстановку?

Максим пожал плечами.

– Все будет зависеть от вас, только от вас, – сухощавый взял в рот сигарету, придвинул пачку «гостю».

– Спасибо, я не курю.

Хозяин кабинета выпустил изо рта тонкую струйку дыма, взглянул Максиму в глаза:

– Да, все будет зависеть только от вас. Вы сами сейчас решите: ждет ли вас впереди красивая, полная удовольствий жизнь и искренняя благодарность всех людей Земли или...

– Что вам от меня нужно? – перебил его Максим.

– Что нам от вас нужно? Мы знаем, что вы располагаете уникальной информацией. Можете не сообщать, как она попала к вам. Каждый человек имеет право что-то хранить в тайне. Но информацию, о которой я говорю, вы намеревались передать правительству враждебной нам Державы.

– Я намеревался передать ее своему народу, – возразил Максим.

«Шеф» тонко улыбнулся:

– Не будем играть в несмысленнейшей, господин Колесников. Мы оба знаем, что политику делают не народы и даже не парламенты, а те, кто обладает реальной властью. Так вот, вы намеревались передать стратеги, чesки важную информацию властям Советской России. Зачем? Чтобы она могла развязать ядерную войну, не боясь ответного удара?

– Чтобы ядерная война стала вообще невозможной на Земле. Предложения нашего правительства на этот счет вы знаете.

– Зато вы не знаете его истинных намерений. Это оно, ваше правительство, готовится ввергнуть человечество в пучину ядерной катастрофы, чтобы оправдать свой тезис о неизбежной победе коммунизма во всем мире.

– Вы можете это доказать?

– Это докажет история. Но будет слишком поздно.

– Ваше ведомство способно даже предвосхитить историю?

– Мое ведомство способно предвосхитить даже вашу судьбу. Мы располагаем совершенно точными данными, что по получении от вас инопланетной информации вас должны были уничтожить там, в России.

«Шеф» снова усмехнулся:

– Я знаю, что вы сейчас подумали, господин Колесников. Вы подумали: какой грубый шантаж! Не буду предъявлять вам документальных доказательств, вы можете счесть их за фальшивку. Но встаньте на место русских властей. Ведь вас в любую минуту могли похитить. В этом теперь вы сами убедились. И русская контрразведка прекрасно отдавала себе в этом отчет. Могла ли она оставить такой важный для врага источник информации?

– Что же вы предлагаете? – прямо спросил Максим.

– Я предлагаю передать эту информацию нам.

– Но вы знаете: у меня нет с собой никаких материалов.

– Неважно. Передадите то, что сохранилось у вас в памяти. И не военным, не разведчикам, а таким же ученым, как вы.

«Та-ак...» – быстро соображал Максим. – Значит, ни диск, ни бумаги к ним в руки не попали. Иначе они прежде всего потребовали бы показать им, как пользоваться диском, и помочь разобраться в моих записях. А раз диск и бумаги целы – надо бежать. Бежать во что бы то ни стало. Хотя бы использовав элемент связи. Но как это лучше сделать?..»

– Да, вы будете иметь дело только с нашими физиками, – продолжал «шеф». – Вместе с ними и доведете до конца наши благородные намерения.

– Как довели их в свое время в Хиросиме и Нагасаки? – не удержался Максим.

– К чему ворошить старое? – нахмурился американец. – Были и в вашей истории небезупречные страницы. Речь идет о том, как предотвратить войну сейчас. И если бы вы передали всю имеющуюся у вас информацию физикам Запада... Нет, не в обмен за свободу и безопасность, – поспешил добавить он, уловив протестующий жест Максима. –

Я хочу повторить еще раз: только здесь, у нас, в контакте с учеными Америки, Западной Европы, вы сможете избавить человечество от термоядерной катастрофы и заслужить благодарность всех людей Земли, ибо только страны Запада, где права человека...

Но Максим уже не вслушивался в этот стандартный набор избитых фраз. В голове его шла напряженная работа. Итак, он без труда мог бы овладеть волей «шефа», будь они с ним вдвоем. Но рядом сидели два офицера, следящие за каждым его движением, в смежной комнате, как он успел заметить, также осталось несколько человек, а на столе, прямо перед глазами, непрерывно крутились диски магнитофона, фиксируя каждое его слово. Что же делать, что делать?

– Хорошо, – сказал он как можно спокойнее, – допустим, я соглашусь с вами, но где гарантия, что вы не поступите со мной точно так же, как намеревались поступить, по вашим словам, руководители Советской России?

– Гарантия? А то, что сейчас вы у нас, здесь, в этом кабинете, а не в застенках Чека, разве не гарантия? Будьте спокойны, у нас нет ни малейшего основания бояться, что вас когда-либо выкрадут. Отсюда не крали никого и никогда! Мы создадим вам все условия для жизни и работы. И какой жизни! А главное – вам будут благодарны и ваши соотечественники, ибо, нейтрализовав ядерную мощь России, мы уничтожим и свои атомные заряды. Право же, никому не хочется стать покойником.

«Так тебе тоже не хочется стать покойником? Стоп. Это идея. На этом можно сыграть. Амбула с нептунием – вот что поможет мне сейчас».

Он провел ладонью по голове, чтобы удостовериться, что ампула на месте. Этот крохотный баллончик, толщиной чуть больше человеческого волоса, искусно закрепленный Таней у него в прическе, был истинным шедевром даже среди изделий, изготовленных автоматами. Этану Сделанный из чрезвычайно легкого, абсолютно непроницаемого для радиоактивного излучения материала, он открывался только по мысленному приказу человека, имеющего элемент связи. И открывался либо лишь настолько, чтобы высвободить две-три крупинки вещества, либо ещё меньше, – чтобы выбросить мощный направленный поток радиации. Этим и решил воспользоваться Максим. Он сделал вид, что у него застилает глаза и нетерпеливо заерзал в кресле:

– А вы не прикажете принести сюда дозиметр? Брови «шефа» удивленно взметнулись вверх:

– Это еще для чего?

– А чтобы я поверил в искренность ваших слов. Мне кажется, вы уже сейчас решили вывести меня из игры.

– Не понимаю...

– Тогда дело обстоит еще хуже. Вы распорядитесь все-таки насчет дозиметра.

«Шеф» пожал плечами, но снял трубку телефона:

– Радиометриста с дозиметром ко мне!

Через несколько минут в кабинет вошел военный с небольшим портативным дозиметром и поставил его на стол перед «шефом»:

– Я слушаю вас, – хозяин кабинета вопросительно взглянул на Максима. Тот привстал с кресла, нагнулся над прибором:

– Надеюсь, вы разбираетесь в такого рода делах? – кивнул он на шкалу дозиметра.

«Шеф» взглянул на пляшущую стрелку прибора и мгновенно вскочил, будто подброшенный пружиной:

– Пятьсот рентген?! Или я что-то путаю...

– Нет, вы ничего не путаете. Я удивляюсь, как вы не почувствовали сами, – сказал Максим. – Впрочем, мои глаза в этом отношении на два порядка чувствительнее ваших.

– Что это значит?! – метнул «шеф» бешеный взгляд на радиометриста.

– Не могу знать, – прошептал тот, бледнея. – В комнате кошмарная радиация. Надо немедленно уходить.

– Так что же мы стоим? – вскричал «шеф» с перекошенным от ужаса лицом. – Быстро сюда! – махнул он рукой на запасной выход. – И вы тоже! – кивок в сторону Максима. – А вы с прибором идите с нами. Рядом с нами! – энергичный жест в сторону радиометриста. Максим скосил глаза на входную дверь. Сопровождавшие его офицеры метнулись в нее без всякой команды.

Запасной выход открывался на узкую крутую лестницу. «Шеф» первым запрыгал по бетонным ступенькам вниз.

– Сколько на приборе? – бросил он через плечо радиометристу.

– Четыреста двадцать, – ответил тот, сбегая бок о бок с Максимом.

– Боже, что же это? Скорее на воздух!

Через несколько минут они выскочили на залитый солнцем двор. Максим поспешно «прикрыл» шторку баллончика. Стрелка дозиметра сдвинулась к нулю. «Шеф» перевел дух, вытер пот с лица:

– Пройдемте вот сюда, – кивнул он Максиму на не большое строение у забора. – А вам, капитан, немедленно поднять на ноги всю радиометрическую службу и про верить здание вплоть до последнего угла. Исполняйте!

Они с Максимом прошли в просторную комнату, где за низким дощатым барьером были видны лишь стол и тумбочка с телефоном. За столом дремал солдат. Двое других расположились на широком подоконнике. При виде высокого начальства все трое вскочили. Он слабо махнул рукой, указав им на дверь. Солдаты вышли.

«Шеф» сел к столу, расстегнул душивший его ворот рубашки.

«Теперь пора», – решил Максим.

– Вот вам моя рука, – сказал он как можно мягче, подходя к американцу.

– Что рука? Какая рука? – не понял тот, с трудом приходя в себя после пережитого кошмара.

– Я согласен с вашим предложением и вот вам моя рука, – повторил Максим.

Лицо «шефа» расплылось в улыбке:

– Давно бы так! – он протянул Максиму руку. – Да что вы так жмете? Ну, хватит, хватит! Я очень рад... – он поднял глаза на Максима и сразу осекся, рука его обмякла, взгляд потух, голова склонилась к столу.

«Готово, цепь замкнулась!» – Максим выглянул в окно. Все кругом было спокойно. Солдаты молча курили у забора. Чуть дальше, у ворот, прохаживался часовой с автоматом. Больше во дворе никого не было.

А теперь слушайте внимательно, что я скажу! – властно потребовал Максим, обращаясь к «шефу». – Берите трубку и прикажите немедленно подать вашу маши, ну сюда, к этому зданию. И без всякой охраны!

– Хорошо, – ответил тот безразличным голосом, набирая номер телефона. – Алло. Это Рейли. Мою машину к караульному помещению. Да, сию секунду. Нет, охраны не надо.

Через минуту послышался шум приближающегося автомобиля.

– Шофера отпустите, – продолжал командовать Мак. сим. – Надеюсь, вы водите машину?

– Да, конечно.

– Тогда пошли!

Рейли шагнул к открывшейся дверце автомобиля.

– Вы свободны, Майкл, – обратился он к водителю. – Бак полон?

– Так точно, шеф.

– Садитесь, господин Колесников, – сказал Рейли, кладя руки на руль.

Максим сел возле него на переднее сиденье.

– Куда прикажете? – спросил Рейли.

– Сначала за ворота.

Машина вырулила за ограду. Часовой отсалютовал ей автоматом. Рейли взглянул на Максима.

– Теперь прямо на Вашингтон. И быстро! – приказал тот.

Машина помчалась по бетонированному шоссе. Стрелка спидометра замерла на отметке «сто». Максим взглянул на бесстрастное, точно каменное, лицо своего спутника!

– Вы в самом деле убеждены, мистер Рейли, что Америка уничтожит свои атомные заряды, если советское ядерное оружие будет нейтрализовано?

Тот мрачно усмехнулся:

– Нет, конечно. Мы не выживем без войны. Каждый борется за свое самосохранение, как может.

– Но вас не мучает совесть, что в этой войне погибнут миллионы?

– Что подделаешь, служба...

– И вы рассчитывали, что я добровольно помогу вам в таком черном деле?

– Я не очень-то верил в это, но в соответствии с инструкцией...

– Служба, инструкция... А где ваше собственное «я»?

– Собственного «я» у нас не имеет даже президент. Собственное «я» имеют только деньги. Большие деньги.

– Какую же мерзость вы хотите навязать всему миру!

Рейли пожал плечами. Максиму не хотелось говорить

с ним больше ни о чем. Он перевел взгляд на спидометр. Счетчик отсчитывал уже третий десяток километров. Вдруг резко пискнул зуммер радиотелефона. Рейли повернул лицо к Максиму.

– Ответьте, – сказал тот как можно спокойнее. – Скажите, что вы были вынуждены срочно выехать в Нью-Йорк.

– В Нью-Йорк?!

– Да, в Нью-Йорк, – повторил Максим, нажимая на последнем слове. – И добавьте... Кстати, где мой коллега Дмитрий Зорин?

– Там, в Центре. Только... – Рейли замялся, отвел глаза в сторону.

– Продолжайте! – потребовал Максим.

– Да как вам сказать... Его состояние... Словом, во время допроса...

– Вы пытали его?!

– Он оказался слишком упрямым, и сами понимаете...

– Так вот, добавьте, чтобы ваши подчиненные сделали все для восстановления его здоровья и подготовили необходимые документы для передачи Зорина Советскому посольству.

Рейли послушно повторил слова Максима в трубку радиотелефона.

– Теперь давайте-ка свернем с автострады и поедem немного другим путем. В целях вашей же безопасности.

Рейли кивнул.

Через полчаса машина вылетела на четырнадцатую улицу и остановилась перед воротами Советского посольства. Максим спрыгнул на тротуар:

– Дайте вашу руку, Рейли, и посмотрите мне в глаза. – Так... Через десять минут вы обретете прежнюю свободу действий. А сейчас поторопитесь в Центр. Там вас ждут.

От девятнадцатого – первому

В ночь на четырнадцатое июня семнадцатый, восемнадцатый и Делец арестованы в доме Лесника при попытке завладеть вещами Странника. Мне удалось избежать задержания, так как по приказу семнадцатого я ждал их в машине в трехстах метрах от дома. В ту же ночь Лесник покинул Вормалей и отбыл в неизвестном направлении. Местонахождение диска и бумаг Странника установить не удалось скорее всего, Лесник захватил их с собой. На следующий день была арестована Экономка. А еще через день сын Дельца, хорошо знавший семнадцатого, восемнадцатого и меня и, очевидно, догадывавшийся, какую роль играл Делец, публично отрекся от своего, оказавшегося неродным, отца, добровольно рассказал обо всем, что ему известно, органам безопасности. В сложившейся обстановке

мне пришлось срочно оставить работу в леспромхозе и скрыться в тайге. Прошу вашего разрешения покинуть Вормалей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Утро встретило их у подножия сопки Дальней, на небольшой поляне, плотно окруженной молодыми лиственничками, только что одевшимися в яркий весенний убор. Воздух был прохладным. Но солнце уже выкатилось из-за сопки, и миллиарды искр рассыпались по белой от росы траве и нежной бахrome лесных красавиц. Свежий ветер быстро сгонял последние космы розоватого тумана. Радостный гомон птиц поднялся навстречу рождающемуся дню.

Силкин снял с плеч Тани рюкзак, бросил на землю свою охотничью суму:

– Вот теперь отдохнем. Разложим костерок, попьем чайку, поспим, пока роса не обсохнет.

– А далеко еще?

– Неблизко. Я ведь нарочно сказал про избушку у Марьиного болота. Наш путь на Лысую Гриву.

– На Лысую Гриву?! Но ведь туда, говорят, неделя пути!

– Неделя не неделя, а два-три дня протопаем. Зато уж там нас ни одна вражина не сыщет!

– Силкин довольно хмыкнул в бороду.

– Но зачем нужно было вводить в заблуждение Андрея Николаевича?

– А чтобы ни одна живая душа не знала, куда мы схоронились.

– Зорину можно было сказать все. Я верю ему, как самой себе. Бы же видели..

– Я понял, что он хороший человек. Да ведь и хорошего человека можно обвести вокруг пальца. Неровен час, обмолвится кому-нибудь. А я теперь научен...

– Но как же найдет нас Максим?

– Максим не дурак, сразу поймет, где искать Силкина. Я потом шепнул этому Зорину, что избушка там, куда он, Максим, еще в детстве не побоялся сходить. Ну, а если и этого будет мало, так я знак оставил.

– Какой знак?

– А видела, я перед тем, как уйти, во дворе топор •всадил в чурбак? Так вот, по тому, как он всажен, Максим и поймет, где нас искать. У нас, охотников, всегда так. И Максим еще с детства это знает. Словом, найдет он нас, не беспокойся. А ты умаялась, поди?

– Да ведь с непривычки, дядя Степан...

– Ну еще бы! Ложись вот тут, отдохни малость, – он наломал лапника, прикрыл сверху полушубком.

Таня опустилась на мягкое душистое ложе, привычно приложила палец к виску и услышала:

– Главный информаторий Ао Тэо Ларра приветствует вас... – Она улыбнулась: пока все в порядке. Приятная дремота начала подкрадываться к ней. Но что он еще го ворит? – Назовите мысленно наш шифр, шифр командирра корабля... – И сразу сон долой! Какой шифр? Она не знала никакого шифра. А голос кибер-информатора умолк. Что же это? Как ей теперь быть? Таня даже при встала на своем ложе, снова и снова пытаясь связаться с диском, – оттуда не доносилось больше ни звука. А она- то надеялась считать с него всю необходимую информацию через свой элемент связи. Да разве Этану перехитришь! Она, конечно, предусмотрела и такой поворот событий. Какая досада!

Таня в отчаянии зарылась лицом в пахучую хвою. Как она не догадалась расспросить обо всем Максима! Но кто мог подумать, что все обернется так скверно? Максим-Максим, где ты сейчас?..

– Этот вот оползень сошел с сопки, считай, на моих глазах, – сказал Силкин, когда они поднялись на высокий крутой бугор, поросший молодым кедровником. – Прежде тут был овраг и, как сейчас помню, мостик через Него. Мостик пустяшный – три лесины с берега на берег, а без него в ненастье – хоть плачь, ни за какие коврижки на ту сторону не переберешься. Добрый, видать, человек соорудил тот мостик. И Проклятого пупка не побоялся.

– Чего, чего? – рассмеялась Таня.

– Ты не больно смейся! Сейчас, может, и я посмеялся бы с тобой. А тогда... Дурная молва шла тогда о Лысой Гриве.

– Ну, с Лысой Гривой понятно. Там, я знаю, челночные корабли инопланетян приземлялись. Они хоть на кого страху могли нагнать. А что за «пупок» тут пугал вас?

– Проклятый пупок – это такое место здесь неподалеку, куда в грозу будто все молнии норовили вдарить. Ну, словно тянуло их в эту круговину у оврага. Там аж земля спеклась, как в кузнечном горне. После Максим сказывал, что аккурат в этом месте корабль энтих самых, с другой звезды, сквозь землю провалился. Может, оно и так. А боялись мы этого места. Я, бывало, чуть не бегом старался Проклятый пупок проскочить.

– А сейчас, после оползня, и молний не стало?

– Да нет, нельзя сказать, чтобы совсем не стало. Бьют и сейчас, но меньше. Вон, видишь, лиственница с обломленной верхушкой? Так это ее молнией спалило. Тут как раз и был Проклятый пупок.

– Дядя Степан, можно я схожу туда, к этой лиственнице?

– Сходи, отчего не сходить, на небе ни тучки, бояться нечего. А я тут табачком побалуюсь.

Таня, сама не зная почему, подчиняясь какому-то безотчетному чувству, поспешила к обгоревшему дереву. Но что это? За ухом у нее вдруг щелкнуло, знакомый холодок пробежал по телу. Так было лишь тогда, когда элемент связи подключался к Главному киберу звездолета. Что могло это значить? Они вернулись?! Таня невольно отпрянула назад. Но в ушах отчетливо звучал уже... голос Этаны.

Таня оцепенела. Что еще надо этой космической амазонке? Зачем она снова разыскала ее, Таню, даже в такой глуши? Чтобы сообщить какую-то страшную весть? Но тут до сознания дошло нечто совсем уж непонятное: Этана говорила на своем родном языке. С кем? О чем? Кто мог понять здесь, на Земле, речь инопланетянки? Что нес из глубин пространства этот холодный бесстрастный голос?

Как жаль, что, будучи на корабле, она так и не научилась как следует языку Агно. Впрочем, кое-что ей было все-таки понятно. Тем более, что каждая фраза по-прежнему повторялась несколько раз. Таня прислушалась. Да, некоторые выражения были определенно знакомы. Эти вот первые фразы можно перевести примерно так:

«К сведению всех галактических кораблей системы Агно... – И дальше. – Вещает гравиобуй, установленный командиром Ао Тэо Ларра...»

Вот оно что! Это всего лишь электронная запись. Потому фразы и повторяются по нескольку раз. Видимо Этана обращается таким образом к тем, кто прилетит сюда вслед за ней. О чем же она предупреждает их? Это так важно для Земли! Таня напрягла все свое внимание:

«Здесь, в этой точке, на глубине трехсот двадцати восьми... Остатки галактического корабля Ао Тэо Эми-ка...» – мысленно переводила Таня. Но дальше шли абсолютно непонятные выражения. Неужели она больше ничего не узнает? Впрочем, вот снова знакомые слова:

«Буй установлен в день отлета Ао Тэо Ларра к системе Агно... При галактических координатах Солнца...» – снова несколько непонятных слов. И вдруг:

«Буй выдаст предполагаемую траекторию Ао Тэо Ларра к Системе в ответ на наш шифр: Ко ми даро элла...»

Что?! Таня даже вскрикнула от неожиданности. Их шифр? Шифр Этаны? А голос инопланетянки снова повторял:

«...в ответ на наш шифр: Ко ми даро элла...»

Дальше опять следовали какие-то непонятные фразы. Но Таня больше не слушала. «Ко ми даро элла!» – твердила она, чуть не бегом возвращаясь к Силкину. – «Ко ми даро элла!» Неужели это и есть тот шифр, который требовал от нее кибер-информатор диска? Но ведь тогда...»

Она вихрем вырвалась на тропу, подскочила к своему рюкзаку.

– Ты что, испугалась чего-нибудь? – шагнул ей навстречу Силкин, поспешно гася самокрутку.

– Нет, дядя Степан, посидите, покурите еще! – она присела к рюкзаку, сдвинула ладошками виски. Диск не заставил себя ждать:

– Главный информаторий Ао Тэо Ларра приветствует вас. Назовите мысленно наш шифр, шифр командира корабля.

– Ко ми даро элла! – прошептала Таня, задышавшись от волнения.

И сразу ей в ответ:

– Благодарю вас. Какой раздел знаний вас интересует?

– Все! Все в порядке! – Таня вскочила на ноги и, смеясь от счастья, закружилась, как девчонка, по тропе, потом подбежала к Силкину, обняла его за плечи, прижалась к его седой, прокуренной бороде. – Все в порядке, дядя Степан! Научилась я разговаривать с диском. И теперь узнаю все-все!

3

– Вот мы и пришли, – сказал Силкин, отодвигая кол, которым была подперта дверь избушки. – Видишь, как у меня тут славно: и печурка и нары. Даже запас мучки и соли вот здесь, в ларе. Ну, и без мяса я тебя, конечно, не оставлю. Самой что ни на есть свежатинкой попотчую. А взгляни – какая красота кругом!

Таня обвела глазами залитые солнцем дали. Заимка стояла в самом низу огромной котловины, метрах в тридцати от большого красивого озера. Склоны котловины, ровные, стремительно уходящие к горизонту, сплошь поросшие густым пихтачом, напоминали гигантский зеленый амфитеатр. А прямо над ним, на противоположной стороне, вздымалась суровая каменная гряда, казавшаяся крепостной стеной таинственного сказочного города.

– Это и есть Лысая Грива? – указала на нее Таня.

– Она самая. Мы обошли ее стороной. Кордон, значит, лежит теперь там, за гривой. А сюда, на эту сторону, ни один вормалеевец носа не сует, потому как один я кружной путь знаю. Оттого и зверь здесь не пуганый. А уж ягод, грибов – видимо-невидимо!

– А как же Максим?

– Максим-то? Хе! Максим найдет нас и здесь. Я ему про эту заимку не раз рассказывал. И о кружном пути говорил. Так что ни о чем не беспокойся. Будет тебе тут вроде как дача. Спать будешь на нарах. Я летом в избе не сплю, мое место у костра. А чтоб тебе не скучно было...

– Нет, скучно мне не будет, дядя Степан. Я должна диск слушать.

– Гм... Неужели он и вправду говорит с тобой?

– Говорит. Хорошо, понятно говорит. Я вчера после ужина допоздна его слушала.

– Ну, значит, будет тебе занятие. А то я ведь иной раз и надолго ухожу.

– Уходите, куда и насколько вам нужно, дядя Степан. ни о чем не беспокойтесь. Мне надо как можно больше из диска узнать. Узнать и записать. Мало ли что может произойти...

– Так что же, ты хочешь все время при себе его держать?

– Нет, это не обязательно. Я и на расстоянии могу с ним разговаривать.

– Тогда схороним его вот тут, в этой расселине, ви дишь? А чтоб точно место заметить, я ее валежничком при порошу.

Покончив с диском и бумагами, Силкин развел костер, вскипятил чаю, тщательно застлал пихтачом нары в избушке и, наскоро перекусив, вскинул на плечо ружье:

– Ну, располагайся тут, отдыхай, хозяйничай. А я пойду, дичи поищу, давно свежего мяса не ели.

– Счастливо, дядя Степан! – Таня проводила его глазами, затем прилегла на душистую хвою и привычным движением приложила руку к виску:

– Главный информаторий Ао Тэо Ларра приветствует вас...

4

– Ну, и много ты узнала из этого вашего кругляшка? – спросил Силкин несколько дней спустя, когда, плотно позавтракав, они сидели у костра и пили горячий, пахнувший дымком чай.

– Много, дядя Степан. В двух словах не скажешь.

– Он что же, вроде как пластинка на патефоне или радио какое?

– Да, примерно так. Мне слышится человеческий голос, ясный, отчетливый. Но кроме меня его не слышит никто.

– Ловко! А как он узнает, этот голос, что тебе от него надо?

– Очень просто. Я задаю ему вопросы – он отвечает.

– Чудно! И все, значит, как есть, про эту нейтрину расписывает?

– Да, я уже почти все поняла и записала.

– Путную вещицу привез Максим от этих чужаков. Больно, стало быть, понравился он им, коль на такое расщедрились. Да ведь и то сказать – семь лет там прожил. А вот вернулся. К тебе, Татьяна, вернулся! Видно, как ни хороша была эта его тамошняя, с другой звезды, а свое-то, земное, оно дороже.

Таня покачала головой:

– Нет, дядя Степан, не ко мне он вернулся – к Земле. К людям вернулся, чтобы избавить их от страшной гибели. А я... Он и не знал, что я жива. Ну, а когда уз-нал... Больше-то у него на Земле никого не осталось... К тому же – сын...

– Что же он, совсем как к чужим, к вам?

– Нет, дядя Степан! Я вижу, ему хочется стать мне хорошим мужем. Всем сердцем хочется. И в Вовке он души не чаёт. Но... Не любит он меня, любит ту, другую. И нет-нет, да такая тоска у него в глазах... – Таня отвернулась, чтобы скрыть слезы.

– Да-а, видел я ее, эту... другую.

– Вы видели ее? Где, когда? – встрепелась Таня.

– Да вот здесь, почитай, на этом самом месте. – И старик подробно рассказал, как натолкнулся случайно на плачущую Миону, как пожаловалась она ему на свои невзгоды и попросила написать обо всем Максиму.

– А тут как раз сын мой Колька собрался в город, где Максим работал, – продолжал Силкин. – Ну я и отписал ему все, как есть. Может, зря это сделал...

– Нет, дядя Степан, не зря! Как можно было не пожалеть бедную девушку?..

– Вот и я подумал. Больно уж она убивалась по Максиму! Так просила меня, старика! И такая была пригожая...

– Вот в этом и все дело. Я тоже ее встречала. Такую нельзя не любить. Разве мне с ней сравниться!

– Ну, ты у нас тоже... Другой такой поискать! А та, пришедшая, может, она и лучше, так ведь где она? Сами говорите, на другой звезде. Попробуй, доберись туда к ней! Их звезды-то глазом не достанешь. А ты тут, рядом. Что, Максим век будет сквозь тебя на звезды смотреть? Обтерпится, забудется.

– Обтерпится, забудется? Нет, дядя Степан, это не по мне. Люди должны или любить друг друга или...

– Что или?

– Так если он не любит меня, то и я не смогу его любить. Когда-то девчонкой-несмышленишкой я просто не понимала этого, а теперь...

– Теперь! А теперь вы муж и жена! И дите у вас растёт, о чем еще толковать!

8

«О чем еще толковать... Как все просто у дяди Степана. А на деле...» – Таня сбежала к самой воде озера и, присев на нагретую солнцем корягу, стала следить за солнечными бликами. Здесь, в глубине котловины, не было ни ветерка. Тонкие свечи камыша будто заснули под яркой россыпью кувшинок. Звуки исчезли. Воздух казался недвижимым, набухшим от запаха весенней прели. Все кругом точно застыло в ленивой дреме. Лишь верткие стрекозы вились над самой гладью озера, да деловитые муравьи сновали взад и вперед по голым сучьям коряги. Тишина и покой, казалось, навечно поселились в этом сказочно прекрасном месте.

А мысли, бегущие в голове у Тани, были одна другой печальнее. Что из того, что Максим вернулся на Землю? Что из того, что Миона навсегда исчезла в глубинах космоса? Она осталась в сердце Максима. Не могла не остаться. И разве можно в этом винить его? Но как перенести все это? Как жить дальше, зная, что любимый человек тоскует рядом с тобой?

Ведь он даже не поцеловал ее в тот последний миг перед посадкой на самолет. Правда, он был очень взволнован предстоящей поездкой, не спал ночь, кругом были чужие люди. И все-таки... Дмитрий – и тот обернулся к ней на трапе. Максим же не простился и глазами.

А потом была еще минута расставания. С другим близким человеком. И он, этот другой, тоже не поцеловал ее на прощание. Но она видела, чувствовала каждой клеточкой, каких сил стоило ему не броситься к ней, не прижать ее к своей груди.

Милый, добрый Андрей Николаевич! Так она мысленно называла его теперь всегда. Потому что ни в ком никогда не встречала такого искреннего участия, как в этом настоящему хорошему человеке. Ей казалось, что так Может относиться лишь отец к любимой дочери. Но что она могла знать об этом?

Таня даже не видела своего отца. Он умер, по словам матери, еще до ее рождения. У нее не было почему-то даже его фотографии. Мать вообще почти ничего не говорила об отце. Да и что можно было сказать маленькой Девочке? Ведь мама умерла, когда Тане едва исполнилось семь лет.

И, уж конечно, ее никогда не баловали вниманием. Таня воспитывалась у теток. Сначала у одной, доброй и болезненной, жившей в деревне; потом у другой, – чопорной и злой, которая жила в городе и «выводила ее в люди». Это заключалось в том, что сразу по окончании восьмилетки она отправила Таню в другой город в медицинское училище и каждый месяц выдавала по пять рублей на «карманные расходы». Главной статьей этих «карманных расходов» были хлеб и чай. Потому что, кроме крохотной стипендии и этих пяти рублей, у Тани не было абсолютно никаких средств к существованию.

Стоит ли удивляться, что годы, проведенные в училище, были самыми тяжелыми в ее жизни. Тяжелыми не только потому, что за все это время она не могла приобрести себе ни одного мало-мальски приличного платья или позволить себе хотя бы съесть пирожное. Но еще и потому, что ей не встретился в эти годы ни один человек, которому она смогла бы открыть свою душу.

А душа у Тани была особенная. Светлая и болезненно впечатлительная, щедрая и отзывчивая, овеянная стихами Байрона и рассказами Грина, подсвеченная собственными мечтами о жизни необычной, людях неординарных. Она металась, как птица, наталкиваясь на тупое равнодушие и грубость, рвалась, сама не зная куда, в надежде найти какой-то другой, придуманный ею мир.

Но в городе, где она училась, места такому миру не было. Вот почему по окончании училища она, не раздумывая, уехала в тайгу, в далекое Отрадное, где жила ее третья тетка и где она надеялась найти свои «алые паруса».

И судьба, казалось, улыбнулась ей. Чуть не в первый день, еще не устроившись на работу, она встретила на глухой лесной дороге человека, который будто шагнул к ней со страниц Грина. Да еще вместе с таинственной незнакомкой, один вид которой будто открывал перед Таней дверь в тот сказочно прекрасный мир, какой она нарисовала в своих мечтах.

Таня полюбила Максима сразу и, как ей казалось, на всю жизнь. Она жила этой любовью все последующие годы, отгородилась ею от всего мира, не давая прикоснуться к ней абсолютно никому. Она гневалась даже на себя за то, что иногда позволяла себе слишком тепло подумать о Зорине. Она была уверена, что ее любовь свершит чудо: Максим вернется к ней и так же полюбит ее. Ждала этого чуда семь долгих лет. И только здесь, на этом озере, перебирая в памяти день за днем, час за часом свою жизнь, начала понимать, что любила лишь свою мечту...

– В отставку? – Хант смерил своего заместителя ядовито-насмешливым взглядом. – Вы слишком легко хотите отделаться, дружище! В прежние времена в таких случаях вручали шелковый шнурок или пистолет с одной пулей.

Рейли заметно вздрогнул.

– Я готов понести любое наказание, – сказал он, не поднимая головы.

– Вот как! А что это даст мне, нашему управлению, всей нации? Чем, скажите, пожалуйста, поможет ваше наказание сохранить мощь страны? Не-ет, дорогой мой, в отставку я вас не выпрожаю и наказывать не стану. Но! – Хант сделал многозначительную паузу. – Дам такое задание, которое действительно пощекочет вам нервы. Поедете в Россию! Нет-нет, не в качестве секретного агента. Поедете сотрудником нашего торгпредства. Но, естественно, не под своим именем. Рейли слишком намозолил глаза известным органам в Москве. Поэтому с сегодняшнего дня он исчезнет. Исчезнет, как исчезаем все мы, смертные: завтра в газетах появится некролог. Можете сами его подредактировать, – Хант снова едко усмехнулся, подвинул к себе одну из папок, щелкнул по ней пальцами. – А вместо Рейли появится мистер Элсберг. Уильям Элсберг, доктор технических наук, сорока шесть лет... Вот тут все его биографические данные, личное дело. Правда, пока без фотографии. Ее вклеят после того, как вы побываете в лаборатории доктора Готтлиба, и он немного поработает над вашей внешностью.

Хант не спеша закурил:

– Так вот, Элсберг поедет в Россию и возьмет на себя все руководство по дальнейшему осуществлению операции «Феномен икс». Готов ли мистер Элсберг выслушать соответствующие инструкции?

Рейли молча кивнул. Хант встал из-за стола, прошелся по кабинету. Теперь в глазах его была лишь непреклонная решимость, голос отливала металлом:

– Отныне все усилия должны быть направлены на то, чтобы русские ни в коем случае не смогли до битья реального воплощения идеи стабилизации радиоактивных изотопов по крайней мере в течение двух лет. Слышите – минимум двух лет! Теперь конкретно о вашей задаче. Скорее всего, работы по созданию соответствующей аппаратуры будут сосредоточены в институте ядерной физики. На нем и следует остановить главное внимание. Зацепка там уже есть – наша Учительница. С ней установите прямую связь. Ваше личное проникновение в институт планируется следующим образом. Советы давно стремятся заполучить у нас кое-что из электронной техники. До сих пор на это было наложено строжайшее эмбарго. Теперь я постараюсь снять ограничения именно с тех приборов, в которых нуждается институт ядерной физики. Учительница уже представила соответствующий список. Так вот, поставкой, установкой, настройкой этих приборов предстоит заняться вам и вашим людям. Приборы будут поставляться в течение

длительного времени. Возни с ними будет много. Мы позаботимся об этом. Так что в институте вы обоснуетесь надолго. И главное – сможете контактировать со многими людьми, практически из всех лабораторий. Ну и, естественно, будете иметь возможность оперативно руководить работой Учительницы.

Хант снова закурил, потер ладонью лоб:

– Ваша задача – прежде всего: всячески тормозить работу по созданию каких-либо установок, регулирующих радиоактивный распад. Для этого следует использовать все: дискредитацию самой идеи стабилизации ядер, разжигание недоверия к Колесникову и всему, что связано с инопланетянами, подтасовку экспериментальных данных. Впрочем, там, на месте, будет виднее. Ну, а затем – получение соответствующей информации для нас. Мы должны вырвать этот секрет у русских. Вырвать во что бы то ни стало!

– Само собой разумеется.

– Значит, все ясно?

– Только один вопрос. Ведь там, в лаборатории Готтлиба... Нельзя ли без этого?.. Может, достаточно простого грима...

Хант не дал ему закончить:

– Я полагал, мы обо всем договорились. Или не так?

Рейли обреченно вздохнул:

– Да, да... Все ясно... Можно приступить к подготовке операции?

– Подготовки не будет. У нас нет времени. Самолет в Москву вылетает завтра утром. Готтлиб ждет вас сейчас.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Как всегда, ровно в девять Зорин поднялся к себе в кабинет и раскрыл папку с неотложными делами. Но мысли его были далеко. Сын пропал. От Тани – ни строчки. В газетах – одно известие страшнее другого: призрак ядерной войны вздымался все зримей, все отчетливей. А вокруг – все та же рутина человеческих страстишек. Впереди – как прежде, лишь горечь одиночества.

И никакой возможности вырваться из этого омута собственного бессилия. Никакой надежды на что-то лучшее, светлое, что смогло бы вдохнуть в него прежнюю бодрость, вернуть душевный подъем, какой он пережил минувшей весной. Все будто надломилось в нем, все потеряло всякий смысл.

В горы он больше не ходил. Гимнастику не делал. Вернулась одышка, снова появились боли в груди. И снова, как прежде, стали невыносимыми мелочные капризы больных, бесконечные склоки обслуживающего персонала.

Нет, больше он не выдержит. Надо что-то делать, куда-то ехать, где-то искать сына. Надо наконец дать отдых издерганным нервам.

Но как избавиться от этого проклятого кабинета, от этих бумаг, от этого ненавистного телефона, который снова, в который уж раз, верещит у него на столе.

Он нехотя снял трубку с рычага:

– Да...

– Зорина мне! – потребовал чей-то нетерпеливый голос.

– Зорин слушает, – ответил он, не меняя интонации.

– Папка! Папка, это ты? Это я – Димка!

– Что?.. Что?.. – еле выговорил Зорин, ловя выпавшую из рук трубку.

– Да это я, я! Ты что, не слышишь?

– Слышу, слышу, сынок, – смог наконец вымолвить Зорин. – Где ты? Откуда звонишь?

– Из Минеральных Вод. Прямо из аэропорта. Мы тут оба с Максимом. И голодные, как черти! Так ты там того... Организуй, что можно. Сейчас, сейчас! Это я Максиму. Он спрашивает: нельзя ли Татьяну Аркадьевну к телефону.

– А она... Она в Вормалее.

– Как в Вормалее?
– Ну, это в двух словах не скажешь. Я и сам успел побывать там...
– Алло! Андрей Николаевич, это Колесников. Вы говорите, Таня в Вормалее? Давно? Это связано с... с оставшимися там моими вещами?
– Да, мы нашли их. Вернее, мы разыскали Силкина.
– Вы разыскали дядю Степана?! Значит, он жив-здоров? И все вещи по-прежнему у него?
– Да, теперь Таня присматривает за ними.
– Отлично! Но почему Таня осталась в Вормалее? А как же Вова?
– Вова с ней... Да вы садитесь скорее в такси и приезжайте сюда, что скажешь по телефону... Все хорошо у нас. Все хорошо! – Зорин повесил трубку и, сняв халат, вышел в приемную:
– Лена, я отлучусь на несколько часов.

2

– В общем, досталось мне крепко, – закончил Дмитрий свой рассказ. – Эти костоломы у Рейли не зря едят хлеб. Я думал, уж конец пришел. И вдруг – светлая палата, белые простыни, медсестры, как звезды Голливуда. И сам Рейли: простите, говорит, пожалуйста, ошибка вышла, недоразумение. Завтра вас передадут Советскому посольству. Я, конечно, решил, что это какая-то новая каверза, приготовился ко всему. А наутро смотрю – машина с советским флажком на радиаторе, а в ней – Максим! А когда он рассказал дорогой, как Рейли от нептуния спасался, я думал, умру со смеху, честное слово! Да и вся эта их поездка в Вашингтон.. Потеха!

– Ну, а каковы ваши дальнейшие планы, молодые люди? – спросил Зорин.

– План один – Вормалей! Мы ведь сюда только на денек заскочили, выяснить обстановку. И завтра же в институт. Да, а что было в институте, папка! Сначала нас и слушать не хотели. Это что еще, говорят, за бред сивой кобылы? Мало нам летающих тарелок! А как мы выложили перед ними нептуний, что тут началось!.. В общем, все теперь поставлено на деловые рельсы. Создана I специальная группа под руководством моего шефа, профессора Саакяна. Максим зачислен в штат института. Нам : выделены люди, средства. Вот как все обернулось, папка! ?Считай, победа на всех фронтах.

– Ну, до победы еще далеко, но то, что вы снова на Родине... Как жаль, что мы не можем телеграфировать об этом Тане! Сколько бессонных ночей у нее впереди! Как долго вы собираетесь пробыть в институте?

– Самое большее – день-два, – ответил Максим. – Правда, этот Саакян, кажется, не из тех, кого легко сдвинуть с места. Но в крайнем случае мы вылетим без него.

– Да уж поспешите, Максим. Ведь каждый лишний день, каждый час там, в тайге, для Тани...

– Я понимаю, Андрей Николаевич. Кстати, повторите еще раз, что сказал вам Силкин на прощание. Где они собирались укрыться с Таней?

– Он сказал: «Искать нас надо в моей заимке, за Марьиным болотом».

– Странно...

– Или я что-то переврал?

– Нет, но эта избушка – почти у самого кордона, ее любой мальчишка знает. А ведь вы говорите, они вышли ночью. Какой смысл в такой конспирации, если потом жить, можно сказать, у людей на глазах?

Зорин пожал плечами:

– Я отговаривал их от этой затеи. Но Татьяна Аркадьевна осталась непреклонной.

– Таня поступила правильно. В той обстановке, какая сложилась в Вормалее, это было единственно возможное решение. Но вот заимка, у самого кордона... Припомните, не сказал ли Силкин еще что-нибудь?

– Подождите, Максим. Теперь я припоминаю, что потом он добавил вскользь несколько слов. Он сказал что-то вроде того, что в те места вы еще в детстве не боялись сходить...

– Вот оно что! Ну, кажется, я начинаю понимать. Спасибо, Андрей Николаевич.

3

– Здравствуйте, Денис Павлович. Вас можно поздравить? Колесников в Москве.

– Колесников уже в Кисловодске, завтра выедет в Вормалей. А поздравлять меня, Сергей Сергеевич, не с чем. Колесников сам – сам! – выбрался из такого логова, из какого нам его и за полгода было бы не вытащить. Но теперь, кажется, все в порядке. Идеей Колесникова заинтересовался Институт ядерной физики. Там сформирована специальная группа во главе с профессором Саакяном. Эта группа и выезжает в Вормалей, чтобы на месте познакомиться с информационным диском и записями Колесникова. Кстати, как там, в институте, поживает наша подопечная?

– Вы имеете в виду Нестеренко? Прежде всего я установил ее личность. Внучка крупного украинского националиста, бывшего офицера власовской армии, бежавшего в одну из стран Южной Америки, а затем обосновавшегося в Штатах, она была завербована американской разведкой и заброшена в нашу страну. В институте проявляет усиленный интерес ко всему, что связано с изучением нейтрино...

– Вот как! Теперь, я смотрю, для них страшнее нейтрино зверя нет.

– Да, похоже, так. Ради этих нейтрино Нестеренко и была внедрена в институт. Единственный канал связи у нее – Кисловодск.

– То есть «Виктор»?

– Да. Связь осуществляется путем передачи с проводниками поезда «Кисловодск – Москва» различных посылок.

– А дальше? Куда тянется цепочка?

– Этого, к сожалению, установить пока не удалось. Предполагаю, что «Виктор» каким-то образом поддерживает связь с самим резидентом...

– С самим «четвертым»? Вы уже говорили об этом. Но когда, наконец, мы выйдем на Джона Снайдерса? Может, послать в Кисловодск еще кого-нибудь?

– Не стоит, Денис Павлович. Рябинин все делает так, как нужно, я в курсе дела. Он уже установил, что «четвертый» окопался в Пятигорске. И сколько веревочке ни виться...

– Ну, смотрите. Этот «четвертый» вот где у меня сидит! – похлопал генерал себя по затылку.

От Учительницы – четвертому (для первого)

Тридцатого июня в институт вернулся Кандидат, Вместе с ним прибыл некто Колесников Максим Владимирович. На заседании ученого совета института им было сделано сообщение о том, что он якобы побывал на внеземном космическом корабле и получил от инопланетян необходимую информацию для создания нейтринного генератора по стабилизации радиоактивных изотопов. Доклад вызвал бурную реакцию всех присутствующих (недоумение и недоверие, граничащее с негодованием). Тогда Колесников продемонстрировал ампулу с нептунием и привел несколько оригинальных фактов, детализирующих строение атомного ядра. Настроение ученых сразу изменилось. Ответы Колесникова на многочисленные вопросы окончательно убедили членов совета в правдивости его удивительного сообщения. В результате было принято решение – немедленно начать подготовку к созданию нейтринного генератора, возбудив ходатайство перед ГКНТ о включении этой темы как важнейшей в план работы института на следующие два года. Возглавить эти исследования поручено Доктору. В ближайшие дни он вместе с Колесниковым, Кандидатом и группой ведущих физиков института выедет в Вормалей, чтобы ознакомиться с оставленными там материалами о конструкции и принципах работы генератора, содержащимися в личных записях Колесникова, сделанных на борту корабля, и каком-то особом диске, изготовленном инопланетянами и представляющем, как я поняла, нечто подобное научной энциклопедии по самым различным отраслям знаний.

По имеющимся у меня сведениям, не исключена возможность, что в скором времени Доктор займет пост директора института. Я делаю все возможное, чтобы заручиться его благосклонностью. Мне уже обещано участие в Вормалейской экспедиции и повышение по службе в лаборатории Доктора.

От первого – четвертому (для Учительницы)

Благодарим за усердие в работе и ценные сведения. С июня увеличиваем причитающееся вам денежное вознаграждение на пятьдесят процентов.

Считаем очень важным ваше участие в Вормалейской экспедиции. Предлагаем решить одновременно две задачи. Первая – добейтесь сближения с Колесниковым (он значится у нас как Странник), постарайтесь выяснить у него принцип работы генератора и приемы обращения с инопланетным диском, по возможности выкрадите диск и перешлите его нам. Вторая – всячески дискредитируйте идею создания генератора, постоянно настраивая Доктора и сопровождающих его физиков на нереальность и никчемность работ по его созданию. Постарайтесь развить неприязнь (еще лучше вражду) Доктора лично к Колесникову, подчеркивая его авантюризм, возможность подорвать авторитет и испортить карьеру Доктору и пр. и пр.

В ближайшее время в институте появится представитель торгпредства США, ведающий поставкой электронной техники. Это ваш непосредственный начальник. Все его указания выполняйте неукоснительно. Его пароль: «Вы что же, физик-ядерщик, такая молодая и красивая?» Ваш отзыв: «Нет, я всего лишь школьный учитель».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

– Вот она, эта заимка, о которой говорил Силкин, – сказал Максим, открывая дверь в покосившуюся, заросшую мхом и лишайником избушку. Оттуда пахло плесенью и сыростью. Все отступили назад.

– Вот это фокус! – присвистнул Дмитрий. – Что это, очередная мистификация на тему «где эта улица, где этот дом»? Или отец все перепутал?

– Я ожидал этого, – спокойно ответил Максим. – Трудно допустить, чтобы такой опытный человек, как Силкин, мог остановить внимание на этой развалюхе, в двух шагах от кордона. Недаром я просил твоего отца поточнее вспомнить, что он сказал ему на прощание.

– И, кажется, сделал какой-то вывод?

– Да, я понял, что Силкин переосторожничал, передал с Андреем Николаевичем лишь своеобразную криптограмму. Так что сюда я вас привел больше для того, чтобы убедиться в своих предположениях.

– И где теперь искать этого Силкина, как расшифровать его криптограмму?

– Я надеюсь сказать это совершенно точно минут через тридцать-сорок. А сейчас придется вернуться в Вормалей, заглянуть во двор к старику. Пойдемте, товарищи!

Максим тщательно прикрыл дверь заимки и, не вдаваясь в подробности, повел всех обратно на кордон.

Их многочисленный, наспех сколоченный отряд, в который, кроме Максима и Дмитрия, вошли профессор Саакян, три физика – один теоретик и два экспериментатора, техник-приборист, он же – лаборант-хозяйственник, два бойца вневедомственной охраны института и молодая смазливая девица Алла Нестеренко, о роли и обязанностях которой Максим до сих пор не имел ни малейшего представления, прибыл в Вормалей сегодня утром и, едва устроившись в гостинице леспромхоза, не теряя времени, вышел на поиски старика-охотника. День выдался теплым, солнечным. Мошара еще не успела заполнить тайгу, поэтому настроение у всех было превосходным. Первая неудача не обескуражила молодых людей. Смех и шутки не умолкали до самого кордона. Двор Силкина, наверное, никогда не видел такой веселой шумной компании. Все с ходу устремились на крыльцо.

Но Максим лишь глянул на топор, всаженный в чурбак посередине двора, и нетерпеливо махнул рукой:

– Все ясно, товарищи. Больше нам здесь делать нечего.

– Что ясно? Как вы успели узнать? – раздалось сразу несколько голосов.

– А вот по этой шифровке, – кивнул Максим на топор. – У Силкина да и многих других здешних охотников принято, уходя в тайгу, указывать место, куда они ушли, положением топорика.

– Куда же направлена сия указующая десница?

– Топорище, как я и предполагал, смотрит прямо на Лысую Гриву. Там тоже есть маленькая заимка. В ней Силкин наверняка и схоронился.

– Отлично! На гриву, так на гриву! – воскликнула Нестеренко. – Пошли, Максим Владимирович. Мне здесь ужасно нравится. А до обеда еще...

Максим невольно улыбнулся:

– Какой обед вы имеете в виду, Алла Федоровна? До Лысой Гривы три дня пути. Сплошной тайгой. Почти без всякой дороги.

Смех и шутки сразу смолкли.

– Что же нам делать? – спросил один из физиков, глянув на свои модные туфли на высоком каблуке.

– Сейчас же начать готовиться к походу.

– Как это понимать?

– Прежде всего позаботиться об одежде и обуви.

Ботинки сменить на сапоги, пиджаки – на штормовки. То и другое в здешнем магазине есть. Затем продукты. Этим придется заняться вам, Алексей Павлович, – обратился он к лаборанту-хозяйственнику. – Надо закупить минимум на две недели хлеба, сахару, крупы, макарон, ну и консервов, какие найдутся.

– На десять человек?

– Нет, вам, Рубену Сааковичу и, может быть, вам, Алла Федоровна, я посоветовал бы остаться, подождать нас здесь.

– Это почему мне остаться? – с вызовом обернулась Нестеренко.

– Да ведь тайга не городской парк.

– Однако ваша жена, насколько я знаю, там, на Лысой Гриве.

– Моя жена провела полжизни в тайге.

– Нет, я не останусь! Я пойду с вами, Максим Владимирович, пожалуйста...

Максим пожал плечами:

– Мое дело предупредить.

2

– Да-а, не очень-то складно все получается... – сказал Дмитрий, когда они остались с Максимом вдвоем. – И что заставило старика забраться в такую даль?

– Забота о нашем диске, Дима. Только там и можно сохранить его от всякой нечисти. Мудро поступил дядя Степан.

– Может быть, и мудро. Но отправляться сейчас в десятидневную экспедицию...

– Ты что, боишься не дойдешь?

– Я боюсь представить, как это воспримет шеф.

– Слушай, Дмитрий, он действительно такой крупный специалист, твой шеф, что именно его назначили руководителем группы?

– Как тебе сказать?.. Профессор! К тому же – положение, имя...

– Но чем он конкретно сможет помочь нам в научном смысле?

– А зачем нам какая-то научная помощь? Ты со своим диском сам десятка академиков стоишь. Главное – перед ним все двери открыты.

– А это зачем?

– Нет, ты положительно стал не от мира сего там, на этом звездолете! Да будь у тебя готовые чертежи, даже готовый действующий макет генератора, с тобой ни в одном КБ говорить не будут, пока не заручишься поддержкой такого вот Саакяна.

– Но ведь речь идет о судьбах всего человечества!

– О судьбах человечества сейчас многие не прочь поговорить. А надо еще доказать, что ты сможешь что-то сделать для этих судеб. И в доказательства эти поверят только тогда, когда их представят вместе с тобой опять-таки саакяны, хотя, честно говоря, для них, саакянов, судьба всей планеты не дороже, чем пуговица от собственных штанов. Ты вот из-за этих судеб чуть богу душу не отдал, а мой Рубен Саакович сегодня полчаса ворчал, что в местной гостинице для него номера с персональным унитазом не нашлось.

– Не может быть!

– Вот тебе и не может быть! И все-таки без него, Рубена Сааковича, мы не смогли бы даже теперешнюю командировку выбить.

– Хорошо, допустим. Но зачем еще эта... Алла Федоровна?

– Гм... Зачем Алла Федоровна? Ты вот захватил с собой полотенце, мыло, зубную щетку? Так профессор может позволить себе захватить и кое-что еще.

– Ну, знаешь!

– Да плюнь ты на все! Нашел о чем заботиться. Главное сейчас – убедить шефа в необходимости похода на Лысую Гриву.

– Так неужели он еще будет возражать?!

– А вот сейчас увидим.

3

– Вы в своем уме, молодые люди? – гремел Рубен Саакович, вытирая пот с розовеющей лысины и чисто выбритого холеного лица. – Три дня туда, три дня обратно! Значит, неделю выбросить из жизни? Дмитрий Андреевич, ты же, дорогой, говорил, что вся экспедиция займет дня три-четыре!

– Да, но... Кто мог подумать...

– Максим Владимирович, неужели туда, на эту вашу гриву, никакой транспорт не ходит?

– Какой же транспорт в тайге, Рубен Саакович? – возразил Максим. – Туда и дороги нет.

– Ну, хорошо, пусть нет. А вы что, не могли выяснить все это заранее, до того, как тащить сюда профессора?

– Я сам только сегодня узнал, что диск на Лысой Гриве. Здесь ничего нельзя было предусмотреть заранее. И мы же не приглашаем вас в этот утомительный поход. Вы подождете нас тут, в Вормалее.

– Хорошенькое дельце – подождать их тут! Прожить неделю в этом клоповнике! Нет и нет! И потом, это же смешно в конце концов! В наше время неделю тащиться пешком, когда всюду летают самолеты, вертолеты... Да, в самом деле, почему бы нам не затребовать вертолет? – он обвел глазами комнату. – Тьфу, никак не могу привыкнуть, что в номере нет телефона. Подождите, я спущусь к дежурному.

Максим махнул рукой и отошел к окну, Дмитрий сел на жесткий лоснящийся диван. Но уже через несколько минут Саакян вернулся в номер:

– Все в порядке! Завтра в одиннадцать будет вертолет. Правда, маленький. Поэтому летим лишь мы трое – он самодовольно потер руки. – Посмотрим наконец, что это за инопланетная вещица! И хотя, откровенно говоря, я не питаю особых надежд, но... Любопытно, конечно. До завтра, молодые люди.

– Ну, теперь ты понял, что значит Саакян и для чего он нужен? – толкнул Дмитрий Максима в бок, как только они вышли из номера.

– Понял. И все-таки не нравится мне твой Рубен Саакович.

– Нравится не нравится, а это сила. Бо-ольшая сила! Плохо разве, что диск уже завтра будет в наших руках? Лишняя неделя и для нас кое-что значит.

– Значит, конечно. Тогда так, Дима: скажи ребятам, что поход не состоится. Пусть продуктов закупают поменьше.

– Но все-таки закупают?

– В тайгу без припасов не ходят и не летают. И купи себе штормовочку, не помешает. А я добежу до Отрадного, попытаюсь разыскать тетку Тани. Вовка ведь у нее...

– Все сделаю, топай!

– Ну, бывай! – Максим вышел на улицу, но не успел пройти и нескольких метров, как его окликнули. Он обернулся – за ним от гостиницы бежала Алла Нестеренко.

– Максим Владимирович, вы в тайгу? Позвольте составить вам компанию. Здесь так мило...

– Нет, я в Отрадное, по делу, – поспешил возразить Максим.

– В Отрадное? Чудесно! Возьмите меня с собой. Там, говорят, шикарный магазин...

– Но я очень быстро хожу, Алла Федоровна, а дороги здесь, сами знаете...

– Я обижусь на вас, Максим Владимирович, – кокетливо улыбнулась Алла. – Уже второй раз вы даёте понять, что видите во мне лишь какую-то кисейную барышню. Между тем у меня первый разряд по легкой атлетике.

– Ладно, пойдемте, – невольно рассмеялся Максим. – Вижу, вы далеко не кисейная барышня. Но идти придется действительно быстро, я спешу.

– Хорошо, хорошо. Боже, даже не верится, что иду с человеком, только что побывавшим совсем в ином мире! – заворковала Алла, подстраиваясь под его походку. – Скажите, Максим Владимирович, как же выглядят они, инопланетяне? Такие, как люди, или...

– Точно такие, как мы с вами, только значительно умнее, непосредственнее, честнее, свободнее от всяких предрассудков и условностей.

– А их наука, техника? Вы, наверное, такого насмотрелись!

– Посмотреть было что. Но наша наука тоже не стоит на месте. Дмитрий Андреевич, например...

– Фразер и негодяй! – не дала ему закончить Алла. – Не понимаю, что у вас может быть общего с этим непривлекательным во всех отношениях человеком?

– У нас общее дело, общая работа. И я не разделяю вашей оценки Зорина.

– Не разделяете? Боже, я могла бы рассказать о нем такое! Но не в моих правилах портить людям настроение. Хватит о нем! Продолжим лучше наш разговор, – Алла взяла Максима под руку. – Ну, наука, техника – понятно.

– А искусство? Как вы оцениваете их музыку, поэзию, книги вообще?

– Музыка у них замечательная. Вернее, это аромато-цветомузыка. Ее эмоциональное воздействие не поддается никакому описанию. Но слушают ее лишь в интимной обстановке, в кругу близких друзей. Публичных концертов там не бывает. А вот поэзии у них нет совсем. Нет и книг. Нет даже письменности. Они избрали иной путь хранения и передачи информации, значительно более совершенный.

– В таких дисках, какой мы сейчас ищем?

– Нет, диск создан специально для нас, землян. Сами они постоянно подключены к гигантским хранилищам знаний. В этом отношении их возможности поистине безграничны.

– А как устроен этот диск? Как им пользоваться?

– Простите, Алла Федоровна, этого я сказать не могу. Диск все равно что документ с грифом «секретно».

– Но ведь нам предстоит работать вместе.

– Да, однако с диском буду иметь дело только я. Никто другой даже не прикоснется к нему.

– Но Рубену-то Сааковичу вы, надеюсь, откроете свой секрет?

– Рубен Саакович для меня такой же коллега, как вы и все другие члены нашей группы.

– О-о! – она значительно покачала головой. – Я не рискнула бы так говорить о своем начальстве, особенно о Саакяне, который по натуре может быть только первой скрипкой.

К тому же, как я знаю, он только затем и приехал сюда, чтобы поскорее начать работу с диском.

– Придется ему разочароваться.

– А если он прикажет вам?

– Я не подчинюсь приказу.

– Но ведь вы можете заболеть, отлучиться куда-то...

– Тогда я приму соответствующие меры.

– И все-таки я не советовала бы вам так подчеркивать свою независимость от Рубена Сааковича. Мне точно известно, что в ближайшее время он займет место директора института и все ваше будущее, вся карьера окажутся в руках этого человека.

– Вас так заботит моя карьера?

– Во всяком случае, я ничего не имела бы против, если бы вы заняли теперешнее место Саакяна и стали моим шефом...

– Благодарю, Алла Федоровна. Но никакой пост Саакяна не изменит моего отношения к этому человеку. Он не пользуется ни моим расположением, ни моим доверием.

– Вы вообще доверяете, видимо, лишь самым близким друзьям?

– Разве это не естественно? Доверия не может быть без близости, как и близости без доверия.

– Вы удивительный человек, Максим Владимирович! Представляю, каким успехом вы пользуетесь у женщин!

– Они просто не замечают меня. Впрочем, я тоже стараюсь не обращать на них внимания.

– Потому и не взглянете на меня всю дорогу?

Максим обернулся к своей спутнице. Глаза ее, огромные, голубовато-серые, чуть притененные густой сеткой ресниц, казалось, горели призывной нежностью. Влажные губы полураскрылись.

– Я очень спешу, Алла Федоровна.

– Да, я и забыла. Что ж, пойдемте быстрее, – она резко прибавила шаг и вдруг со стоном опустилась на землю.

– Что с вами? Что случилось?

– Не знаю... Что-то вот тут, нога... – она чуть обнажила красивую полную ногу. – Помогите мне подняться, пожалуйста.

– Сейчас, сейчас! – он приподнял девушку с земли. –

Держитесь за меня.

Руки Аллы обвилились вокруг его 'леи, голова склонилась на плечо, лицо обжег прерывистый шепот:

– Боже, как некстати! Пойдемте вон туда, под те ели... Я слышу, идет машина, а мне трудно стоять.

– Тогда сядьте здесь, на этот пенек.

– Зачем?.. – она теснее прижалась к нему, дыхание ее участилось. – Пойдемте, пойдемте скорее. Она уже рядом, слышите, а я...

– Вот я и хочу перехватить ее. Садитесь, я сейчас...

– Зачем? Не надо! Не надо, Максим Владимирович! Мне уже лучше. Еще несколько минут и...

– Да сядьте, говорю! – он силой усадил ее на пень, выскочил на дорогу, поднял руку навстречу приближающейся машине.

– Чего тебе? – высунулась из кабины голова шофера.

– Девушка повредила ногу, подбрось ее в больницу.

– Это можно. Давай ее сюда.

Максим вернулся к Алле, поднял ее с пенка: – Пойдемте, я помогу вам сесть в кабину, пять минут – и вы получите квалифицированную помощь. – Спасибо, вы так добры... – Алла поспешно отвернулась, в глазах ее блеснули слезы обиды.

– Вот и Лысая Грива! – сказал Максим, показывая на узкую белую полосу, прорезавшую сплошной ковер тайги.

Дмитрий припал к иллюминатору!

– А рядом?..

– Рядом та самая котловина и озеро, о котором я рассказывал. Видишь, будто капелька ртути блестит там, внизу. А выше... Смотри, смотри, дым костра. Здесь дядя Степан. Здесь!

Вертолет начал снижаться. Скоро белая полоска превратилась в дикое нагромождение каменных глыб. Из кабины показалось лицо пилота.

– Здесь я машину не посажу: сплошные камни.

– Как же быть?

– Придется зависнуть, спуститесь по стремянке.

– О чем говорить, – махнул рукой Максим, вставая с кресла.

– То есть как о чем говорить? – раздался резкий голос Саакяна. – И почему вы, молодой человек, берете на себя право распоряжаться? Не хватало еще, чтобы я свалился с этой лестницы. Надо садиться. Посмотрите получше, товарищ пилот. Видите, вон там – совершенно ровная площадка. И вон еще!

Дверь кабины захлопнулась. Вертолет еще несколько раз прошел над каменной грядой, потом словно замер, чуть качнулся и начал медленно опускаться. Все ниже, ниже... И вдруг под ногами что-то заскрежетало, пол резко вздыбился, с треском вылетело разбитое стекло. Тело Максима приняло какое-то неестественное положение, он рухнул на стеклянное крошево. Острая режущая боль опалила висок. Он инстинктивно зажал его рукой. Пальцы наткнулись на липкое и теплое.

Шум мотора смолк. Из кабины снова показалось лицо пилота:

– Ну, так вашу мать, довольны?! Садитесь, садитесь... Вот и сели! – он с трудом раскрыл заклинившую дверь, помог освободиться от привязных ремней Саакяну, поднял с полу кепку Дмитрия, наконец обернулся к Максиму:

– Ой, что с вами?

– Пустяки, висок оцарапало, – коротко ответил Максим, стараясь унять кровь, бегущую по щеке.

– Ну, тут уж, кажется, не пустяки... Одну минуту! – он вернулся в кабину, принес аптечку. – А вы выходите, чего стали! – в сердцах крикнул бестолково суетящимся Саакяну и Дмитрию.

– Так что же, возможна задержка с обратным вылетом? – обернулся Саакян в двери.

– С каким вылетом? На чем? Не видите, от машины один хлам остался?

– Но вы немедленно радируйте...

– Слушайте, пошли вы знаете куда со своим наставлениями?! Мне человеку помочь надо.

Он обработал Максиму рану, наложил на голову повязку:

– Откуда он взялся, этот, мешок с дерьмом?

– Профессор. Из института...

– И как таких земля носит!

Они выбрались из накренившейся машины, присели на замшелый камень.

– Ну, что прикажешь делать, начальник? – обратился пилот к Саакяну.

– Я сказал, немедленно радируйте...

– Рация разбита!..

– Тогда... Неужели нельзя как-то все-таки связаться с базой, откуда-то позвонить?..

– Ближайший телефон в Вормалее, в трех днях пути отсюда.

– Но есть же какой-то способ дать знать о случившемся?! – вконец растерялся Саакян.

– Есть. Наши собственные ноги! – отрезал пилот. – И скажи спасибо своему подчиненному, что он мешок харчей захватил. А то бы все три дня на подножном корме...

– Ладно, не будем сгущать краски, – сказал примирительно Максим. – Пройдем сейчас к заимке Силкина, там все обсудим. Возможно, старик посоветует что-нибудь.

– Но я не вижу никакой заимки, – возразил Саакян, оглядывая обступившие их скалы.

– Она чуть дальше, по ту сторону котловины. Вон, видите дымок?

– Хорошенькое «чуть дальше»! Что у вас за странное представление о расстояниях. Это же два-три километра! И без всякой дороги?

– Тут должна быть тропа.

– Ну, ввязал ты меня в историю, Дмитрий Андреевич! – покосился Саакян на Зорина, старательно разглаживающего огромный синяк под глазом. – Знай я все это наперед...

– Так и я, Рубен Саакович, не мог предвидеть такого оборота. Зато сейчас в ваших руках будет нечто совершенно уникальное. Дайте мне ваш портфель.

– Лучше бы взял рюкзак у своего товарища, – буркнул пилот, – он ведь больше всех пострадал.

– Пустяки! – усмехнулся Максим. – Рюкзак мне только устойчивости придаст.

5

– Ну как ты тут, Танюша? Бее слушаешь свой диск, все пишешь? – ласково улыбнулся Силкин, снимая с плеч ружье и тяжело набитую сумку.

– Все слушаю и пишу, – бросилась ему навстречу Таня. – Как же иначе, нужно ведь. Теперь уже, кажется, во всем разобралась, ничего непонятного не осталось.

– Ну-ну! А я вот свежатинки принес. Сейчас супец заварим. Эко, бумаги-то исписала, не меньше, чем Максим. И как же, если попросту сказать, все это будет? Как вы собираетесь эти самые бомбы уничтожить?

– Мы ничего уничтожить не собираемся, дядя Степан, Мы построим им такую машину, вроде прожектора, которая будет посылать в пространство мощнейший пучок лучей. Только лучей этих никто не увидит. Это будут не лучи све та, а поток особых мельчайших частиц. И направим мы его не прямо к горизонту, а вот так, под углом к земле, вниз, потому что он свободно пройдет через весь Земной шар, через что хочешь. И все бомбы, которые окажутся на пути этого потока, этих лучей...

– Враз станут негодными? Как порох под дождем, так мне Максим сказывал.

– Да, примерно так. А поскольку размах нашего луча будет очень широким и сила его с расстоянием не ослабнет, то поставим мы такую машину где-нибудь, скажем, на Днепре, и вся Европа, вся Америка будут пронизаны этими частицами. Ни одна бомба от них не спрячется.

– Ловко! – усмехнулся Силкин в бороду, укрепляя котелок над костром.

– Да, только бы Максим скорее вернулся. Вся душа у меня, дядя Степан, изболелась. Где-то он сейчас?..

– Вернется, не тужи! Я Максима знаю. А что это вроде урчит там, за Гривой?

Таня прислушалась:

– Вертолет! Неужели они?.. Силкин приложил ладонь к глазам:

– Да, вертолет. И чего он кружит там взад-вперед?

– Садится, дядя Степан, садится... Сел! –Таня откинула волосы от лица, машинально коснулась виска. – Ой, что это?

– Чего? Чего ты побледнела?.

– Диск... Диск молчит...

– Так не все ему говорить.

– Но ведь это... Вы не знаете... – она бросилась к расселине, раскидала валежник, лихорадочно разгребла хвою прикрывавшую бесценный мешочек, – в нем лежала лишь стопка полуобгоревших бумаг.

Сдавленный стон вырвался из груди Тани. Закусив губу, чтобы не закричать, упала она на землю и зашлась в беззвучных рыданиях.

– Таня, голубушка, что с тобой? – подбежал к ней Силкин. – Ах, диск... Куда он сгинул? Да бог с ним, с диском! Стоит так убиваться!

– Максим! Нет больше Максима... – с трудом выговорила Таня.

– С чего ты взяла? Опомнись! Да встань, встань с земли-то! Придет твой Максим. Может, как раз на этом вертолете...

– Максим сказал, что в случае... в случае его смерти... диск исчезнет...

– Фу ты, страсти какие! Да мало ли что сказал Максим! Мало ли что могло приключиться с этой штуковиной! Техника, она того...

– Нет-нет, дядя Степан, все кончено...

– А я говорю, жив Максим, сердце мое чует. Просто извелась ты с этим диском. Иди ляг! Ляг в свою постельку, ну и того...поплачь, тебе легче будет.

6

– Нет, больше не смогу сделать ни шагу! – Саакян вытер пот с лица и шеи, тяжело опустился на замшелую лесину. – Где она, эта ваша заимка? Уже два часа идем без всякой дороги. И все лес, лес...

– Колесников, остановись на минуту! – крикнул Дмитрий идущему впереди Максиму. – Сейчас придем, Рубен Саакович, видите, грива уже на противоположной стороне осталась. И дымком запахло. Максим, стой, отдохнем немножко, Рубен Саакович совсем из сил выбился.

– Ладно, отдохайте, а потом – прямо по моим следам. Тут уж и идти-то – пара пустяков! – отозвался Максим, не сбавляя ходу.

– Он что, уходит? Оставляет нас одних?! – вскочил Саакян. – Скажи ему, чтобы обождал!

– Эй, Максим! – снова крикнул Дмитрий. – Остановись, тебе говорят! Что ты мчишься, как на пожар!

Но Максим даже не обернулся. Смутная тревога гнала его вперед и вперед. Как там Таня? Шутка ли, столько времени в тайге... И диск! Удалось ли уберечь его им с дядей Степаном? А если диска уже нет?..

Он миновал последний подъем и, свернув с петляющей тропы, ринулся напрямик вниз, к озеру, на запах дыма. Острые сучья хлестали по лицу, цеплялись за одежду, ноги скользили по мокрой траве. Он не замечал ничего.

Но вот в просвете между деревьями мелькнуло низкое бревенчатое строение, послышался треск костра, а через минуту и сам Силкин с сигаркой в зубах и с черпаком в руке шагнул ему навстречу:

– Ну, долго жить будешь, Владимирыч! Только сейчас тебя вспоминали. Доброго здоровьица! – он пощекотал бородой лицо Максима.

– Здравствуй, дядя Степан. Как вы тут? Как Таня? Где она?

– Сейчас выйдет. Эй, Татьяна, встречай гостя! Максим сбросил рюкзак, метнулся к избушке. Таня

стояла в дверях, поспешно вытирая слезы, боясь поверить в реальность происходящего.

Он схватил ее за руки, жадно вглядываясь в припухшие от слез глаза:

– Как ты, не болеешь? Никто тебя больше не пугал? Но она видела лишь его окровавленные бинты:

– Что это? Ты ранен? Seriously?

– Пустяки! Небольшая царапина на виске.

– На виске?! И твой элемент...

– Не знаю, может, и поврежден.

– Он разрушен, Максим! Диск исчез!

– Как исчез?!

– Пропал, испарился, сразу, как приземлился вертолет. Я даже подумала... Что я пережила за эти два часа! – она нежно коснулась его забинтованной головы. – Но ты не беспокойся,

я все успела прослушать, все поняла, во всем разобралась. Вот видишь, – кивнула она на стол, заваленный исписанными листками бумаги.

– Но как ты смогла?

– Так Этана и мне вживила элемент связи, я не успела тебе сказать.

– А шифр?

– Тут помог случай. Потом я все расскажу, а сейчас...

– А сейчас вот тебе письмо от Вовы, – Максим достал из кармана небольшой, покрытый детскими каракулями листок.

– Вовка, сынок... – шептала, смеясь и плача, Таня.

прижимаясь лицом к посланию сына. – Как ему трудно там, наверное, без меня...

– Да нет, бегают с соседскими мальчишками, вырос, загорел. Правда, на прощание сказал, чтобы в следующий раз я пришел обязательно с мамой.

– Сколько счастья в одну минуту! – она порывисто прижалась к нему, но тут же отстранилась, потупилась, осторожно погладила его забинтованную голову. – Это я вылечу тебе в два дня. Но ты голоден, наверное?

– Нет, не очень. Да сейчас сюда целая компания заявится: Дмитрий Зорин, его шеф-профессор, ну и бедняга-пилот. Вертолет-то рассыпался на Лысой Гриве, хорошо, что все легко отделались. А вот и они...

– Ну, иди к ним. Я сейчас. Только немного приведу себя в порядок.

Максим спустился к костру:

– Знакомьтесь, товарищи. Это Степан Семенович Силкин, мой старый друг и лучший охотник Вормалея.

– Да-да... Очень приятно... – пробормотал скороговоркой Саакян, усаживаясь на бревно возле костра. – Так вот, товарищ Силкин, не могли бы вы помочь нам как можно скорее связаться с Вормалеем или Отрадным?

– Как это связаться? Дорогу указать, что ли? Так это Максим не хуже меня...

– Нет, речь идет о другом. Нам надо как-то вызвать другой вертолет.

– А как его вызовешь, это-ть не собака.

– Дядя Степан, – вмешался Максим, – Рубен Саакович интересуется, нет ли тут поблизости какого-нибудь леспромхоза, базы геологов, словом, чего-то такого, откуда можно было бы позвонить по телефону.

– Нет, слава богу, энти с топорами да пилами сюда еще не добрались. Последние угодня с непуганым зверем. Ведь зверь, он...

– Подождите вы со своим зверем! – перебил Саакян. – Поймите, у нас произошла катастрофа, разбился вертолет. Надо сообщить об этом на базу, сказать им, что бы выслали другую машину. Как это сделать?

– А зачем он нужен, другой вертолет? Все вы, я вижу, на своих ногах. А тут и идти-то от силы три дня, хоть до Вормалея, хоть до Отрадного.

– Ну, это мы сами знаем, что нам нужно и что е* нужно!

– А сам знаешь, так и будь здоров! – старик махнул черпаком и отвернулся к костру.

На миг повисло тягостное молчание.

– Так, может, мы сначала взглянем на диск, Рубен Саакович? – нашелся Дмитрий.

– Ох уж этот диск! – скривился Саакян. – Ну, давайте его сюда, посмотрим...

– Диска нет, – сказал Максим. – Он подвергся самоуничтожению.

– Что? Что вы сказали?! – загремел профессор.

– Я говорю, диска больше нет, он сублимировал, распался на элементарные атомы.

– Так... И вы затащили меня в эту дыру только затем, чтобы сообщить такую потрясающую новость?

– Я сам узнал об этом только сейчас. Диск исчез в момент приземления вертолета, точнее, в момент получения мною травмы на виске.

– Да при чем здесь вертолет и ваша, простите... раскрашенная физиономия?

– Вертолет здесь ни при чем. А травма вывела из строя мой элемент связи с диском, что мгновенно привело в действие механизм его самоуничтожения. Так было запрограммировано его создателями.

– Так было запрограммировано вашей фантазией, хотите вы сказать? Да был ли он вообще, этот пресловутый диск? Кто его видел? Ты, Дмитрий Андреевич, видел?

– Я не видел. Но вот Степан Семенович...

– Степан Семенович! Что ты, не понимаешь, что этому дикарю могли подсунуть и старую сковороду?

– Ну, ты того... говори да не заговаривайся, гражданин хороший! – вспыхнул Силкин.

– Подождите, дядя Степан, – остановила его подошедшая к костру Таня. – Вы спрашиваете, профессор, кто видел диск? Я его видела. И не только видела...

– Ах, вы видели? А кто вы такая, позвольте полюбопытствовать?

– Врач Тропинина.

– Очень приятно! Только простите, милая девушка, в услугах врача я пока, слава богу, не нуждаюсь. Как и в свидетельствах «лучшего охотника Вормалея»...

– Рубен Саакович! – попытался остановить своего шефа Дмитрий. – Это же Татьяна Аркадьевна! Помните, я говорил вам о ней...

– Я не хочу больше ничего ни вспоминать, ни слушать! Хватит того, что ты втравил меня в самую низкопробную авантюру. А с этим проходимцем... – кивнул он в сторону Максима.

– Вы забываетесь, профессор, – прервал его Максим. – Даже ваше высокое звание не дает вам права...

– Я больше не знаю и знать вас не хочу, молодой человек! – отрезал Саакян.

– Меня вы можете не знать, но если сейчас же не извинитесь перед оскорбленными вами женщиной и старым человеком, то...

– То что? Договаривайте!

– А что договаривать? – вмешался молчавший до сих пор пилот, подходя вплотную к Саакяну. – Он врежет в твою откормленную физию. И я добавлю!

Саакян попятился:

– Но это... Ну, хорошо, я готов... Я извиняюсь, черт возьми! Но после этого... Дмитрий Андреевич, где мой портфель? Я не останусь здесь больше ни минуты! Мы с тобой сейчас же...

– Что сейчас же, Рубен Саакович? – растерянно пробормотал Дмитрий.

– Ах да... – Саакян с тоской посмотрел на обступившую их тайгу. – Кошмар какой-то...

– Ну вот что, гражданин хороший, – обернулся к нему Силкин. – Покуролесил, и того... будя! Теперь бери ложку и – к котлу. Суп готов. Рассаживайтесь, ребятки. Таня, посмотри-ка там, в кладовке, вроде еще ложки были.

7

Лишь к исходу четвертого дня, измученные и голодные, вернулись они в Вормалей. Но Саакяна было жалко смотреть. Его светлый щегольской костюм был потрепан, измазан смолой и глиной, изящные остроносые ботинки развалились, у одного из них отлетел каблук, тонкая белоснежная сорочка стала серой от грязи и пота. Он тотчас же заперся у себя в номере и только на следующий день, утром, прислал дежурную за Дмитрием. Тот обменялся взглядом с Максимом:

– Не вешай носа! У меня есть к нему отмычка.

– Только имей в виду, ни на какой компромисс мы с Таней не пойдем.

– Никакого компромисса и не понадобится. Говорю тебе, все будет о'кей!

Однако Саакян встретил его темнее тучи:

– Сходи на аэродром и закажи три билета на ближайший вертолет.

– Почему три, Рубен Саакович?

– Мне, тебе и Алле Федоровне. Остальных я отправил еще вчера.

- Да, но...
- Никаких «но»! Ты слышал, что я сказал?
- И все-таки, Рубен Саакович, хотелось бы знать ваши дальнейшие планы...
- Какие планы? Что ты имеешь в виду?
- Ну... нашу группу, нашу тему.
- Никакой нашей группы больше не существует. И темы – тоже! Хватит институту того, что ты ввязал всех в эту идиотскую авантюру, отвлек от дела столько ведущих сотрудников. И вообще – я больше слушать не хочу об этой галиматье!
- Дмитрий терпеливо переждал словесное извержение шефа, затем сказал:
 - Я вполне разделяю ваше негодование, Рубен Саакович. Все получилось действительно не так, как мы рассчитывали. Но послушайте, что я скажу. Ведь как бы там ни было, а Колесников и его жена все-таки побывали у инопланетян. Амбула с нептунием – это такое доказательство, которое, как вы понимаете, подделать невозможно.
 - Да пусть они побывали хоть в самой преисподней! Мне-то что до этого? Я сыт по горло! – он выразительно посмотрел на часы, перевел взгляд на дверь.
 - Подождите, Рубен Саакович, дослушайте меня до конца, прошу вас! Я тоже не любитель сенсаций. Однако те, что мне открылось вчера вечером... Я не знаю, был тот диск или не был, но сам факт, что Тропинина воспользовалась каким-то источником внеземной информации, не вызывает сомнения. Она показала вчера свои конспекты. И бог мой! Там есть такие вещи, какие не пришли бы в голову и Эйнштейну! А записи Колесникова, сделанные, по его словам, на внеземном звездолете! Жаль, что вы не сдержали себя там, на Гриве, и после, в дороге. Он и вам показал бы эти материалы. И вы ахнули бы, увидев, каких глубин достигла наука инопланетян. Скажу одно: достаточно десятой доли заключенной в них информации, чтобы уже в этом году вы стали членкором – нет, что там членкором! – действительным членом Академии наук.
 - А ты доктором? Так, что ли? – хмуро заметил Саакян.
 - Вполне возможно. Хотя я не настолько глуп, чтобы не понимать, что без вашей помощи никакая информация не превратится в докторскую диссертацию.
 - Ну, ну... И что же ты хочешь сказать? У тебя есть какие-то определенные предложения?
 - Нам нельзя порывать с Колесниковым. Такая возможность открывается раз в жизни. Не воспользуемся ею мы – воспользуются другие...
 - Но я уже позвонил в институт и прямо сказал, что вся затея с нейтринным генератором – сплошная авантюра. Что мне, отказываться от своих слов? Да и допусти этого Колесникова в институт, он там все вверх дном перевернет. Ты видел, что он за гусь! Такой действительно через год станет академиком, а нам с тобой...
 - Так что, у нас с вами головы на плечах нет? Слушайте, что я хотел бы предложить. Позвонили вы в институт – пусть это так и останется. Не хотите, чтобы Колесников работал в институте – и это верно. А пошлите-ка нас с Колесниковым в длительную научную командировку, ну, скажем, в тот же Кисловодск. Причину можно всегда придумать. А мы там спокойно поработаем. Разберемся во всех записях, попробуем создать модель генератора. Получится он у нас – хорошо. Вы, как наш научный руководитель, в этом случае не останетесь в стороне. Не получится – тоже не беда. Вся информация будет в моих руках и мы сможем распорядиться ею, как найдем нужным.
 - Гм... У тебя светлая голова, дорогой. Недаром я взял тебя к себе в аспирантуру. Считаю, что ты уже командирован в Кисловодск. Забирай своего Колесникова и летите прямо туда. Я не хочу, чтобы он показывался в институте.
 - Спасибо, Рубен Саакович. А билеты...
 - Билет мне закажет Алла Федоровна. Всего тебе доброго, дорогой!

Максим ждал его в коридоре:
– Ну как?

- Я сказал, все будет о'кей. Мы с тобой командированы на несколько месяцев в Кисловодск и можем делать все, что найдем нужным. Устраивает?
- Вполне.
- В таком случае, летим! Где Татьяна Аркадьевна?
- У тетки, с Вовой.
- Сейчас же беги за ними. А я на аэродром за билетами. Вертолет будет в два. Со мной не пропадешь, Максим!

От Учительницы – четвертому (для первого)

Контакта со Странником не получилось. Диск и бумаги его исчезли, их уничтожили, как я поняла, сами инопланетяне. Доктор настроен по отношению к Страннику более чем отрицательно. Я делаю все возможное, чтобы усилить эту неприязнь, стараюсь убедить Доктора, что никакого диска и инопланетного корабля нет и не было (все это плод больного воображения или хитро задуманная авантюра Странника). Такую же мысль пытаюсь внушить (и не безуспешно) и сопровождающим его физикам. По прибытии в институт надеюсь уговорить Доктора прекратить работы по созданию нейтринного генератора, мотивируя тем, что теперь, после потери необходимых материалов, это станет просто бессмысленным. Кандидат, правда, утверждает, что жека Странника успела кое-что переписать с диска. Но Доктор, к счастью, не принимает этого всерьез. Надеюсь также подать Доктору мысль об увольнении Странника из института и сделать все возможное, чтобы поссорить Странника с Кандидатом. Думаю, что это мне удастся, ибо влияние мое на Доктора сильно возросло. Кроме того, мною обнаружена его «ахиллесова пята»: в своей диссертации он использовал очень ценные материалы трагически погибшего аспиранта, ни словом не упомянув о нем в работе. Доктор, как мне кажется, очень боится, что огласка этого факта может привести к его дисквалификации и потере места в институте. В крайнем случае придется воспользоваться и этим. Единственное, что может помешать мне, – злополучная ампула с нептунием. Поэтому прошу вас организовать в одной из ваших газет корреспонденцию о том, что в такой-то лаборатории США якобы получен нептуний. Еще лучше добавить, что часть его была похищена неизвестными лицами. Потом газета сможет поместить соответствующее опровержение. Важно, чтобы такая корреспонденция как можно скорее оказалась у меня и я смогла ознакомить с ней нужных людей. Это еще более скомпрометирует Странника и выбьет последний козырь из рук его сторонников.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

День выдался тяжелым. Отдав последние распоряжения, Звягин собрался уже покинуть кабинет, как вновь зазвонил телефон.

– Денис Павлович? Левин. Мне только что сообщили из института: там вывешен приказ об увольнении Колесникова. Вы в курсе дела?

– Приказ об увольнении Колесникова? Нет, мне ничего не известно. Причина увольнения?

– В приказе сказано: уволен как не соответствующий занимаемой должности.

– Черт знает что! Я думал, там уже все запущено на полный ход. И вот снова... А что сообщает Рябинин?

– Да тоже что-то непонятное. Пишет, что Зорин и Колесников без конца проводят какие-то эксперименты. Но очень уж... Как бы это поточнее выразиться? Очень уж кустарным способом. Трудно, пишет, поверить, что можно так вот, с помощью каких-то лампочек и колбочек – против атомных бомб.

– Ну, это еще не аргумент. А впрочем, вот что. Поезжайте-ка завтра в институт. К самому директору. И выясните все детали. Нам нужно точно знать, что в конце концов

представляет собой эта идея нейтринной стабилизации. И не от каких-то второстепенных лиц, а от самых крупных специалистов. Ну и все, что касается Колесникова, конечно.

– Ясно, Денис Павлович.

2

– Так вас что больше интересует, сама идея так называемой нейтринной стабилизации или роль, которую играет, точнее, пытается играть в ее разработке Колесников?

– Я хотел бы, товарищ директор, разобраться и в том и в другом, – ответил Левин, незаметно включая магнитофон.

– Тогда начнем с первого. Идея нейтринной стабилизации ядер радиоактивных изотопов вытекает, точнее, могла бы вытекать, ибо все это еще находится на уровне предположений, – из общей теории слабых взаимодействий. Изучением таких взаимодействий институт занимается уже много лет. Нами получены неплохие и, я бы сказал, многообещающие результаты, которые позволяют надеяться, что возможно – я подчеркиваю, возможно! – через несколько лет мы подойдем к решению проблемы управления ходом радиоактивного распада с помощью нейтрино. Не исключено, что наше вмешательство в этот процесс приведет к его замедлению или, что менее вероятно, даже полному прекращению. Это и будет то, что некоторые называют «нейтринной стабилизацией радиоактивных изотопов». На сегодняшний день это, как видите, г.и.ш. веха, очень отдаленная веха научного поиска.

Теперь о роли Колесникова в этом поиске. Что лично он внес нового в теорию слабых взаимодействий? Ровным счетом ничего! Я не знаю ни одной его научной работы в этой области, не слышал ни одного выступления на какой-либо конференции или симпозиуме. Да Колесников и не претендует на это. Он заявляет лишь, что кто-то надоумил его, будто нейтринная стабилизация уже сейчас возможна. Я подчеркиваю – кто-то! И, щадя вас, не уточняю, кто именно, ибо тут фантазии Колесникова переходят всякие границы: он привлекает чуть ли не потусторонние силы...

– Он говорит, насколько я знаю, о представителях
внеземной цивилизации, – напомнил Левин.

– А разве это не одно и то же? Кто, кроме Колесникова, видел этих «представителей»? Кто слышал о них? Мы, ученые, просто не верим в подобные сказки о разном го рода пришельцах. Наука сегодняшнего дня не располагает ни одним фактом о наличии разумной жизни вне Земли. А вот Колесников оказался единственным счастливчиком, который не только общался с некими представителями высшего разума, но и заполучил от них рецепт регуляции радиоактивного распада. Причем, что за рецепт, он никому не говорит. Это, видите ли, секрет, который он обещал своим благодетелям сохранить в тайне. Однако куш за него готов сорвать немалый. Вы простите меня за резкость, но более наглой мистификации я не могу себе представить.

– И тем не менее вы приняли Колесникова в институт, – напомнил Левин.

– Да, мы совершили такую ошибку. Потому что Колесников обещал подтвердить свои рассказы конкретными фактами: показать нам некий прибор, который он якобы привез со звездолета. И что же? Никакого прибора не оказалось. Именно в тот день, когда он должен был представить нам свое инопланетное чудо, прибор исчез, распался на отдельные атомы, как нам объяснил Колесников. Нет, вы только подумайте – «распался на отдельные атомы»! И это заявляет человек, претендующий на звание старшего научного сотрудника института ядерной физики! Мог ли я терпеть дальнейшее пребывание его в институте? Что ему делать у нас? Лишь получать зарплату как дивиденды за умело обставленную авантюру?

– Но Колесников был командирован в Кисловодск. Кстати, почему именно в Кисловодск?

– В Кисловодск он был командирован прежним директором, на которого по старости лет сказки Колесникова произвели, видимо, впечатление. А почему покойный Давыдов отправил его в Кисловодск? Да потому, очевидно, что сей ученый муж мог

«разрабатывать» свои идеи только под крылышком собственной жены. Впрочем, я не нашел даже приказа о его командировке. Нет соответствующей записи и в журнале регистрации командировочных удостоверений Боюсь, что тут была лишь какая-то словесная договоренность Давыдова с Колесниковым. Этот авантюрист мог пойти на все.

– А как же Зорин? Он тоже до сих пор в Кисловодске.

– Я отозвал Зорина из Кисловодска. Он был послан туда, чтобы окончательно убедиться в беспочвенности утверждений Колесникова. На днях состоится его отчет в институте. Но я уже сейчас знаю, что все те небольшие успехи в экспериментах, что были получены в Кисловодске, заслуга исключительно Зорина. Это очень талантливый исследователь, давно уже работающий в области слабых взаимодействий.

– Та-ак... Значит, вся эта шумиха, поднятая вокруг нейтринной стабилизации, – просто-напросто мыльный пузырь?

– Вас интересует мое личное мнение?

– Меня интересует мнение директора института ядерной физики, – уточнил Левин.

– В данном случае это одно и то же. И я абсолютно убежден, что все неблагоприятные высказывания Колесникова – мистификация чистейшей воды.

...Со смешанным чувством досады и растерянности ехал подполковник из института в Управление. Неужели Колесников действительно ввел в заблуждение не только их, работников КГБ, но и некоторые спецслужбы Запада? Но не верить информации, полученной от самого директора института ядерной физики.

– Что же будем делать, Денис Павлович? – осторожно спросил Левин, когда генерал, трижды прослушав магнитофонную запись, нервно закурил и, подойдя к окну, повернулся к подполковнику спиной.

– Пока ничего.

– Как ничего? – удивился Левин. – Теперь, кажется, все ясно.

– Для меня еще далеко не все ясно, – коротко ответил генерал. – А теперь займемся текущими делами. Да, кстати, вы познакомились с материалами допросов Чалого и его компании?

– В общих чертах. Да и какой теперь смысл?

– Теперь-то в этом и будет смысл. И еще – я хочу, чтобы вы попристальнее присмотрелись к этому Саакяну. И вообще поинтересовались обстановкой в институте.

– Вы полагаете...

– Я ничего не полагаю. Но, право же, это не помешает.

4

В кабинете заметно потемнело. Андрей Николаевич Зорин встал из-за стола, подошел к окну. За стеклами валил снег. Легкие пушистые хлопья вихрем неслись над парком, выбеляя дорожки, покрывая деревья тонкой ажурной бахромой.

– Вот и к нам пришла зима, – он перевел взгляд на горы. Дальние вершины совсем скрылись в плотных седых облаках.

И сразу стало грустно. Вспомнилась весна. Всплыли в памяти удивительные, полные таинственности и очарования сеансы в кабинете Татьяны Аркадьевны, воскресные прогулки в горы, первые волнения внезапно вспыхнувшей любви...

Сколько времени прошло с тех пор? Кажется, целая вечность. И осталось лишь большая непроходящая печаль. Но разве этого мало? Разве можно не благодарить судьбу за такое нечаянное возвращение в юность? Сколько тепла, радости, трогательной новизны внесло оно в его потускневшую было жизнь! Что скрасило бы ее сейчас, если бы не эта светлая волнующая грусть?

Милая Таня...

Он прикрыл глаза и будто снова ощутил на груди ласкающий холодок ее рук, увидел добрый внимательный взгляд, услышал мягкий пришептывающий голос. Резкий телефонный звонок вернул его к действительности. Он взял трубку.

– Кисловодск? Зорин? Сейчас с вами будет говорить институт ядерной физики. Несколько мгновений тревожных шорохов. И густой самоуверенный мужской голос:

– Андрей Николаевич? С вами говорит профессор Саакян, научный руководитель вашего сына. Вы слышите меня? Так вот, я хотел бы связаться с Дмитрием Андреевичем.

– Это не так просто. Он работает за городом, довольно далеко отсюда. Телефона там нет.

– В таком случае, передайте сыну, что его работа по слабым взаимодействиям заняла первое место на институтском конкурсе научных работ.

– Благодарю вас.

– И потом... Сами понимаете, конец года, время отчетов. Надо, чтобы он приехал сюда, доложил о результатах своих исследований в Кисловодске. Иначе тему могут автоматически закрыть.

– Хорошо, я передам ему. Когда он должен приехать?

– Чем скорее, тем лучше.

– Один или с Колесниковым?

– С каким Колесниковым? Ах да... Так Колесников давно уволен из института.

– Уволен?! Почему?

– Видите ли... Он оказался всего лишь авантюристом. От науки, и в таком солидном институте, как наш...

– Понятно. Вы уведомили его об этом?

– Приказ вывешен для всеобщего обозрения.

– Где вывешен, у вас в институте?

– Разумеется.

– Но ведь Колесников в командировке, совсем в другом городе.

– Никто никуда Колесникова не командировал. Я командировал и выслал соответствующий документ лишь Дмитрию Андреевичу.

– Как никто не командировал? Это какая-то ошибка, недоразумение.

– Никакой ошибки. Колесников давно уволен. Никакого приказа о его командировке не было. И никаких претензий, насколько мне известно, от него в институт не поступало. О чем же говорить? Если человек больше трех месяцев не получает зарплаты и не удосужился поинтересоваться, чем это вызвано, то сами понимаете... Я поражаюсь только, как этот тип, не имея даже командировочного удостоверения, столько времени живет в другом городе и до сих пор выдает себя за работника института. Я бы на вашем месте...

– Я все понял, – перебил Зорин, – Вы далеко пойдете.

– Что вы сказали?

– Я сказал: вы далеко пойдете, профессор! – он бросил трубку и, положив под язык таблетку валидола, долго сидел, не двигаясь, рассеянно провожая взглядом падающие за окном снежинки. Потом достал сберкнижку, взглянул на оставшуюся там сумму и, быстро переодевшись, пошел к выходу.

5

Возвратившись из сберкасс, он с минуту походил по кабинету, затем сел к столу, набрал номер телефона:

– Татьяна Аркадьевна? Таня, если вы не очень заняты, зайдите, пожалуйста, ко мне.

Она вошла, как всегда, с хорошей теплой улыбкой, привычным движением откинула волосы, с изящной, одной ей свойственной грацией опускаясь в кресло:

– Я слушаю вас, Андрей Николаевич. Вам плохо? Вы выглядите отнюдь не лучшим образом.

– Нет, ничего. Как там дела у ребят, Таня? Дмитрий уже неделю не ночует дома.

– Все то же, Андрей Николаевич. Мала плотность по току. Второй месяц бьются и – ни с места! А ведь все сделали так, как я узнала из диска. Или я не поняла чего-то... Но вы определенно чем-то расстроены?

– Да. Звонил сейчас этот... профессор Саакян и сказал, что Максима Владимировича уволили из института,
 – Я ждала этого. А Диму?
 – А Дмитрию, наоборот, присудили первое место на конкурсе научных работ.
 – Очень рада за него.
 – А я усматриваю во всем этом какую-то хитрую нечестную игру. Боюсь, они просто хотят купить Дмитрия, посорить его с Максимом.
 – Что вы! Максим не обратит на это ни малейшего внимания, И потом... Что бы ни случилось, он не бросит работы.
 – Я знаю. И поэтому,,, Скажите, Таня, как у вас со средствами?
 Она смутилась:
 – Много ли нам надо, Андрей Николаевич.
 – Сколько вам надо, я знаю. Все эти транзисторы, резисторы... А Максим, оказывается, третий месяц не получает зарплаты.
 – Мы обходимся пока...
 – Обходитесь! Хорошо, что этот прохвост позвонил мне сейчас. У меня вот тут... скопилось немного денег.
 – Нет, нет, Андрей Николаевич! Мы, честное слово...
 – Таня, я даю их вам в долг, как ваш друг, как соратник. Вы знаете: ваше дело – мое дело. И потом, дороже вас...
 – Милый Андрей Николаевич! Если бы вы знали, как вы мне тоже дороги! – она порывисто встала, обхватила его за плечи и, прижав к себе его большую красивую голову, поцеловала в висок.

6

– Как же ты решишь поступить? – спросил Зорин сына, коротко передав суть телефонного разговора с Саакяном.
 – Право, не знаю... Это, конечно, хамство, что они уволили Максима, Я так прямо им и скажу.
 – Но ты знал, что Саакян выслал командировочное удостоверение только тебе?
 – Откуда же? Я был уверен, что командировка оформлена и Максиму.
 – А то, что он уже три месяца не получает зарплату, тоже не знал?
 – Понятия не имел...
 – Хорош товарищ!
 – Но Максим ни разу даже не заговорил об этом. Кто бы мог подумать...
 – Ты должен был подумать! И трижды проверить все. Откуда Максиму знать все тонкости ваших крючкотворов. Особенно этого Саакяна! А теперь вот... Неужели ты бросишь Максима и поедешь к нему?
 – Максима бросать я не собираюсь. Но поехать отчитаться придется. Иначе действительно закроют тему. Тогда я вообще не смогу работать здесь. Аннулируют и мою командировку.
 – А если тему закроют и после твоего отчета?
 – Придется заниматься тем, что прикажут, Ты же понимаешь...
 – Нет, я не совсем понимаю, сын. А если бы Максиму предложили остаться в институте и заниматься тем, что прикажут, он тоже бы согласился?
 – Максим? Нет, он умрет – не бросит своей машины.
 – Так почему ты так легко можешь согласиться делать то, что тебе прикажут?
 – Почему-почему... Что ты сегодня, как Мефистофель? Я же не на необитаемом острове живу. Я сотрудник института, работающего по строго очерченной тематике. И потом, у каждого своя программа жизни.
 – Что же у тебя за программа, если не секрет?

– Будто ты не знаешь. Я должен стать доктором, потом, может быть, членкором, должен сделать существенный вклад в науку о строении ядра. Работа над генератором для меня лишь эпизод. А работа в институте – все!

– Вон ты как к этому относишься!

– Не придирайся к словам, папа. Над установкой я работаю, как проклятый. Значение ее мне понятно больше, чем многим другим. Но ведь с завершением этой работы жизнь не кончится. Я изложил тебе свою глобальную программу.

– Та-ак... А у Максима такой программы нет?

– Нет. Понимаешь, папка, – нет! Мне кажется, вот сделает он этот прибор, и ему просто нечем будет заняться в жизни.

– Ну, это как сказать! Что же касается программы... Ты знаешь, сын, в жизни бывает так, что одним человеком движет программа; другим – страсть. Программу можно выполнить или не выполнить. Страсть можно удовлетворить, добиться ее реализации или... умереть.

– Ты, кажется, готов видеть в Колесникове эдакого «камикадзе» от науки. А между тем... Да если бы у меня была жена, как у него, я б и не на такую страсть был способен. Эх, да что говорить!

– А может быть, как раз наоборот?

– Не понимаю...

– Может, такая женщина, как Татьяна Аркадьевна, и способна полюбить лишь человека, одержимого подобной страстью?

– Возможно, и так. Но для меня это не имеет никакого значения. Я не могу вернуться в то время, когда она делала свой первый выбор. А другой Татьяны Аркадьевны нет. И хватит об этом! Вернемся к твоему телефонному разговору. Скажи прямо, что ты посоветуешь?

– Мне не хотелось бы ничего советовать. Но могу

рассказать тебе одну историю. В тысяча девятьсот одиннадцатом году в Москве произошли крупные студенческие волнения, связанные с отказом церковников похоронить Льва Николаевича Толстого по православному обряду. Против студентов были брошены жандармы и казаки. Их пытались силой загнать во двор университета. В защиту студентов выступил ректор Мануйлов. По его настоянию студентов оставили в покое. Но через день приказом министра народного просвещения Мануйлов был уволен. А еще через день в знак солидарности со своим ректором двести семь профессоров и доцентов университета подали в отставку! И среди них – основатель науки о биосфере Земли академик Вернадский. Я понимаю, все это слишком далеко от нашей сегодняшней ситуации, и все же...

– Все ясно, папка. Будь я академиком, я поступил бы точно так же. Но я всего лишь кандидат наук... И все-таки до окончания срока командировки я никуда не поеду. Пусть Саакян катится со своим отчетом ко всем чертям!

7

В этот вечер можно было и не работать: Максим сильно простудился, температура поднялась до тридцати восьми. Но вчера они существенно изменили схему генератора, нужно было обязательно проверить, как он будет вести себя в новом режиме.

Эксперимент проводили вдвоем. Дмитрий регулировал работу генератора, Таня расположилась в другом конце комнаты, где стояла «мишень» – капсула с изотопом урана-235, в которую был вмонтирован специальный счетчик, регистрирующий количество распадов за секунду.

Шел третий час работы. Оба сильно устали. У Дмитрия ломило в плечах, спина словно одеревенела, руки с трудом проворачивали тугие маховики настройки. Но он не спускал глаз с фосфоресцирующих шкал приборов:

– Попробуем еще так... Давай, Таня!

Она включила счетчик. Кровавой каплей налилась индикаторная лампа. Зеленой вязью побежали цифры в черной прорези табло. С невольной поспешностью Таня отвела руку от

массивного свинцового цилиндра с «рабочим веществом». Там, в этом наглухо запаянном контейнере, шел безостановочный, предопределенный самой природой распад урана. И Таня словно видела, что происходит за толстыми стенками цилиндра. Громоздкая структура атомного ядра самого тяжелого из элементов не выдерживала

колоссальных сил отталкивания одноименно заряженных протонов. Мощь мезонного поля не в состоянии была удержать от разрушения столь крупное сооружение, состоящее из двухсот тридцати пяти нуклонов. Оно распадалось, разваливалось на более мелкие обломки, испуская всепроникающие нейтроны и рождая невиданные потоки энергии. Что могло остановить этот самопроизвольный, ни от чего не зависящий, ничему не подчиняющийся процесс? Счетчик бесстрастно констатировал неснижающуюся интенсивность распада.

Но вот Дмитрий поднял голову от прибора:

– Внимание, включаю!

Низкий нарастающий гул заполнил комнату. Плотный поток специально преобразованных нейтрино обрушился на мишень. В дело вступили силы слабого взаимодействия. Они многократно усилили мощь мезонного поля. Распад начал замедляться. Свет индикаторной лампы становился все слабее, слабее... Но вот бег цифр на табло прекратился. Процесс стабилизировался.

– Сколько? – крикнул Дмитрий, вытирая пот со лба.

– Шестьдесят четыре сотых нормы, – ответила Таня.

– Проклятье! Вчера было то же самое, – он выключил генератор. В комнате повисла звенящая тишина. Таня отключила счетчик, подошла к неподвижно сидящему Дмитрию:

– Хватит на сегодня, Дима. Ты совсем выдохся. Да и я еле на ногах стою.

– Но почему, почему мы не можем увеличить плотность потока? Что еще можно сделать в этой проклятой машине?!

– Успокойся, Дима. Ты просто устал. Все мы устали. Надо еще раз пройти по всей схеме. Но не сейчас. Ты не даешь себе ни минуты отдыха. Да и Максим. Лежит вот с температурой, а все карандаша из рук не выпускает. Отдохнуть вам надо. Глаза-то вон совсем ввалились... – она ласково пригласила его потные вихры.

– Таня! – Дмитрий вскочил. Глаза его неестественно заблестели, голос задрожал. – Таня, я больше не могу! Я люблю тебя. Люблю так, что... – он вдруг опустился на пол и начал целовать ее колени.

– Дима, что с тобой, опомнись! Дмитрий!! Дмитрий Андреевич!!!

– Нет! Делай, что хочешь, а я больше не могу... Я... Я не отпущу тебя! – он обхватил ее ноги, прижался к ним лицом.

Она напряглась, как струна:

– Дмитрий, возьми себя в руки, слышишь! Взгляни мне в лицо! Ну!!

Он поднял голову. Взгляды их встретились. Глаза Тани потемнели. И в них, этих глазах... Мгновение он еще сопротивлялся, пытался сохранить свое «я». Но глаза Тани уже завладели его волей, парализовали сознание, подавили всякую способность к противодействию. Руки Дмитрия упали, тело обмякло, голова поникла.

– Встаньте! –громко прокатилось где-то в затуманен ном сознании.

Он послушно поднялся с пола.

– Оденьтесь!

Он кое-как напялил пальто, нахлобучил шапку.

– До свиданья!

Только тут он смог наконец отвести взгляд от ее глаз. И сразу наступила реакция – бурная, неистовая, бешеная:

– Русалка! Колдунья! Ведьма! Будь ты проклята со своими чарами, своим колдовством! Больше ноги моей здесь не будет!

Она лишь молча покачала головой.

Домой Дмитрий вернулся далеко за полночь. Рывком сбросил пальто, не снимая ботинок, прошел на кухню:

– Папа, у нас водка есть?

– Водки нет, коньяк вон там, в буфете. А что у тебя за радость?

Он молча налил полстакана, залпом выпил, с трудом перевел дыхание:

– Я уезжаю завтра. Совсем.

Зорин захлопнул книгу, прошел из гостиной в кухню:

– Что случилось, сын?

– Страшно сказать, папа. Я оскорбил Тропинину. Можешь назвать меня подлецом.

– Ты оскорбил Татьяну Аркадьевну?!

– Да, папа. Хочешь – ударь меня, хочешь – выгони из дома. Но разве я виноват? Разве я каменный? Столько дней, столько месяцев быть с ней рядом и не сметь даже тронуть пальцем... – он снова налил вина.

– Постой! – отодвинул от него стакан Зорин. – Объясни толком, что случилось?

– Да что объяснять... Я давно уже потерял голову. А сегодня, как на грех, мы остались вдвоем. Совсем одни!

Ну и... Все словно прорвалось во мне... Что в этом, в конце концов, особенного? Все мы люди... Что я, первый? А она... Нет, это был не гипноз! Это было какое-то изощренное колдовство. Она превратила меня в мешок с опилками. Хуже – в грудку мусора! И тогда я сказал ей... В общем, наговорил всяких пакостей.

Зорин встал и, ни слова не говоря, пошел к двери. Дмитрий схватил его за руку:

– Ну что ты молчишь?

Зорин обернулся:

– Уезжай, Дмитрий. Больше мне нечего тебе сказать.

От Учительницы – четвертому (для первого)

Кандидат снова прибыл в институт, один, без Странника. Состоялся его отчет на Ученом совете. Исследования по стабилизации радиоактивных изотопов, проведенные им в командировке, не дали желаемых результатов. Но кое-какие сдвиги наметились, и оставшийся в Кисловодске Странник, похоже, не намерен прекращать свои эксперименты. Рекомендую уничтожить созданную им установку (еще лучше всю лабораторию). Но ни в коем случае не применять инструкцию «Б», поскольку Странник, безусловно, обладает совершенно уникальной информацией, которую не доверил даже Кандидату (Кандидат на Совете не смог ответить на вопрос, как происходит преобразование нейтрино). Позднее постараюсь найти пути к овладению этой информацией. Любопытная деталь: в отчете Кандидат всячески подчеркивал свой личный вклад в проводимые исследования, почти полностью замалчивая роль Странника. Ни о каком вкладе инопланетян уже не было и речи. Доктор, занявший пост директора института, дал в высшей степени положительную оценку работам Кандидата, предложив, тем не менее, полностью их прекратить ввиду нерациональности. Кандидат, как ни странно, не возразил Доктору. Ученый совет принял решение – закрыть тему «Нейтринная стабилизация радиоактивных изотопов», считая ее дальнейшую разработку бесперспективной. Таким образом, научная работа в институте вошла в прежнее русло чисто теоретических исследований. Всякие разговоры о внеземной цивилизации и полученных от нее сведениях практически прекратились. Этому в немалой степени способствовала недавняя публикация русского астрофизика Загальского об уникальности жизни на Земле. Я постаралась познакомить с нею всех ведущих работников института. Считаю свою задачу полностью выполненной. Жду дальнейших указаний.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Максим проснулся в ужасе. Ему вновь снился ядерный взрыв: космы ревающего пламени, тучи пепла, лавина обезумевших от страха людей и два стынущих безжизненных тела – жены и сына.

Он осторожно, боясь потревожить спящую Таню, поднялся с кровати, подошел к открытому окну. Этот атомный кошмар преследовал его из ночи в ночь, и, казалось, с ним и были связаны страшные головные боли, от которых мутилось сознание. Он вытер пот и, отодвинув штору, подставил лицо и грудь потоку свежего ночного воздуха.

Но головокружение не проходило. В висках стучало. К горлу волнами подкатывала тошнота. Издали, со стороны Минутки, послышался шум приближающегося поезда. В черном, усеянном звездами небе показалась движущаяся светящаяся точка: спутник, наш или американский, быстро скользил над Землей, ощупывая сверхчувствительными объективами спящие города и села. Максим прислонился лбом к оконному стеклу, облизал пересохшие губы. Опустошающая слабость тянула к земле, подкашивала ноги. В памяти всплыл последний разговор с Этаной.

Нет, не все сказала она на прощанье. Видимо, не только его детям, но и ему самому не жить на Земле... А генератор так и не снижает интенсивности распада больше чем на сорок процентов. Неужели все впустую?.. И снова перед глазами пронеслись обрывки ночного кошмара: море огня и пепла... толпы бегущих в панике людей... скрюченные, неподвижные тела Тани и Вовки...

И все это лишь цепная реакция небольшого куска урана. Цепная реакция... Цепная реакция... – точно удары метронома бились в его мозг. Реакция, вызванная людьми. Реакция, которая начинается при определенной интенсивности естественного радиоактивного распада и критической массе, угаданной человеком. При определенной интенсивности естественного радиоактивного распада... Стоп!

Максим чуть не вскрикнул от внезапно озарившей его догадки: при определенной интенсивности... а если интенсивность уменьшится? Тогда не начнется цепная реакция? Да, по-видимому. По крайней мере в той критической массе, какая входит сейчас в атомные заряды. Но это значит... Это значит – они давно уже ломятся в открытую дверь! Им совсем ни к чему добиваться полного прекращения радиоактивного распада. Тех сорока процентов уменьшения интенсивности, какую дает генератор, вполне хватит, чтобы вывести из строя любое атомное оружие. Так неужели – конец? Неужели так просто? Нет, надо еще раз проверить все расчеты.

Он осторожно, на цыпочках прошел на кухню и, плотно прикрыв дверь, включил свет.

Однако долго считать не пришлось. Скоро стало ясно, что для предотвращения цепной реакции вполне достаточно и меньшего сокращения интенсивности, а значит, и меньшей плотности потока нейтрино, меньших затрат энергии.

Максим бросил карандаш:

– Таня!

– Я здесь.

Он поднял глаза, обернулся на голос. Таня стояла у него за спиной, видно, только что с постели, в ночной сорочке, едва набросив на плечи халатик. В глазах ее блестели слезы:

– Я здесь, Максим. Я давно уже стою здесь, рядом с тобой. А ты и не замечаешь.

– Прости, Таня, но смотри, что получается...

– Вижу, милый. Вижу, что ты снова всю ночь сидишь и работаешь. Ну разве можно так истязать себя! Ведь я чувствую, знаю, ты очень болен. Тебе нужен отдых, немедленный, абсолютный. А ты... – она прижалась лицом к его щеке, обхватила руками за голову. – Иди ляг, ляг и усни.

– Нет, Таня, сейчас я не усну, не смогу уснуть. А отдых... Отдых мы действительно заслужили. И какой отдых! Ведь мы победили, Танюша! Давно победили! Но я только сейчас понял свою ошибку. И как никто из нас сразу не сообразил, что мы должны подавить не любой распад, а лишь цепную реакцию! А для этого... – он начал торопливо излагать суть расчетов.

- Все ясно, милый. Какие же мы были чудаки! Значит, все? Конец?
- Все, Танюша! – он вскочил со стула, обнял ее за талию, хотел закружить по кухне. Но вдруг побледнел, пошатнулся, снова опустился на стул:
- Прости, родная, мне действительно лучше лечь. Устал я очень...

2

Это было впервые, что она влетела в кабинет главного врача без стука, прямо с улицы, даже не сняв пальто.

– Андрей Николаевич, дорогой мой, поздравьте меня! И всех нас! Все кончено! Больше нам не страшны никакие бомбы, никакая война!

– Генератор работает?

– Он давно работает. Но только сегодня ночью Максим понял, что излучаемого потока достаточно, чтобы предотвратить цепную реакцию.

– Значит, победа?

– Победа!

– Поздравляю, Танюша! – он взял ее за руки.

– Да поцелуйте же меня, мой добрый милый рыцарь! И не успел он опомниться, как гибкие руки Тани обвились вокруг его шеи и губы обжег ее быстрый поцелуй.

– А вечером, пожалуйста, к нам. Надо отметить такое событие. Максим очень просил.

– Спасибо, Танюша. Но еще до вечера я хотел бы поговорить с вами вот о чем... Да вы разденьтесь, разденьтесь! – он помог ей снять пальто. – Так вот, у вас сейчас, наверное, от радости душа нараспашку. А именно теперь надо быть предельно осторожными. И прежде всего: о том, что вы мне рассказали, – никому ни слова! Даже самым близким друзьям. Особенно никто не должен знать порога достигнутой вами интенсивности потока.

– Ясно, Андрей Николаевич. Но ведь мы можем менять интенсивность потока в широких пределах.

– Это очень хорошо, Таня, и все-таки... Теперь самое главное – что вы собираетесь делать дальше?

– Мы еще не думали об этом.

– А надо подумать. Сообщать что-либо в институт Дмитрия я бы не советовал. Недавно получил от него письмо. Тему нейтринной стабилизации ядер там у них прикрыли окончательно. Но это не помешало Саакяну многое из того, что он узнал от Дмитрия, опубликовать в закрытой печати. Более того, результаты этих «трудов» уже выдвинуты на соискание Государственной премии, а сам Саакян занял пост директора института. Но это пустяки. Самое страшное: как бы эти «закрытые работы» не попали туда, на запад. Ведь основываясь на них, можно, навернбе, воспроизвести вашу установку. Я не знаю, о чем конкретно написал Саакян. Но он мог выведать у Дмитрия все. Таня с улыбкой покачала головой:

– Ему просто нечего было выведывать у Дмитрия Андреевича.

– То есть?

– Может быть, это и не совсем этично со стороны Максима, но он сдержал слово, данное Зтане, и не раскрыл даже Дмитрию один секрет: устройство главного блока преобразования нейтрино. Он смонтировал его тайно от всех и включил в схему под видом одного из добавочных сопротивлений. Нашу установку не сможет воспроизвести никто. А устройство блока умрет вместе со мной и Максимом. Такова воля Этаны. И мы вполне согласны с ней и выполним ее волю: дальнейшая разработка блока преобразования может заложить основу такого оружия, которое способно уничтожить не только всю Землю, но и всю Солнечную систему.

– А если кто-то все-таки доберется до этого блока, разберет его?

Она снова с улыбкой покачала головой:

– Вы думаете, Максим зря провел время на корабле Этаны? Он снабдил блок механизмом мгновенного само уничтожения при малейшей попытке проникнуть в его тайну.

– Да, но...

– Я знаю, о чем вы подумали. Так вот, мы с Максимом можем лишиться себя жизни практически мгновенно, при любых обстоятельствах, без применения какого бы то ни было оружия.

– Не говорите об этом, Таня!

– Из песни слова не выкинешь. Мы предусмотрели все. Нельзя избавить человечество от одного оружия и вложить ему в руки другое, еще более грозное. Мы не хотим повторить ошибку физиков Лос-Аламоса. Потому и не решили еще, как поступить дальше. К тому же... – голос Тани дрогнул. – Я не говорила вам до сих пор... Максим очень, очень болен.

– Что с ним?

– Не знаю... Общее недомогание, почти полное отсутствие иммунных реакций, непрерывные воспалительные процессы... Видимо, длительное пребывание в безмикробной атмосфере звездолета подавило защитные силы организма...

– И вы не в силах ему помочь?

– Я могла бы... Но у меня кончился радиоактивный препарат, а единственная ампула с нептунием осталась в институте Дмитрия Андреевича.

– Как осталась в институте? Почему?

– Перед отъездом в Вормалей Саакян уговорил Максима и Дмитрия Андреевича спрятать ампулу к нему в сейф, а потом, когда мы уже по приезде сюда позвонили ему, заявил, что не имеет права возвращать ее в частные руки. И вот... Главное – что теперь будет с Вовой!

– Таня глотнула слезы и поспешно отвернулась к окну.

– Ну, это я так не оставлю! – Зорин схватил трубку, полистал записную книжку:

– Примите заказ. Срочный. Да, да, самый срочный! Институт ответил через несколько минут. Зорир. кивнул

Тане, она приблизила ухо к трубке. Он нервно кашлянул:

– Зорина Дмитрия Андреевича, пожалуйста. Дмитрий? Это я. Слушай, как получилось, что ампула Татьяны Аркадьевны оказалась в руках Саакяна? Почему он до сих пор не возвратил ее? Ты же знаешь, что для сына Татьяны Аркадьевны...

– Знаю. Я говорил ему. Он ссылается на какое-то законодательство и теперь, как директор института...

– Как бы мне соединиться с ним?

– Сейчас позвоню на коммутатор. Не вешай трубку. С минуту до них доносились лишь глухие шорохи. Наконец раздался знакомый самоуверенный баритон.

– Директор института слушает.

– Товарищ Саакян? Рубен Саакович, это Зорин из Кисловодска. Я звоню по очень важному делу. У вас случайно осталась ампула с радиоактивным препаратом врача Тропининой. Он был передан ей в свое время для поддержания здоровья ее сына и сейчас...

– Вы имеете в виду ампулу с нептунием? – перебил Саакян.

– Да, этот препарат срочно необходим здесь.

– Согласно имеющимся у меня инструкциям, радиоактивные элементы не могут находиться в руках частных лиц. Я не имею права передать вам или кому-либо другому ампулу с нептунием.

– Но это лечебный препарат.

– Вы можете представить утвержденную Минздравом методику лечения нептунием?

– Рубен Саакович, прошу вас, не будем формалиста ми. Я уже сказал: нептуний был передан Тропининой специально для лечения ее сына от редкой, единственной в своем роде болезни. Никакой официальной инструкции у нас нет. Но поскольку жизнь ребенка в опасности...

– Ничем не могу вам помочь. Нептуний не лечебный препарат. Институт не может передать его в частные руки.

– Да поймите, речь идет о жизни ребенка!

– Используйте для лечения другие лекарства.

– Никаких других лекарств против этой болезни нет. Оставшаяся у вас ампула – единственное средство...

– Простите, больше мне нечего вам сказать, – перебил Саакян и повесил трубку.

Зорин устало откинулся в кресле, больно закусил губу. Пальцы его, все еще лежавшие на телефоне, заметно вздрагивали.

Таня положила ладошку ему на руку:

– Не надо, Андрей Николаевич, не принимайте все близко к сердцу. Я чувствовала, что так будет. Этот Саакян – страшный человек. Мне уже доводилось с ним сталкиваться. С нептунием придется пока проститься. Вот разве когда построим генератор... Тогда, может быть...

– Ну нет, найдется управа и на такого троглодита! И мой совет: забирайте свою установку и, не теряя времени, на этой же неделе... Нет, завтра, прямо завтра летите в Москву, к президенту Академии наук.

– К президенту Академии наук?!

– Да-да! Только к самому президенту. И расскажите ему все. Включая ваши идеи, ваш контакт с представителями внеземной цивилизации, ваши успехи и неудачи в работе с установкой. И эту беспрецедентную историю с нептунием, конечно. Он поймет вас. Другие могут не понять.

– Спасибо, Андрей Николаевич. Вы правы. Это, наверное, единственно приемлемый вариант. Сегодня вечером мы все окончательно обдумаем и...

– Не вечером, а сейчас. Сию минуту! Слышите? Прямо сейчас ступайте посоветуйтесь с Максимом и готовьтесь я отъезду. Вову оставьте у меня, мы с ним старые друзья. О билетах я позабочусь. И, разумеется, никому ни слова об отъезде.

– Я понимаю, но...

– Никаких «но»! Теперь дорог каждый час. Идите, Таня! И ни о чем не беспокойтесь, ваш отпуск я оформлю. Максим, наверное, уже в лаборатории?

– Нет, ему нездоровится, он дома.

– Да, вы же сказали... Какое несчастье! Может, я смогу чем-нибудь помочь?

– Спасибо, я справлюсь сама. Сегодня это всего лишь обычная реакция после сильного переутомления. Пусть полежит до вечера. А завтра, я думаю, мы сможем все-таки выехать.

– Нет, Таня, тогда не стоит спешить. Здоровье Максима – прежде всего. Не будем беспокоить его дня два-три. Только вот ваша лаборатория... Там, значит, никого?

– Я запираю ее на два замка.

– На два замка! Таня, Таня, ничему-то вы не научились! Едем скорее!

– А что, вы думаете...

– До сих пор вам просто везло, что туда не наведалься кто-нибудь из наших знакомых по Вормалею.

– Прежде мы ни на час не оставляли лабораторию без присмотра. Только в самые последние дни, когда Максиму стало совсем плохо. И потом, я же сказала, блок преобразования нейтрино...

– Ну да, блок будет уничтожен. А с ним, возможно, и вся установка, все ваши записи, расчеты. Но сейчас это самое страшное – с чем вы явитесь к президенту? Едем, Таня!

3

То, что называлось «лабораторией», было всего лишь чердачным помещением небольшого частного дома, словно выросшего в склон горы на самой окраине города. С трех сторон к дому подступал сад, так что окна чердака еле просматривались сквозь густые заросли деревьев, а с четвертой прямо над ним нависла гладкая, точно отполированная стена обрыва, кое-где прикрытая небольшими гнездами сухой колючки.

Вход на чердак оказался отдельным: туда вела крутая узкая лестница, заключенная в дощатый кожух. К тому же хозяева дома, сдавшие Максиму это полуразрушенное, непригодное для жилья помещение, на зиму уезжали из Кисловодска, поэтому вся усадьба фактически пустовала. То и другое было очень удобно для работы, особенно при проведении небезопасных экспериментов с радиоактивными материалами. Но в этом заключался и большой минус: в отсутствии Максима и Тани в лабораторию мог беспрепятственно проникнуть любой посторонний.

Вот почему так волновался Зорин, быстро поднимаясь по темной лестнице. И предчувствие не обмануло его: дверь в лабораторию была приоткрыта, там слышались чьи-то легкие крадущиеся шаги.

Зорин в два прыжка преодолел последние ступени, но не успел пересечь небольшую площадку, скупо освещенную крохотным пыльным оконцем, затянутым паутиной, как дверь резко распахнулась, и выскочивший из нее молодой высокий парень в капроновой куртке бросился было мимо него прямо к лестнице, но, видимо, заметив внизу слабо различимую в полутьме фигуру другого человека, круто развернулся и, выбив сильным ударом ноги несколько досок из ветхой стены, ограждающей лестницу, ринулся вниз, в густые заросли кустарника.

Зорин проводил его взглядом, вытер пот с лица:

– Все, Таня. Поднимайтесь!

Она осторожно заглянула в раскрытую дверь. Зорин первым шагнул в помещение лаборатории, раздвинул шторы:

– Ну, как, все в порядке?

Она медленно обвела взглядом комнату:

– Да, как будто ...Только вон, смотрите! – указала она на небольшую пластмассовую канистру, торчащую из нижнего ящика стола. В нос ударил резкий запах бензина.

– Все ясно. Еще минута – и нас встретила бы сплошная стена огня. Вовремя мы его спугнули, – сказал Зорин, извлекая канистру и старательно завинчивая полураскрытую горловину, сквозь которую натекла уже небольшая маслянистая лужица.

– Какой ужас! – зябко передернула плечами Таня. – Не поторопи вы меня прийти сюда... Ой, Андрей Николаевич!

– Что еще?

– Лабораторный журнал! Я точно помню: он лежал вот здесь, на столе. А теперь... Теперь его нет нигде.

– Значит, журнал похищен?

– Видимо, так, – она торопливо перебирала лежащие на столе бумаги. – Да, журнал исчез.

– И теперь эти записи не восстановить?

– Да, конечно. Но это не столь важно. Хуже, что они попали в чужие руки.

– Надо сегодня же заявить об этом куда следует. А теперь за дело. Установка, я вижу, небольшая. Вполне уместится в моем дорожном чемодане. Я уложу ее пока вот в эту пустую коробку. А вы осмотрите ящики столов, книжные полки, соберите все записи, схемы, эскизы. Все-все! До единой бумажки. Что не нужно, сразу сожжем. Главное, чтобы ничего не попало в руки тех, кто будет после нас здесь шарить. Кстати, дома перед отъездом нужно сделать то же самое.

– Вы думаете, они снова явятся сюда? И даже к нам домой?

– Не сомневаюсь. Такая публика ничем не брезгует, весь мусор просеет. И поэтому... Дайте-ка мне кусок бумаги. Нет-нет, лучше вон тот, не очень свежий.

Зорин вынул ручку и быстро набросал несколько слов. Таня взглянула ему через плечо:

– Что это?

– Адрес института Дмитрия. Он им прекрасно известен. И обнаружив здесь эту бумажку...

– Они решат, что мы поехали с установкой в институт?

– Вот именно. Незачем заранее раскрывать им все карты.

Зорин тщательно упаковал блоки генератора, придирчиво осмотрел опустевшее помещение:

– Ну, кажется, все. Спускайтесь к автомату, вызывайте такси.

– А вы?

– Я подожду вас тут.

Она с тревогой оглянулась на подступившие к самым окнам деревья, перевела взгляд на Зорина:

– Останетесь один?! А если...

– Не беспокойтесь. Пока мы здесь, сюда не явится никто.

4

Этого звонка Рябинин ждал с начала зимы. Сколько раз казалось, что они почти у цели, что еще шаг-другой и «Виктор» выведет их на своего шефа. Но почти всякий раз какой-нибудь пустяк путал все карты. И вот наконец:

– Товарищ лейтенант?

– Да, Рябинин у телефона.

– Товарищ лейтенант, сержант Приходько докладывает. Взяли мы его! Взяли! И знаете как? Ребята еще с утра заметили, что «Виктор» бензинчиком запасася. Ну, мы и...

– Постойте, не спешите. Кого взяли?

– Как кого? «Четвертого»!

– «Четвертого»?

– Так точно, товарищ лейтенант! Взяли с поличным.

– Но как, где? Докладывайте по порядку.

– Вот я и говорю: ребята еще с утра заметили, что «Виктор» канистру бензина купил. А для чего он ему? Не иначе, думаю, придется в роли пожарных выступать. И точно! Прихватил он эту канистру и разными окольными путями – к лаборатории Колесникова. Мы, понятно, – за ним. Ну, поднялся он туда, ребята в саду залегли. А я поближе к окну, на горе в кустах пристроился, смекаю, как мне в случае чего действовать: ведь сами понимаете, и брать мне его не приказано, и допустить пожара нельзя. Вдруг смотрю, Зорин с Тропининой идут. Ну, думаю, теперь и вовсе хоть на три части разрывайся! А сам жду, что дальше будет. И тут – хлоп! Две доски сверху – чуть мне не на голову. А за ними и сам этот мерзавец – выпрыгнул и наутек. И такого дал стрекача, что мы едва с ног не сбились. Но чистенько проводили его до вокзала, посадили в электричку. И тут дежурный по рации: только что, говорит, заходил к нему Зорин и сообщил, что пропал там у них лабораторный журнал. Вот я и подумал, а не к шефу ли он спешит с этим журналом? Ведь если это так, то... Словом, решил умереть, а выследить гада! Ну, сошел он, как всегда, в Пятигорске. И снова – ну петлять: туда-сюда, туда-сюда. Да нам уж все его повадки давно примелькались. Глаз с него не спускаем. Наконец, подался он к Машуку, потом к Провалу. И тут, у самого входа в Провал, налетает с размаху на какого-то зазевавшегося старикашку в шляпе, в черных очках, вежливо так извиняется перед ним и – дальше. Но у меня глаз наметанный: сразу заметил, сунул он в карман старика какой-то сверток. А больше ничего и не надо. Мигнул я своим, те сразу старика под белы ручки. А двое «Виктора» заарканили. Старик, конечно, кричит, грозитя. А в кармане-то у него – лабораторный журнал Колесникова. И борода фальшивая. Я ее, простите уж, ненароком содрал. Словом, куда денешься! Вот так и погорел ваш «четвертый». Можете приехать, взглянуть на него. «Старик» чуть старше меня. А без бороды – вылитый Снайдерс, какой у вас на фотографии изображен.

– Сейчас еду. Только генералу доложу. Благодарю за службу, сержант!

5

Выслушав донесение Рябинина, генерал тотчас связался с Левиным:

– Сергей Сергеевич, только что получено сообщение из Кисловодска: «Четвертый» взят. Да, мистер Снайдерс, он самый! Рябинин уточнил. Ну и «Виктор», разумеется. Вот о Нестеренко я и хотел сказать. Да, пора кончать, взять сегодня же. Нет, лучше по пути с работы. А обыск в квартире произвести немедленно. Прокурору я позвоню. И еще – майора Рябина представить к награде. Да, майора!

В этот день Хант имел все основания быть в дурном расположении духа. Еще утром, едва он приехал на службу, ему сообщили, что лопнула фирма, в акции которой он вложил значительную часть своего состояния. Лопнула вопреки заверениям совета директоров о том, что в этом году ожидаются большие прибыли. Лопнула только потому, что какой-то идиот из вице-президентов решил направить большую часть капитала на производство суперсовершенных бытовых холодильников, хотя младенцу известно, что хорошую прибыль дают только заказы военного ведомства.

Потом он узнал, что полиция задержала сеньора Грациано. Нет, он, Хант, не имел с этим гангстером никаких серьезных дел. Но раз или два тот оказывал ему кое-какие мелкие услуги. И если это всплывет на суде, то, конечно, не оберешься неприятностей.

Словом, оснований для плохого настроения было больше чем достаточно, и потому, когда в дверях показалась голова дежурного офицера, Хант лишь нетерпеливо махнул рукой:

– После, после, я занят.

– Прошу прощения, мистер Хант. Но вы просили, в случае, если явится наш «турист», информировать вас немедленно.

– А-а, наш «турист», – вспомнил Хант, с трудом отрываясь от мрачных дум. Этого агента сразу, как только замолчал «Четвертый», он специально послал в Россию в составе туристической группы, которая должна была посетить лермонтовские места Кавказа. Нужно было как можно скорее выяснить, что случилось с резидентом. Это был один из опытейших работников Ханта, к тому же в руках его сосредоточилась почти вся агентура, задействованная в операции «Феномен икс». Любое несчастье со Снайдерсом грозило провалом всей операции.

Хант живо обернулся к офицеру:

– Так что наш «турист»? Прибыл? Вы беседовали с ним?

– Да, он только что подал подробный рапорт. Очень неприятный рапорт. «Четвертый» арестован. Арестованы также Толкач, Учительница и многие другие. А с теми, кто остался на свободе, связь потеряна.

– Проклятье! И это сейчас, когда Колесников вот-вот закончит свои эксперименты. Элсберга сюда!

– Мистер Хант, вы позволили ему отдохнуть по возвращении из России. Он, я слышал, отправился на Гавайские острова... а

– С ума сошел! Какие сейчас Гавай! Немедленно, свяжитесь с ним. Пусть бросит все и явится сюда.

– Но как сообщить ему? Элсберг в открытом океане.

– Не рассуждать! Мне нет дела, как вы свяжетесь с ним. Завтра Элсберг должен быть здесь. Все! Идите!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

– Здравствуйте, здравствуйте, молодые люди! – встал президент Академии наук навстречу Тане и Максиму, когда они во второй раз вошли в большой строгий кабинет. Проходите, пожалуйста. Располагайтесь вот здесь, ко мне поближе. Кстати, как вас устроили, не требуется ли в чем-нибудь моя помощь?

– Нет, спасибо, у нас все хорошо, – поспешил заверить Максим.

– Тогда не будем терять времени и поговорим серьезно, по-деловому. Признаюсь, когда вы в первый раз пришли сюда и обрушили на меня поток ваших идей, я склонен был видеть в них больше фантазии, чем здравого смысла. Каюсь и приношу свои извинения. Факты оказались красноречивее всяких слов. Ибо работу установки я видел. Расчеты ваши проверил. В принципиальной схеме генератора разобрался. Теперь мне все ясно, кроме, как вы догадываетесь, устройства блока преобразования нейтрино, который так и остался для меня «блоком икс».

– Я должен извиниться перед вами, – смутился Максим. – С меня взяли слово не раскрывать этот важный секрет, и я просто не могу...

– Все ясно, Максим Владимирович. Я уважаю вашу верность слову. Более того, будь идея моей, я точно так же сохранил бы ее в тайне. Человечество не доросло еще до таких деликатных вещей.

– К сожалению, это так. Ведь попади они в руки какому-нибудь заокеанскому авантюристу...

– Можете не продолжать. Мне хорошо известна эта сторона вопроса. И повторяю: я точно так же, как и вы, не раскрыл бы тайны преобразования нейтрино никому. Кроме вас, разумеется, – неожиданно улыбнулся президент, – ибо тут, как говорится, терять нечего. – Он выдвинул ящик стола и извлек большой лист бумаги с набросанной от руки схемой. – Вот, взгляните. Все это, конечно, лишь первая прикидка, но...

Максим взял схему, с минуту всматривался в привычные обозначения и символы и вдруг почувствовал, как все в нем будто оборвалось:

– Так здесь... Так это... Это почти то же самое, что у них! Значит, наши ученые... Значит, вы...

– Да, мы тоже, как видите, не сидим сложа руки, – усмехнулся президент.

– Стало быть, все, что мы сделали, – ни к чему? Вы бы и без нас... И вся наша работа, все мытарства – зря?

– Ну нет, не зря. Совсем не зря! Вы больше, чем кто-либо, знаете, что путь от такой вот прикидки до действующей установки измеряется годами. А мы должны иметь готовый генератор минимум через пять-шесть месяцев. Мы обязаны его иметь! Чтобы сохранить наш народ, нашу Родину, всю нашу прекрасную планету. А обстановка в мире такова, что даже через год сделать это будет гораздо труднее. Вот что значит ваша работа и ваши мытарства. Но это еще не конец. И мы будем просить вас... Впрочем, прежде чем говорить о дальнейших планах, позвольте мне пригласить сюда одного нашего общего знакомого.

Он нажал кнопку звонка, подождал, пока секретарь закроет за собой дверь:

– Саакян здесь?

– Только что появился. И с ним все руководство института.

– Пусть войдет. Один! Без «свиты».

Секретарь вышла, а через минуту в дверь кабинета как-то боком, сгорбившись в полупоклоне, протиснулся «шеф» Дмитрия Зорина.

– Приветствую вас, Рубен Саакович. Надеюсь, вы знакомы? – кивнул президент в сторону Максима и Тани.

– Да, кажется, где-то, когда-то мы встречались... – небрежно бросил Саакян, кладя на стол объемистую рукопись в твердом переплете.

– Где-то, когда-то? Я полагал, в вашем возрасте память может быть и лучше.

– А-а, теперь припоминаю... Наш бывший сотрудник, то ли Телегин, то ли Оглоблин... Но если он пришел к вам с жалобой на незаконное увольнение, то я могу представить все соответствующие документы...

– Не надо никаких документов. Максим Владимирович ни на что не жалуется. Но его, как и меня, интересует, по какой причине вы закрыли тему нейтринной стабилизации ядер. Это, надеюсь, вы более точно помните? Или проблема показалась недостаточно актуальной?

– Нет, проблема актуальна. Но мы посчитали, что бросать средства на разработку столь теоретически необоснованного исследования...

– А кто вам помешал довести эти обоснования до конца? Кстати, насколько я помню, вы приехали на Президиум Академии по поводу выдвижения на Государственную премию ваших работ именно в этой области. Так что, для Государственной премии они более обоснованны?

– На Государственную премию эти работы были выдвинуты всем коллективом института. Еще до того, как я занял пост директора. Они получили поддержку целого ряда научно-исследовательских учреждений страны. В рецензиях на мою монографию, – кивнул Саакян на рукопись, – четко показано...

– Что там показано, я знаю. Но вы не ответили на мой вопрос: почему институт не довел до конца теоретические обоснования проблемы нейтринной стабилизации ядер?

– Вы не меньше меня знаете, насколько сложна проблема. Ни одна лаборатория Запада...

– Оставьте лаборатории Запада! Меня интересует состояние дел в вашем учреждении.

– А в нашем учреждении... В последнем отчете подробно показаны все трудности, с какими мы столкнулись в разработке проблемы. Кстати, отчет утвержден Президиумом. Но если вы настаиваете на продолжении этих разработок, я завтра же дам указание одному из секторов...

– С завтрашнего дня над проблемой стабилизации ядер будет работать весь институт. И это станет его единственной тематикой.

Саакян пожал плечами:

– Что же, если вы считаете необходимым, я готов начать перестройку...

– Нет, ваша роль будет значительно скромнее. Перестройкой займется новый директор института. Вы познакомьтесь с ним все-таки: Колесников Максим Владимирович. Можете записать, если не надеетесь на свою память. У Саакяна мелко задрожали руки:

– Вы, очевидно, шутите... Колесников всего лишь кандидат наук. К тому же его авантюризм... Ведь он, да будет вам известно, в свое время решил спекулировать чуть ли не «знакомством» с некими пришельцами из космоса. И это после того, как профессор Загальский убедительно доказал, что разумная жизнь на Земле уникальна, что мы с вами...?

– Не надо о Загальском и о нас с вами, – недовольно перебил президент. – Я прекрасно знаю и то, как Загальский «убедительно доказал» уникальность жизни на Земле, и то, как несколькими годами раньше он не менее убедительно доказывал множественность разумных миров во Вселенной. А с «авантюризмом» Максима Владимировича мы познакомились. Дай бог всякому такой «авантюризм»! Кстати, вы сами уже успели использовать кое-что из его «авантюрных» идей. А вот память у него значительно лучше, чем у вас: он помнит не только вашу фамилию, но и кое-что еще. Так что с перестройкой, надо полагать, он справится успешнее, чем вы.

Саакян вытер платком обильно выступивший пот, судорожно глотнул воздух:

– А моя роль, как вы изволили выразиться?..

– А ваша роль будет заключаться в том, чтобы как можно быстрее сдать ему дела и помочь войти в коллектив.

– Но я позволю себе напомнить, что мое звание членкора...

– Президиум не утвердил итоги голосования по вашей кандидатуре. Так что пусть это звание вас не беспокоит. И последнее. Я просил телеграфировать, чтобы вы захватили сюда ампулу с нептунием.

– Вот, пожалуйста, – Саакян поспешно вынул из кармана красиво инкрустированный футляр и, щелкнув крышкой, поставил перед президентом.

Тот осторожно извлек тонкий волосовидный баллончик, положил его на ладонь:

– Любопытно... Очень любопытно! Такая степень миниатюризации! Как это попало к вам, Рубен Саакович?

– Ампулу передал в институт вот он... товарищ Колесников, и теперь...

– Почему же вы не возвратили ее товарищу Колесникову? – перебил президент.
– Но это же нептуний! А вы знаете, что согласно всем инструкциям... К тому же, такая масса трансурана...

– А как вы, да и почитаемый вами профессор Загальский, смогли объяснить появление такой массы трансурана, не поддавшись на «спекулятивную» версию Колесникова?

– Так ведь было сообщение – я сам читал в одной американской газете – что некая фирма Соединенных Штатов...

– Так-так... Значит, паршивой американской газетенке вы поверили больше, чем честному советскому ученому? Но почему, в таком случае, вы, так ревностно соблюдая все инструкции, не уведомили об этом президиум Академии наук? Почему решили единолично распорядиться столь уникальным объектом?

– Я полагал, вам известно все от моего предшественника. Прежний директор был в курсе дела. Что же касается того, что ампула с нептунием хранилась у нас, то где, как не в институте ядерной физики...

– Где нептуний так необходим для работы, – это вы хотите сказать?

– Вот именно. И наши последние успехи в области исследования трансуранов...

– Хорошо, хорошо! Об успехах после. Откройте-ка ампулу. Посмотрим на этот трансуран.

– А я... А она... Понимаете, мы не смогли ее открыть. Я вызывал даже специалистов. Видимо, какая-то неисправность в запирающем устройстве.

– Возможно. Иначе ваши «успехи» были бы еще больше. Татьяна Аркадьевна, вы не поможете нам?

Таня дала команду элементу связи – мгновенно рядом с ампулой появилась крупница серебристо-белого металла. Головы всех склонились к столу.

– Феноменально! – воскликнул президент, рассматривая кристаллик таинственного зауранового элемента. – А как вернуть его обратно в контейнер?

– Точно так же. – Таня дала команду элементу, и кристаллик исчез: механизм ампулы работал молниеносно.

– Да-а, изделий такого класса наша техника пока не производит, – заметил президент, снова беря в руки миниатюрный контейнер. – Видели, Рубен Саакович? «А ларчик просто открывался...» – он смерил Саакяна презрительным взглядом. – Кстати, так часто бывает с ворованными вещами.

– Как с ворованными? Позвольте!!

– Нет, не позволю! – посуровел президент. – Я давно привык называть вещи своими именами. И то, как вы поступили с препаратом Татьяны Аркадьевны, – воровство. Да и эти ваши «исследования», – он ткнул пальцем в пухлую монографию Саакяна, – тоже не больше чем воровство. И хватит с вами! Честь имею! – он бережно вложил ампулу в футляр, протянул его Тане. – Возьмите ваш препарат, Татьяна Аркадьевна, и лечите сына и мужа. Максиму Владимировичу теперь понадобится много сил.

– Спасибо вам, – с трудом вымолвила Таня, едва сдерживая подступившие к горлу слезы, – только...

– Что только?

– Мне принадлежит только эта ампула. Футляр не мой. Видите здесь даже вензель: «Р. С. С.» Видимо, Рубен Саакович Саакян.. Пусть он заберет это обратно.

Президент взглянул на вензель, покачал головой:

– Н-да.., Как я сразу не раскусил его?.. А-а, вы еще здесь, – обратился он к стоящему возле двери Саакяну. – Вот, возьмите! Единственное, что вам принадлежит. И потрудитесь освободить кабинет.

Саакян вышел. А Таня, боясь поверить во все происходящее, переполненная чувством благодарности к старейшине советской науки, несмело произнесла:

– Я хотела бы... Нельзя ли подарить часть содержимого ампулы Академии наук?

– О, спасибо, Татьяна Аркадьевна, – широко улыбнулся президент. – От таких подарков не отказываются. Сегодня же организуем официальную передачу нептуния в лабораторию трансуранов. Можете не сомневаться, там оценят ваш дар по достоинству. Теперь о деле. Итак, Максим Владимирович, надеюсь, вам уже почти все ясно? Завтра президиум утвердит вас в новой должности. И немедленно принимайтесь за дело.

– Но это так неожиданно... Я, конечно, сделаю все, что в моих силах. Однако должность директора... Смогу ли я?..

– Должны. Этого требуют интересы всей страны, больше того – всей планеты. Вам будет предоставлено все необходимое: любые средства, материалы, кадры. Вы получите полную свободу действий. Но и спрос будет... Сами понимаете. Генератор минимум через полгода должен быть введен в строй, иначе...

– Понимаю.

– Вот и отлично. Теперь кое-какие детали. Ваш институт получит особый статус: ему будут переданы специальные КБ, строительные и монтажные организации, ну и ...Что там еще? Продумайте сами. Завтра на Президиуме доложите. Обсудим, посоветуемся со специалистами. И пока, пожалуй, все. Желаю успеха, – президент крепко пожал руку Максиму, обернулся к Тане. – А вам, дорогая Татьяна Аркадьевна, придется покинуть солнечный Кисловодск, быть поближе к мужу. Ничего не поделаешь – так надо.

– Ну что, мистер Элсберг, снова попросите отставку? Или опять скажете, что готовы понести любое наказание? – Хант едко усмехнулся сквозь полусомкнутые веки.

– Ни то, ни другое! – жестко ответил Рейли. – За провал Четвертого я не отвечаю. Толкача и Учительницу определённо потянул за собой он сам. Что же касается института, то я сделал все возможное, даже больше: работы по созданию генератора там полностью прекращены.

– В институте – да. А Колесников?

– Я просил санкции убрать Колесникова. И не раз. Вы сами воспротивились этому. Мы были в двух шагах от цели.

– Гм... Убрать Колесникова... И своими руками похоронить информацию, которой он владеет! Вы всегда искали самые легкие пути к достижению цели. Самые легкие, но не самые верные! Нам генератор нужен не меньше, чем русским. Это в тысячу раз эффективнее любой «космической обороны». Только такой тупица-солдафон, как Колли, может вообразить, что его космическое оружие даст возможность полностью предотвратить удар возмездия. А нейтринный генератор – это стопроцентное исключение ответного удара. Не-ет, дружище, надо было думать не о том, как убрать Колесникова, а о том, как помочь им с Зориным спокойно работать, работать до тех пор, пока не были бы закончены эксперименты и результаты их не поступили в институт. Вот тут вы с Учительницей и показали бы, на что способны. И незачем было ей посылать свои донесения через Толкача и Четвертого, когда вы сами были в институте. Слишком много заботились о своей безопасности.

– Что толку говорить теперь об этом.

– Вот теперь-то и есть толк обо всем поговорить. Чтобы учесть прежние ошибки и не наделать новых.

– Не понимаю. Вы что, снова хотите послать меня в Россию?

– Совершенно верно. Ведь вы-то ничем не скомпрометировали себя. И контракт «ваших» фирм с институтом не аннулирован.

– Да, но...

– Никаких но! Каждый обязан исправлять свои ошибки сам. Вы снова поедете в институт...

– Но я же сказал, в институте прекращены все работы по созданию генератора.

– Были прекращены. Были! Но почему вы решили, что они не будут возобновлены? Вы не изучили как следует русских, дружище. Будьте уверены: Колесников доведет свои

эксперименты до конца. И в институте снова развернутся работы по созданию генератора. Развернутся так, как это возможно только в России: не считаясь ни с какими затратами, ни с какими трудностями. И тогда им понадобится еще больше электронной техники «ваших» фирм. И вы продадите все, что они попросят. Но! Постарайтесь воспользоваться этим в полной мере, господин торгпред. Генератор должен быть у нас. И только у нас. Поэтому задача остается прежней: полная информация о конструкции и принципах работы генератора и непременно уничтожение русской установки в наиболее ответственный момент ее создания. А вот когда все нужные материалы будут здесь, а русская установка уничтожена, я сам попрошу применить по отношению к Колесникову, да и не только к Колесникову, инструкцию «Е». Но это в будущем. А сейчас... Сейчас, увы, придется снова начать с нуля. С вербовки людей, задействованных в проекте... Назовем его, пожалуй, «Проект Омега». Прежде всего из числа инженеров и техников, по возможности, из руководящего персонала и работников охраны. Использовать любые пути: подкуп, шантаж, создание компрометирующих ситуаций.

— Ясно, о чем говорить...

Но Хант продолжал тоном ментора:

— Средств не жалеть! Люди — это главное. Будут люди — будет возможность торпедировать проект. Здесь в ход должно быть пущено все: прямой саботаж, диверсии, устранение наиболее перспективных исполнителей. Но главное — главное, Элсберг! — информация о конструкции генератора.

— Да ясно, ясно! Но почему я должен начать с нуля? Ведь не все наши люди арестованы. Даже из тех, кто был задействован в операции «Феномен икс». Я знаю, что и в институте...

— Да, несколько человек там осталось.

— Так, стоит восстановить их связи...

— Это будет сделано.

— И дослать к ним несколько опытных агентов...

— И об этом я позабочусь.

— Вот на это ядро я и смогу опереться.

— Ни в коем случае! Эта группа получит особое задание.

— Не понимаю...

— Стареете, Элсберг. Определенно стареете. Почему вы уверены, что люди, оставшиеся на свободе, не остались под колпаком у Звягина?

— Это, конечно, не исключено.

— А если этого нет, мы сами поможем Звягину напасть на их след. Да, сами! Но так этот след запутаем, введем в игру такую уйму статистов, с такими немислимыми заданиями и связями, что на год завалим КГБ работой.

— Понятно...

— Да, вот такое прикрытие подготовил я для вашей будущей группы. Группы, на мой взгляд, немногочисленной, тщательно законспирированной, где каждый будет знать лишь одного-двух человек, без всяких связных — все донесения должны идти через официальные каналы связи с «вашиими» фирмами, — но такой, какая сможет выполнить все поставленные мной задачи. Все, Элсберг. Два дня вам на сборы, и — в путь! Да, кстати, — усмехнулся Хант, — не забудьте запастись хорошей шубой: зима в России лютая. В Москве, я слышал, сейчас под тридцать.

— Если бы только зима... — пробурчал Рейли, покидая кабинет своего шефа.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

1

Время приближалось к десяти, когда Звягин дочитал последнюю страницу протокола допросов задержанных по делу «Феномен икс» и, встав из-за стола, распахнул настежь обе створки окна. В комнату ворвался густой аромат только что распустившейся сирени.

Ночь едва погасила последние всплески заката. Но в воздухе уже чувствовалась бодрящая прохлада, и первая звездочка зажглась в высоком чистом небе.

Звягин с минуту постоял у окна, затем снова вернулся к столу, снял трубку телефона:

– Сергей Сергеевич, вы последний протокол допросов прочли?

– Да, только что. Здорово, Денис Павлович! Такой клубок распутали.

– А вам не кажется, что слишком уж здорово?

– То есть?

– Да понимаете, какое дело... Вам не приходилось случайно видеть, как птица сама лезет в руки человека, уводя его от гнезда?

– Я не охотник, Денис Павлович.

– И я не охотник. Но и не помню случая, чтобы так вот легко раскалывались на допросах матерые разведчики. Да и вся система их связей...

– Вон вы о чем! А я и не подумал. Но какой смысл? Генератор закончен. Завтра пуск. Охрана там, сами знаете...

– Знаю, все знаю. Но до пуска еще больше двенадцати часов. Мало ли... Словом, Сергей Сергеевич, возьмите-ка человек пять-шесть из тех, кто поопытнее, и проведите эту ночь на объекте. Береженого, как говорится...

– Ясно, Денис Павлович. Сейчас же выезжаю.

2

– На сегодня все, товарищи, – сказал Максим, закрывая совещание. – Повторяю: пробный пуск генератора завтра ровно в двенадцать. Этот срок окончательный. Я уже уведомил о нем президента Академии наук. Он обещал позвонить в правительство. Поэтому каждый из вас должен быть готовым завтра в одиннадцать ноль-ноль доложить на главный пульт о результатах последнего, заключительного опробования всех узлов и механизмов. Я думаю, незачем говорить, что сбой хотя бы одного агрегата сорвет работу всей установки в целом. Этого допустить нельзя. Ни в коем случае! А теперь – всем отдыхать! Есть ли еще какие-нибудь вопросы?

– Да, – встал с места старший инженер-электрик Греков. – Максим Владимирович, я хотел бы еще раз проверить в корпусе преобразования систему охлаждения конденсаторов. Что-то там верхние клапаны пошаливали. Разрешите?

– Но вы уже больше суток на ногах.

– Ничего. Хуже будет, если завтра какая-нибудь серьезная неисправность обнаружится,

– Хорошо, проверьте.

– Тогда подпишите, – протянул Греков свой пропуск. – Вы знаете, сейчас без вашей дополнительной подписи туда даже главинжа не пустят.

– Да-да... Давайте, – Максим взял ручку со специальными чернилами и поставил подпись.

– Ну, все, товарищи, до завтра!

Кабинет быстро опустел. Максим откинулся в кресле, закрыл глаза, постарался расслабиться. Бешеный темп завершающих предпусковых и наладочных работ привел к страшной непроходящей усталости. Трудно было даже раскрыть веки, оторвать руки от стола.

Но теперь – все, конец! Завтра пробный пуск и, если он пройдет благополучно, то – долгожданный отдых: какая-нибудь речка, тропинка в густой траве, синее небо над головой и тишина. Покой и тишина...

В последние несколько месяцев ни о чем подобном не когда было даже подумать. Лихорадочная работа многотысячного коллектива ежечасно, ежеминутно требовала отдачи всех сил, неимоверного напряжения каждого нерва, каждой клеточки его мозга. И все-таки они успели. Еще несколько часов – и мир наконец сбросит с плеч кошмарное бремя страха. Он с трудом раскрыл глаза, потянулся к телефону, чтобы вызвать машину, снова опустил руку на стол:

«Что это говорил Греков? Какая-то неисправность в системе охлаждения конденсаторов? Не могли устранить вовремя! Вечно какая-нибудь мелочь под занавес. А если не мелочь? Если окажется, что надо что-то серьезно переделывать? Нет, этого допустить нельзя!» – он быстро поднялся и, прикрыв дверь кабинета, направился к производственным корпусам.

Всюду стояла непривычная тишина. Лишь скупое дежурное освещение да неподвижные фигуры охранников сопровождали его по длинным, белеющим кафелем переходам. Но вот и вход в корпус преобразования. Высокий плечистый охранник шагнул ему навстречу, но, узнав директора института, молча посторонился.

– Что, старший инженер еще здесь? – спросил его Максим.

– Не могу знать, товарищ директор, я только что заступил на пост.

– Откройте дверь.

Охранник почему-то растерянно заморгал белесыми ресницами, но послушно нажал на кнопку запирающего устройства, и массивная стальная дверь бесшумно скользнула в проем стены. Максим сбежал по каменным ступеням вниз.

Корпус встретил его густым полумраком и настороженной тишиной. Черные тени, протянувшиеся от колонн, будто взламывали бетонные плиты пола, сминали и коржили тонкое кружево стальных конструкций. Слабое дежурное освещение только усиливало такое впечатление. Но все это лишь скользнуло поверх сознания. Взгляд Максима, как всегда, метнулся прежде всего к индикаторной лампе блока преобразования. Она сияла спокойным зеленым светом.

Максим прошел в дальний конец корпуса, где размещались батареи конденсаторов. Там было тихо. Он обошел батареи со всех сторон: нигде ни души. Где же Греков? Или уже успел уйти? Но он вышел из кабинета не более получаса назад. Не случилось ли что-нибудь с человеком? Смутная тревога заставила Максима еще раз обойти весь конденсаторный участок. Старшего инженера не было нигде.

«Видно, решил отложить до завтра и ушел домой», – подумал Максим и направился было к выходу, как вдруг до слуха его явственно донеслось позвякивание металла о металл. Он прислушался. Звуки неслись со стороны блока преобразования. Это еще что такое?

Максим ускорил шаги, обогнул массивную колонну электронной «пушки», пробрался сквозь сложный лабиринт электромагнитных фильтров и увидел фигуру человека, склонившегося над кожухом блока. В руках у него был гаечный ключ. Он торопливо отвинчивал верхнюю крышку кожуха.

Максим оцепенел от ужаса. Там, под этой крышкой, находился одному ему известный, смонтированный им лично механизм мгновенного самоуничтожения блока. Стоит незнакомцу коснуться ключом или отверткой болтов, крепящих внутреннюю крышку люка, как произойдет непоправимое: весь блок вместе с окружающими его конструкциями взлетит на воздух. Погибнет человек. Погибнут результаты титанического труда сотен других людей. Испытание генератора отодвинется на много месяцев.

– Стойте! Что вы делаете? Там смерть! – крикнул он, бросаясь к незнакомцу. Тот быстро обернулся, и Максим будто споткнулся на полдороге! перед ним стоял... Греков.

На какие-то доли секунды Максим оцепенел от изумления. Что это: естественное любопытство инженера или диверсия врага? Но уже в следующий момент все сомнения исчезли. Максим заметил в руках Грекова недавно пропавший из КБ чертеж компоновки основных узлов блока преобразования, пользуясь которым, можно найти и извлечь из блока самую сердцевину его, сам преобразователь нейтрино, устройство которого знал только он, Максим, и принцип действия которого должен был особенно интересовать врагов Родины.

Итак, перед ним – враг. Враг дважды опасный, ибо Греков не знал, что похищенный им чертеж не полон, в нем отсутствует целый узел – механизм мгновенного самоуничтожения блока, и, торопясь проникнуть под внешний кожух прибора, мог в любую минуту взорвать и себя и всю уникальнейшую установку.

Надо было как можно осторожнее, не побуждая инженера к резким действиям, отвлечь его хоть на несколько минут от опасного замысла, подняться под любым предлогом на переходный мостик над блоком и включить вмонтированную там сирену аварийной сигнализации. Вой сирены мгновенно поднимет на ноги всех. Иначе...

Максим постарался придать голосу как можно больше спокойствия:

– Товарищ Греков, почему вы здесь? Что вам вздумалось копаться в готовой установке? И в такое время? Повторяю: это опасно, очень опасно! В блок вмонтирована система превентивного самоуничтожения. Уж если вам так хочется взглянуть на схему установки, попросили бы меня. Сейчас я все объясню, только поднимусь наверх и отключу питание системы.

Греков медленно выпрямился. Страх и растерянность, только что искажавшие его лицо, сменились язвительной усмешкой.

– А-а, это вы, товарищ директор! Очень приятно встретиться в столь интимной обстановке. Давно мечтал поговорить с вами по душам. Только здесь, в тишине, а не на мостике, под вой сирены.

Максим решительно шагнул к нему:

– Перестаньте паясничать, Греков! Дайте сюда ключ, если не хотите, чтобы мы оба с вами взлетели на воздух!

– Ах, вам ключик? А такого ключика не хотите? – Греков выхватил из кармана револьвер.

– И тихо! – услышал Максим другой голос и, обернувшись, увидел еще один ствол пистолета, наведенный на

него охранником с белесыми ресницами, с которым он только что говорил у входа в корпус. Лицо охранника было непроницаемо, как маска, револьвер будто врос в мускулистую волосатую руку.

Максим понял, что на этот раз враги взяли его в клещи. Даже ценой смерти он не сможет сохранить целостность блока. А без него, Максима, блок не восстановит никто. Над набросками, которые он видел у президента, действительно надо еще работать и работать.

Будь у него исправным элемент связи, он мог бы еще попытаться овладеть волей врагов. Теперь об этом нечего было и думать. Приемы гипноза, каким научила его когда-то Миона, здесь были абсолютно неприемлемы. Какого дурака он сваял, не прихватив с собой кого-нибудь из сменных инженеров. Но кто мог подумать, что в тщательно охраняемом корпусе можно встретить вооруженных диверсантов! И теперь вот...

– А теперь я могу дать вам Ключ, – продолжал издеваться Греков. – Откройте крышечку сами да расскажите, что там и к чему. И учтите, товарищ директор, это единственный Шанс сохранить вам жизнь! Иначе...

Максим взял ключ и склонился над кожухом. О собственной жизни он уже не думал. Смешно было бы рассчитывать, что при любых обстоятельствах они оставят его в живых. Но до тех пор, пока он возится со всеми этими гайками, оставалась надежда сохранить блок. Только он, Максим, мог снять внутреннюю крышку люка, не приведя в действие механизм самоуничтожения.

Хорошо, допустим, он справится с крышкой. А дальше? Дальше он наплетет им с три короба об устройстве блока. А потом? Пусть ему удастся провести Грекова и тот поверит его брехне. А потом? Потом?!

Потом они все равно уничтожат его и похитят блок. Это их главная задача.

«Что же придумать, что сделать?! – лихорадочно соображал Максим, медленно отвинчивая гайку за гайкой. – Правда, осталась еще сирена...»

– Нельзя ли побыстрее, товарищ директор? – ткнул его пистолетом в спину Греков. – Мы ведь тоже подготовили небольшой фейерверк.

– Это опасно, я сказал вам.

– Наш фейерверк поопаснее. Торопитесь!

Максим не ответил. До слуха его донесся слабый шорох где-то над головой и, незаметно скосив глаза вверх, он увидел, что там, на переходном металлическом мостике, появился третий.

Руки Максима дрогнули. Он в нерешительности наложил ключ на очередную гайку. Появление этого третьего лишало его последней надежды сохранить целостность блока. До этого он еще мог рассчитывать, что после отключения механизма самоуничтожения он сможет броситься к кнопке аварийной сирены и поднять тревогу. Самого его, конечно, изрешетят пулями. Но подоспевшие люди успели бы еще спасти блок. Теперь отпадала и эта возможность. Третий остановился как раз у аварийной кнопки.

Максим снова покосился наверх. Так это же... Это же Дмитрий Зорин!

«Предатель! Продажная шкура!» – Максима даже передернуло от ненависти к изменнику. «Ну, значит, все! Блок обречен. Но и вы не уйдете живыми, гады!» – он быстро отвинтил последнюю гайку, краешком глаза глянул вверх. Да, это Зорин. Но почему он продолжает красться по мостику? Отошел уже и от кнопки... Остановился прямо над ними...

И вдруг Дмитрий прыгнул. Прямо на спину Грекова. Пальцы его вцепились в руку с револьвером. Оба покатались по полу. И в ту же секунду раздался выстрел охранника. На левом плече Дмитрия выступило красное пятно.

Максим понял все.

– Держись, Дима! – он быстро пригнулся и бросился охраннику под ноги. Подскочив от неожиданности, тот не удержался и растянулся на полу. Грянул выстрел. Пуля с визгом прочертила бетон у самого уха Максима. Он вскочил и кинулся на спину поднимающегося охранника, пытаясь вырвать у него пистолет. Но тот успел снова выстрелить. Ногу Максима опалило огнем. В тот же миг охранник, изловчившись, повалил его на пол и, приставив пистолет к горлу, прохрипел в самое лицо:

– Вынешь нам эту штуковину или кончать с тобой? Максим скосил глаза в сторону Дмитрия с Грековым.

Те все еще катались по полу: один – пытаясь выстрелить, другой – заломить руку с револьвером так, чтобы пуля не могла причинить ему вреда. Но раненый Дмитрий уже терял силы. Греков сумел прижать его к стальной колонне и ухватить свободной рукой за горло. Рука с пистолетом неотвратимо приближалась к голове Дмитрия. Под левым плечом его образовалась лужица крови.

Максим почувствовал, что начинает задыхаться. Холодный ствол пистолета все больше стискивал горло, твердое, как камень, колено охранника сдавило грудь.

– Так достанешь ты эту хреновину? Достанешь?! – продолжал тот брызгать слюной, заламывая Максиму руку. Острая боль в плече становилась невыносимой. В голове мелькнула последняя мысль: может, после его смерти они все-таки не решатся снять крышку блока. Максим закрыл глаза.

И вдруг железные пальцы врага разжались. Он с шумом вскочил на ноги и тут же вскрикнул.

– Спокойно! – услышал Максим, как сквозь слой ваты, чей-то властный голос. – Хватит дергаться! Вот так-то лучше. И давайте сюда, в сторону. Сержант, врача быстрее!!

Максим открыл глаза. Прямо над ним склонился грузный немолодой мужчина с густой копной седых волос. Двое других, помоложе, крепко держали за руки охранника. Еще двое обыскивали стоявшего с поднятыми руками Грекова. Пятый, совсем еще юный паренек, помогал подняться Дмитрию.

Максим попытался встать.

– Лежите, лежите! – остановил его жестом седоволосый. – Врач сейчас будет.

– Да у меня пустяки, царапина! – отмахнулся Максим, поднимаясь с полу. – А-а, товарищ подполковник. Простите, не узнал.

– Еще бы! – усмехнулся Левин. – Я бы в вашем положении отца родного не узнал, – он поднял пистолет охранника. – Возьмите, лейтенант. И обоих в машину! А вот и врач!

– Врача сначала Зорину, – кивнул Максим в сторону Дмитрия. – А мы с вами, Сергей Сергеевич...

– Да, да. Так что произошло, Максим Владимирович?

3

– Больно, Дима? – спросил Максим, легонько коснувшись плеча Дмитрия, когда машина вышла за ворота института.

– Нет, не очень. Да у тебя самого...

– У меня пустяк. А тебя я сейчас прямо в хирургическое. Полежишь там с недельку.

– Это еще зачем? Никаких больниц!

– Надо, Дима. Врач с меня слово взял. И потом... Прости меня. Я ведь подумал...

– Нет, это я... Я во всем виноват перед тобой. И рад, что хоть немного... смог искупить свою вину. – Он слабо улыбнулся.

– Ну, что там вспоминать! А сегодня, если бы не ты... А как ты догадался? Как попал в корпус?

– Чисто случайно, понимаешь. Засиделся у себя в лаборатории с отчетом. Решил сократить путь домой, пройти закрытым переходом. Смотрю – дверь в корпус преобразования открыта, и охранника нет. Что, думаю, такое? Глянул внутрь, а индикаторная лампа, как заячий хвостик, дрожит, словно молит о помощи. И – никого! Что мне оставалось делать? Бросился я на мостик, хотел включить сирену. Да только поднялся над блоком и все понял. Ну а дальше... Дальше – вот, – он невольно зажал рукой плечо.

– Потерпи, Дима. Зато завтра...

– Завтра... Знаешь, что я больше всего хотел бы завтра? Хотел бы увидеть, какая морда будет у мистера Рейли и всей его команды.

Хант нервно вышагивал по кабинету, то и дело поглядывая на часы. Сегодня должно было прийти решающее сообщение из России. Сообщение, подводящее черту под операцией, какой еще не знала практика мировой разведки. Результаты этой операции либо обессмертят его имя, либо...

Он снова взглянул на часы:

– Куда они все запропалились?..

Наконец дверь распахнулась. Хант непроизвольно шагнул навстречу вошедшему офицеру связи: . – Не могли раньше!

– Телефонграмма Элсберга только что получена, мистер Хант.

– Давайте сюда!

Хант впился глазами в стандартный бланк: «Спектрометр «Омега-262» запустить не удалось – явный брак фирмы. Почти все запасные части утеряны в дороге. Заказчик в ближайшее время потребует большую неустойку».

Хант опустил в кресло, смахнул со лба обильно выступивший пот.

Телефонграмму следовало трактовать так: «Операцию осуществить не удалось. Почти все задействованные в ней люди арестованы. В ближайшие дни русские осуществят запуск генератора».

Хант сомкнул набрякшие веки;

– Это провал... Провал окончательный... Несколько минут он сидел неподвижно, забыв о стоящем перед ним офицере связи. Потом медленно поднялся, кивком указал ему на дверь. Офицер бесшумно вышел. Хант поднял трубку телефона прямой связи:

– Колли? Слушай, Дик, как у тебя с Глобальной ной? Я спрашиваю, закончил ли ты наконец развертывание своей Глобальной обороны? Что значит, кое-какие мелочи? Ерунда! Ты должен сегодня – слышишь, сегодня! – доложить президенту, что система Глобальной космической обороны полностью развернута. Так нужно, дружище! Пора начинать... Что ты, не понимаешь, о чем я говорю? Так вот, еще раз повторяю... Что? Вызывает президент?..

Хант снова потянулся к телефону. Но в двери опять показался офицер связи:
– Мистер Хант, президент просит вас немедленно явиться к нему.
– И мне? Что там еще случилось?
— Боюсь, что-то очень серьезное, шеф...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

В двенадцатом часу дня на командном пункте, у главного пульта генератора собрались все, кто должен был участвовать в уникальном эксперименте. Ждали президента Академии наук и представителя правительства. Максим в последний раз проверил по селекторной связи готовность всех блоков и участков. Диспетчер соединился с Управлением Единой Энергетической Системы Страны, чтобы окончательно уточнить график подачи энергии на генератор: для питания его конденсаторов требовалась мощность по меньшей мере половины электростанций Европейской части Союза, и потому на двадцать минут, в течение которых планировалось проведение эксперимента, следовало прекратить снабжение электричеством не одной сотни городов и промышленных предприятий.

Наконец, были еще раз предупреждены атомные электростанции и лабораторные реакторы западных районов страны и все атомоходы, находящиеся в акваториях Атлантического и Тихого океанов, которые оказывались в зоне действия генератора.

Время приблизилось к двенадцати. В помещение Командного пункта вошли президент Академии наук и члены правительственной комиссии по проведению эксперимента. Максим отдал рапорт и, подойдя к тумблеру включения генератора, кивнул диспетчеру. Тот поднял трубку прямого провода с Управлением Единой Энергетической Системы:

– К приему энергии готовы!

Тревожным красным светом замигала индикаторная лампа над пультом. Гигантский поток энергии хлынул в конденсаторы установки.

Представитель правительства взглянул на часы:

– Ну что же, товарищи, начнем...

Президент подошел к Максиму, обернулся к собравшимся инженерам и ученым, поднял руку:

– Именем человечества! Именем всех людей Земли! Включайте! – он взмахнул рукой.

Максим нажал на тумблер. Мощный ровный гул заполнил помещение. Тысячи лампочек замигали на панелях огромного пульта. Бесчисленные зеленые змейки побежали по экранам осциллографов.

В течение нескольких секунд никто не произнес ни слова.

И вот первый звонок диспетчеру:

– Реактор С...кой АЭС остановился. За ним второй:

– Реактор Н...кой АЭС перестал функционировать.

Вздых облегчения вырвался у всех собравшихся. А сообщения полетели уже со всего гигантского сектора действия генератора:

– Реактор атомохода «Родина» не работает.

– Реактор опреснительной установки в районе мыса Г. остановился.

– Реактор в лаборатории института онкологии вышел из строя.

И наконец;

– Планируемый экспериментальный атомный взрыв в подземной шахте Я...кого полигона не увенчался успехом: цепная реакция не пошла.

Президент Академии подошел к Максиму и крепко по-; жал ему руку:

– Благодарю вас, Максим Владимирович! Благодарю вас, товарищи! И я думаю..., – он обернулся к представителю правительства, – на этом можно закончить эксперимент?

– Да, конечно. Этого достаточно. Электростанции должны работать, корабли двигаться. А наши недруги, очевидно, уже поняли, в чем дело. Соответствующий меморандум народам

и парламентам и Заявление Советского правительства будут опубликованы в течение ближайших часов. Разрешите и мне поблагодарить всех присутствующих от имени ЦК КПСС и правительства. Выключайте, товарищ Колесников!

Максим отжал тумблер, кивнул диспетчеру. Тот взял трубку прямого провода:

– Забор энергии прекращаем.

Пульт погас. Глубокая тишина воцарилась в помещении. Кто-то открыл окно. И все услышали веселый птичий гомон, несущийся в ясное безоблачное небо.

2

– Остановись здесь, Федя, – кивнул Максим шоферу, когда машина въехала в березовую рощу, окружавшую дома ведущих работников института. – Хочу пройти пешком, подышать свежим воздухом. Теперь спешить некуда...

– Я не понадобится вам сегодня?

– Сегодня – нет. И вообще... Ты, кажется, хотел к родителям съездить? Вот и поезжай. Сегодня у нас четверг... До понедельника можешь быть свободен.

– Спасибо, Максим Владимирович.

– Счастливого тебе. Сейчас, я только в институт позвоню. Он взял трубку радиотелефона:

– Диспетчер? Главного инженера мне! Сергей Павлович? Колесников говорит. Вы, я знаю, собираетесь отметить сегодня успешный пуск. Да, не смогу. Очень плохо себя чувствую. Вы извинитесь за меня перед товарищами, поздравьте их, поблагодарите от моего имени. Спасибо. Всего доброго.

Максим повесил трубку.

– Езжай, Федя! – он дал машине развернуться и, сойдя с дороги, медленно побрел под шумящими на ветру деревьями.

Вот и конец. Конец всему. Можно сказать – победа. Во всяком случае, он сделал для Земли все, что было в его силах. Даже больше, чем было в его силах. А дальше? Что же дальше? Теперь, наверное, посыплются всякие почести, награждения... Но зачем ему это, если все блага Земли он отдал бы сейчас за одно мгновение встречи с Мионой.

Деревья расступились. Он вышел на крохотную, полянку, в центре которой высился большой куст сирени, точно такой, какой рос когда-то у белой виллы, на звездолете, где он впервые встретился с юной инопланетянкой, и новый поток воспоминаний захлестнул его.

Он подошел к кусту и зарылся лицом в прохладную шелковистую листву.

Миона!.. Любимая, единственная во Вселенной!

Но разве имел он право быть счастливым, зная, что Земля висит на волосок от гибели, и только он, он один, был в состоянии протянуть ей руку помощи? Нет, поступить иначе он не мог. Однако какой жестокий выбор уготовила ему судьба!

Максим сорвал с шеи душивший его галстук и, миновав поляну, вновь углубился в шумящий березняк.

Потом он шел и шел, не разбирая дороги, пробирался через какие-то заросли, не обращая внимания на боль в ноге, на густые ветки, хлеставшие по лицу, забыв о времени, о доме, и очнулся лишь на берегу небольшой реки, о существовании которой и не подозревал»

Солнце зашло. Прозрачные сумерки опустились на землю. Пахучей свежестью потянуло с притихшей в ивняке реки. Максим прижался спиной к шершавому стволу дерева, следя за первыми несмело загорающимися звездами.

И вдруг воздух дрогнул от грохота орудий. Ветвистая россыпь фейерверка взметнулась в небо. Земля салютовала своим верным сынам, спасшим ее от гибели. Салютовала ему, Максиму, и его помощникам.

Он слабо улыбнулся, прикрыл глаза и, бросив в рот таблетку валидола, опустил на старый замшелый пенек...

3

Таня встретила его в прихожей, бледная, растерянная:

– Поздравляю тебя, Максим. Я все знаю. По радио уже передавали правительственное Заявление. Я рада за тебя и за всех нас. Но...

– У тебя что-то случилось?

– Нет, но вот только что, час назад... Ой, не знаю даже, как сказать...

– Вова?! – рванулся Максим в детскую.

– Нет, нет! У Вовы все хорошо. Но час назад со мной говорила... Этана.

– Что?! Что ты сказала? – Максим подумал, что ослышался, не так понял слова Тани. Мысли его не улеглись еще от страшной сумятицы, вызванной воспоминаниями о пережитом на борту Ао Тэо Ларра. Но в глазах Тани не проходила тревога:

– Да, я только что говорила с Этаной, Максим. Она воспользовалась моим элементом связи, и так как твой элемент вышел из строя, она...

– Постой! Как – говорила с Этаной? Этого не может быть! Ведь Ао Тэо Ларра...

– Ао Тэо Ларра вернулся в систему Солнца. Уже неделя, как он на орбите спутника Марса, и Этана... Сейчас я все тебе расскажу. Дай только собраться с мыслями...

– Вот такая ситуация, господа, – Президент обвел взглядом ближайших помощников, собравшихся у него в овальном кабинете. – Как будем реагировать на все это?

Никто не торопился с ответом. Взгляд Президента остановился на главе военного ведомства:

– Мистер Колли?

– Гм... Ситуация действительно сложная... – замялся генерал. – Прямо скажем, неприятная ситуация. А как реагировать на нее? Очень просто. Собрать всех наших ученых, и заставить их сделать новую бомбу, – такую, на которую не действовали бы эти лучи. Или... как их... эти нейтрино, что придумали русские.

– Та-ак... Мистер Хант? Хант тяжело вздохнул:

– Мы знали о работах русских по стабилизации радиоактивных изотопов, в частности изотопов урана и плутония, используемых в нашей энергетике и военном арсенале страны. Больше того, мы пытались торпедировать эти работы. Но... – он выразительно пожал плечами, – Как видите, они обошли нас. Надо иметь мужество посмотреть правде в глаза и изменить наши политические и военные доктрины, по крайней мере, на ближайшее время. То, что предлагает Колли, – это перспектива на десятилетия. А что делать сейчас? Я посоветовал бы вам, господин Президент, незамедлительно, прямо сегодня, сию минуту выступить с заявлением, что Соединенные Штаты предлагают всем государствам немедленно и без всяких условий ликвидировать все имеющееся в их распоряжении ядерное оружие.

– Зачем так торопиться? – поморщился Колли. – Может быть, еще не все потеряно. Уничтожить ядерное оружие! Вы представляете, что это значит?

– Ядерного оружия у нас, считайте, уже нет. А немедленное заявление о нашей готовности уничтожить атомные бомбы – именно немедленное, пока мир еще не узнал о возможностях русских, – заставит и Россию пойти на такой шаг. Позже, когда они объявят о своем открытии, они могут этого и не сделать. Я уже не говорю о том резонансе, который вызовет наше заявление во всем мире.

– Ну, к чему сейчас еще и эта дипломатия в духе красных? – вяло отозвался Президент. – Колли прав, не стоит торопиться. Всякое заявление такого рода, как вы предлагаете, – камень на шею. Нас просто не поймут там, – указал он глазами куда-то вверх. – Может, русские действительно лишь пугают нас. Остановка атомных электростанций еще не уничтожение ядерного арсенала. Посмотрим, что последует дальше...

– Я знаю, что последует дальше! – с жаром возразил Хант. – Дальше появится заявление русских, после которого любая наша декларация не будет стоить и ломаного гроша. Поймите, русские построили генератор, способный прекратить любой радиоактивный распад. К черту летит и ваш хваленый рентгеновский лазер. Чего еще смотреть?!

– Ну хорошо. Послушаем, что скажут другие, – Президент демонстративно отвернулся от Ханта. – Государственный секретарь?

Тот не спеша встал, поправил пенсне:

– Главное сейчас, подумать о сохранении Атлантической солидарности. Наши союзники по НАТО, как вы знаете...

Но дальше Хант не стал и слушать. Он знал, во что обычно выливается эта бесконечная говорильня в овальном кабинете. Лишь служебная этика не позволяла ему встать и покинуть совещание. Казалось, ему не будет конца. Вдруг в двери появился заведующий канцелярией Белого дома:

– Экстренное сообщение из Москвы, господин Президент.

– Деша посла?

– Нет, Заявление Советского правительства. Они пишут, что нашли способ ликвидации всего ядерного оружия.

Президент пробежал глазами поданный ему текст:

– Н-да... Серьезная бумага... Ну что же, мистер Хант, теперь давайте подумаем и о дипломатии. Вы, кажется, советовали...

– Простите, господин Президент, мой совет имел смысл лишь несколько часов назад, до этого заявления. А сейчас подумайте лучше о моей отставке. Умные помощники, как я понял, вам не нужны. – Он коротко поклонился и вышел.

На лужайке перед Белым домом его ждал доктор Браун.

– Мистер Хант, мистер Хант! – бросился тот ему навстречу. – Я прямо из Лэнгли. Там сказали, что вас срочно вызвал Президент, и я поспешил сюда.

– Что вам от меня нужно?

– Как... что нужно? Ведь вы сказали тогда, что я должен в любой час дня и ночи... а мы снова зафиксировали направленное модулированное поле и пришли к выводу, что гравитоизлучатель инопланетян...

— Идите вы, знаете куда, со всеми вашими полями, излучателями и инопланетянами в придачу! За что вам только деньги платят! – Хант круто повернулся и зашагал к своей машине.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

1

«Давно ли запустил Колесников свой генератор, а как все изменилось в мире, – отметил про себя Зорин, берясь за только что принесенные газеты. – Америку словно подменили. Да и Англию, ФРГ... Будто никто и не собирался пойти на нас «крестовым походом». Вот и сегодня: «В Лондоне объявлено о демонтаже последних евро-ракет», «Бонн потребовал ликвидации всех военных баз США на территории Западной Германии», «Голландия заявила о своем выходе из НАТО». А все они: Максим, Таня, Димка-шалопут. Молодцы ребята! Но от Тани почему-то давно уже ни строчки. И Дмитрий ничего не пишет... Ну да, до того ли им сейчас! Всекие, наверное, там приемы, пресс-конференции... Встали на крыло орлята! Что им до старых родительских гнезд...» В дверь заглянула секретарь:

– Андрей Николаевич, к вам отдыхающая.

– Вы же знаете, я принимаю с двух!

– Я сказала ей. Но она очень просит. Это из сегодняшнего заезда, там небольшое недоразумение: несколько отдыхающих задержались с отъездом, и свободные палаты будут только к обеду.

– Так она что, не может подождать до обеда?

– Я так и сказала ей, но... Вы знаете этих столичных вертихвосток!

– Ладно, пусть зайдет, – Зорин свернул газеты, придвинул к себе какие-то бумаги и даже не поднял глаз на вошедшую.

- Здравствуйте, Андрей Николаевич...

Он вздрогнул, как пронзенный молнией:

«Что это, галлюцинация?» Но слух не обманул его:

– Таня... Татьяна Аркадьевна, вы?! А мне сказали...

– Правильно вам сказали. В кои-то веки приехала в санаторий, достала путевку. А у вас в приемной...

– Да, да, я знаю... Это мы сейчас... Но как же так, ни писем, ни телеграмм и вдруг... Да вы садитесь! И расскажите хоть немного. Как Максим, как Вова?

– Максима больше нет...

– Что?!

– Да не пугайтесь вы так! Нет здесь, на Земле. Улетел он, вернулся туда, где прожил последние годы, и я... Я согласилась с его решением: он не смог бы жить на земле. Только невыносимое нервное напряжение, связанное с работой над генератором, позволяло ему держаться этот год, а как только все было кончено... Ну, а Вова... Он был тоже обречен, я говорила вам. И в последнее время он так привязался к Максиму... Словом, Вова улетел с отцом.

– А как же вы? Что будет с вами?

– Со мной? – Таня попыталась улыбнуться. – А ничего. Все самое страшное позади. Конечно, расстаться с сыном, да и с Максимом тоже, было нелегко. Но теперь рана начинает понемногу затягиваться. Привыкну... А как вы? Что у вас нового?

– Что может быть нового у меня? . – А книга?

– Книгу закончил, послал в Москву, жду отзыва. Да что говорить обо мне? Как вы собираетесь жить дальше?

Она чуть передернула плечами:

– Жить, как жила. Хочу просить вас снова взять меня на работу в санаторий, если, конечно, найдется вакансия.

– Для вас?! Да я сам уйду, если не найду для вас другой должности.

– Ну, если уйдете вы, мне тут тоже делать будет нечего. Ведь кроме вас, здесь, на Земле...

– Таня смущенно улыбнулась. – Никак не могу отделаться от привычки мыслить космическими масштабами. Хотя никому, наверное, космос не принес столько горя, сколько мне...

Она чуть помолчала, стараясь справиться с нахлынувшими воспоминаниями. Взгляд ее остановился на стопке свежих газет:

– Сейчас вот падкие на сенсации газетчики слов П9 жалеют, возвеличивая инопланетян и их гуманность. А знали бы они истинную цену этой гуманности, истинную цену их абсолютного разума, их высшей справедливости! Видели бы хоть раз, с какой высокомерной усмешкой Этана встречала появление Земли на своих экранах дальней связи! Впрочем, я, наверное, несправедлива к Этане. Максим был прав, когда сказал однажды: «Ее нельзя судить, как нельзя Судить Солнце за то, что оно движется по такой, а не другой орбите». У всех свои заботы. И у нас – здесь, и у них – там. Я уже не говорю о себе, о вас, даже о Максиме. Но Этана, могущественная Этана! Вы знаете, почему ее корабль вернулся в систему Солнца?

– Так он вернулся?!

– Да. Потому что Кибер, их хваленый Кибер выразил вотум недоверия своему командиру – отказался вести

корабль к системе Агно под командованием Этаны! И высокомерная инопланетянка вынуждена была либо до конца дней своих блуждать где-то на орбите спутника Марса, либо просить меня, меня, которую она считала чем-то вроде маленькой козявки, случайно попавшей в окуляры ее приборов, о великой услуге: разыскать Максима и поведать ему о ее бедственном положении.

– А почему так? Разве у нее не было возможности обратиться прямо к Максиму, минуя вас?

– В том-то и дело, что не было. Я оказалась единственным человеком, с кем она могла связаться на Земле, ведь элемент связи Максима, помните, был выведен из строя во время аварии вертолета на Лысой Гриве.

– Как же, помню. Именно с этим, кажется, было связано и уничтожение диска и ваше неожиданное возвращение в Кисловодск?

– Да, именно с этим. И Этане ничего не оставалось, как связаться со мной и молить меня помочь ей. И я волею была выполнена ее просьбу или отказаться от этого. Я могла даже ничего не сказать Максиму. И никто во всем свете не узнал бы о моем разговоре с инопланетянкой. Но я в тот же вечер рассказала Максиму все. Даже сама посоветовала ему вернуться на Ао Тэо Ларра, сама попросила взять с собой Вову. Нет, это была не жертва с моей стороны. Я чувствовала, что Миона навсегда осталась в его сердце. Ну, а Вова... Я не могла не понимать, что это единственная возможность сохранить его жизнь после моей кончины. Какая мать не воспользовалась бы такой возможностью, даже ценой вечной разлуки со своим дитем! И через две недели все было кончено: они покинули Землю. Навсегда... – она судорожно вздохнула, прикрыла глаза платком. – Неделью назад я получила письмо от дяди Степана. Он был последним, кто проводил их с родной Земли, там же, на Лысой Гриве, откуда всегда стартовали челночные корабли Этаны. Я надеюсь, что когда-нибудь там поднимется памятник в честь одного из достойнейших сынов планеты.

Несколько минут они молчали, думая каждый о своем, Наконец Зорин нарушил затянувшееся молчание:

– И после этого вы решили вернуться в Кисловодск?

– Нет, это решение пришло не сразу. Надо было осмыслить все случившееся. А потом... Потом было еще два события, о которых я должна вам рассказать. Первое – я снова побывала на приеме у президента Академии наук. Это был единственный человек, которого Максим решил уведомить о своем отлете. Он оставил для него объемистое письмо. Я не читала его. Но думаю, то была не просто прощальная исповедь. По-видимому, Максим написал ему о многом, если не о всем, что узнал на Ао Тэо Ларра. Президент был очень внимателен ко мне, приглашал даже остаться работать в своем академическом институте. Но я лишь поблагодарила его. Я врач. И только врач. Мое место здесь, среди больных, я нужна им. А второе событие... – Таня слегка покраснела. – Дмитрий Андреевич сделал мне предложение.

Зорин выдавил на лице некое подобие улыбки:

– Ну что же, я... рад за вас.

– Но я отказала ему, – поспешила добавить Таня. – Я уважаю Дмитрия Андреевича. Больше, чем уважаю. Его искреннее участие во мне и этот недавний героический поступок... Да вы, вероятно, еще не знаете, ведь это ему

мы обязаны благополучным пуском генератора: в последний момент, рискуя жизнью, он помог Максиму расправиться с двумя вооруженными негодьями, пытавшимися уничтожить готовую установку. Словом, я очень симпатизирую Дмитрию Андреевичу, но...

– Я понимаю, – сказал Зорин как можно более безразличным тоном. – Сердцу, как говорится, не прикажешь. А как ампула с нептунием? Она сохранилась у вас? – попытался он направить разговор в другое русло.

– Ампула сохранилась. Она со мной и, я надеюсь, послужит еще многим хорошим людям. А,, почему вы не поинтересуетесь причиной моего отказа Дмитрию Андреевичу? – спросила Таня, чуть понизив голос и пряча глаза в опущенных ресницах.

– Ну, это такое дело, Татьяна Аркадьевна... Разве, я в праве?..

– Да, в праве. Потому что причина в вас, Андрей Николаевич.

– Во мне?! Как во мне? Не понимаю...

Она встала и, обойдя кресло Зорина, мягко коснулась его густых, вконец побелевших волос:

– Андрей Николаевич! Милый Андрей Николаевич, долго ли мы будем таиться друг от друга! Я же знаю, вы любите меня. И я... тоже люблю вас. Люблю давно. Только все время скрывала это от вас. И от себя тоже...

– Что вы говорите, Танк? Эт... Это серьезно?

– Разве об этом можно говорить несерьезно?

– Да... Но мои годы, мое сердце... Вы же знаете...

– Знаю. Все знаю. Только зачем вспоминать все это? Разве дело в годах? Разве я не вижу, не чувствую, что в душе своей, в своем отношении к жизни, в своей любви ко мне вы моложе всех, кто когда-либо встречался на моем пути? Ну, а сердце ваше... Я помогу ему. И это главное, – почему я здесь.

Руки Тани легли ему на грудь, и он снова ощутил ласкающий холодок ее ладоней, снова почувствовал, как с них стекают какие-то слабые щекочущие токи, несущие бодрость всему телу.

Зорин прикрыл глаза, полностью отдаваясь знакомому чувству покойной истомы:

– Родная моя... – прошептал он, легонько сжимая ее пальцы. – Чем я смогу отплатить за это счастье?

– Вы отплатили уже... Своей любовью. – Она нежно коснулась губами его виска. И вдруг выпрямилась:

– Ой, смотрите, смотрите! Нет, не сюда, на то окно, что выходит в парк!

Он перевел взгляд на большое, широко распахнутое окно и невольно потер глаза рукою. Там, на блестящем белом подоконнике, в свете яркого утреннего солнца пламенел чистейшим пурпуром только что раскрывшийся бутон никогда не виданного им цветка. Яркие лироподобные лепестки его еще хранили капельки прозрачной росы, тонкий горьковатый аромат все больше заполнял пропахший лекарствами кабинет, острое чувство радостного ожидания какого-то неведомого счастья все сильнее и сильнее охватывало душу.

Зорин привстал с кресла, и произошло чудо: красный цвет лепестков сменился оранжевым, потом – желтым, зеленым, синим. Ему показалось даже, что он слышит тихий перезвон крохотных колокольчиков, в ушах зазвучала легкая светлая мелодия.

– Что это, Таня, что? Откуда здесь этот цветок?

– Это астиийский эдельвейс, Андрей Николаевич. Помните, я как-то говорила вам о чудесном ингрезио с Ао Тэо Ларра. Это прощальный привет оттуда.

Она подошла к окну и, взяв цветок в руки, прижалась к нему пылающим лицом:

— Спасибо тебе, Этана. И прости меня. Теперь я верю –добро побеждает во всей Вселенной.

ЭПИЛОГ

– Боже, сколько воздуха, сколько света! – воскликнул старый Мюллер, спускаясь с помощью жены и сына по крутым ступеням крыльца. – Шутка ли – почти два года не сползал с постели! Думал, уж и не выживу после той страшной ночи. А вот, бог дал, снова увидел и реку, и рошу, и... А что это там, под холмом столько машин, солдат? Уж не война ли опять, сынок?

– Нет, папа, как раз наоборот. Это военный муравейник проклятых янки решили разворошить. Ведь тут, под замком, они целую фабрику смерти соорудили. Задумали прямо из-под земли какие-то лучи посылать на луну, чтобы, отразившись там, как от зеркала, они могли всю Европу сжечь.

– Лучи, говоришь? А ведь эти самые лучи я той ночью и видел. Встал эдак на лодке, смотрю...

– Вот за это тебя и угостили свинцом наши союзнички. Разве могли они допустить, чтобы кто-то узнал, на какой пороховой бочке мы, немцы, сидим?

– Ах, сукины дети! А теперь, значит, порушат эту адскую машину?

– Все – конец! Все их ракеты вышвырнут.

– Все это ладно, сынок. А как русские? Задавят они нас без американцев, засыпят атомными бомбами...

– Эх, отец! Мало тебе одной американской пули? Русские! Да они первыми объявили об уничтожении всех своих бомб. И это после того, как сделали так, чтобы ни одна бомба янки не могла взорваться.

– И все-таки, боюсь я их, сынок. Ведь это такая силища!

– Вот эта силища и даст нам теперь спокойно пожить. Ты смотри, какая благодать вокруг! Внучата твои вон в воде барахтаются. Сад, что ты заложил, выше дома вымахал. Девчата, слышишь, в роще поют. А солнце, воздух... Душа не нарадуется! Так что, думаешь, русским не то же самое нужно? Люди, отец, везде люди. Если, конечно, они от золота не ошалели, как те заморские «спасители». А с сумасшедшими, сам знаешь, без силы нельзя. Важно, в чьих руках она – сила.

